
Межзвёздные узы
Книга 4
Яд
для
Драконьего гнезда
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Amaury Shadow

Amaury Shadow

Яд для драконьего гнезда

https://litres.ru/74810642
SelfPub; 2026

Аннотация

В прошлой жизни Элирис видела, как горят её системы.

Видела смерть семьи, падение СаРет и АэлТар, рабство, предательство и лица тех, кто называл насилие правом сильнейших.

А потом она проснулась за много лет до катастрофы.

Теперь у неё есть шанс изменить всё.

Но чтобы остановить КхарРаэн, Элирис придётся войти в самое сердце драконьего гнезда, где женщины считаются добычей, власть пахнет кровью, а наследники правящего дома уже считают её своей.

Они ошибаются.

Потому что рядом с Элирис встанут те, кого судьба выбрала для неё: белый дракон, древний саарх и два эларийских хищника. Мужчины, способные стать её домом, защитой, любовью и самым большим испытанием для её упрямого сердца.

Элирис не собиралась спасать целую систему.

Но иногда, чтобы изменить мир, достаточно одной сильной женщины.

Особенно если эта женщина — яд, который враги сами пригласили к своему столу.

Содержание

Предупреждение от автора	5
Глава 1	8
Глава 2	56
Глава 3	96
Глава 4	140
Глава 5	159
Глава 6	185
Глава 7	217
Глава 8	246
Глава 9	262
Конец ознакомительного фрагмента.	281

Яд для драконьего гнезда

Предупреждение от автора

Прежде чем нырять в книгу **«Яд для драконьего гнезда»**, я очень настоятельно рекомендую прочитать предыдущие книги серии **«Межзвёздные узы»**.

Не потому, что я вредная.

Хотя да, немного есть.

Просто мир у нас большой, мужчины опасные, женщины ещё опаснее, политика кусается, истинная связь не спрашивает разрешения, а некоторые семейные драмы без подготовки могут ударить больнее, чем разъярённый дракон хвостом по нервной системе.

В этой книге вас ждут:

— любовная космическая фантастика;

— обратный гарем;

— 18+;

— истинная связь;

— регрессия и память прошлой жизни;

— месть, которую подают красиво, холодно и с ядом;

— драконы, змеи и мужчины, у которых с контролем всё сложно, особенно когда рядом Элирис;

— сильная героиня с хрупким телом, острыми зубками и очень плохой привычкой спасать всех ценой собственного здоровья;

— властные мужчины;

— дворцовые интриги;

— политика, заговоры и межсистемные договоры, после которых хочется выпить успокоительного;

— опасные расы, старые травмы, боль, предательство и попытка переписать будущее;

— откровенные сцены;

— нецензурная брань;

— жестокость, морально серые решения и персонажи, которые иногда делают правильно, но такими методами, что

совесть уходит пить чай в соседнюю систему.

Если вы любите истории, где героиня не ждёт спасения, а сама приходит в драконье гнездо с милой улыбкой и запасом яда — добро пожаловать.

Элирис уже идёт.

И, честно говоря, лучше бы всем заранее начать нервничать.

Глава 1

Элирис

Я знала, что сплю.

Знала так же отчётливо, как знала тяжесть ошейника на горле, запах собственной крови и холод пола под коленями.

И всё равно не могла проснуться.

Сон держал крепче фиксаторов, глубже боли, подлее любого приказа. Он не давал отвернуться, не давал зажмуриться, не позволял спрятаться в темноту, где хотя бы на несколько вдохов можно было перестать быть собой.

Я стояла на коленях.

На чёрном полу, гладком, ледяном, слишком чистом для того количества крови, которое уже впиталось в воздух. Ошейник плотно обнимал шею, гладкий, тёмный, почти изящный. Вайргарды всегда умели делать свои клетки красивыми. Слишком красивыми, чтобы жертва успела понять, в какой момент украшение стало удавкой.

На мне была тонкая полупрозрачная сорочка.

Она почти ничего не прикрывала.

Ткань липла к коже, цеплялась за выступающие рёбра, за синяки, за старые шрамы, за свежие следы, которые я в том сне не хотела рассматривать, но всё равно чувствовала каждым нервом. Моё тело было слишком худым, слишком слабым, слишком чужим, словно его давно отняли у меня и вер-

нули только затем, чтобы оно продолжало болеть.

Поднятые руки дрожали.

Пальцы были тонкими, со следами от фиксаторов на запястьях. На коже — синие, чёрные, жёлтые пятна, ожоги от подавителей, тонкие белые линии старых разрезов и рубцы там, где чужая власть слишком часто проверяла, сколько ещё выдержит принцесса Са'Рет.

Я хотела опустить голову.

Не смогла.

Ошейник коротко нагрелся, предупреждая. Не ударил ещё, только напомнил, кто здесь решает, куда мне смотреть, когда дышать и сколько боли считать допустимой.

Я подняла взгляд.

И увидела их.

Моих братьев.

Моих отцов.

Мою мать.

Они стояли передо мной живые.

Пока ещё живые.

Вот в этом и была жестокость сна. Он не начинался после. Не показывал мне только кровь, только тишину, только пустоту, где раньше была семья. Нет. Он возвращал меня в тот миг, когда всё ещё можно было успеть поверить в чудо, хотя чудеса давно покинули этот зал.

Арвейс стоял первым.

Мой близнец.

Мой старший брат на несколько мгновений, которые он всю жизнь использовал как повод смотреть на меня с невыносимо серьёзным лицом и говорить, что обязан быть разумнее хотя бы за двоих.

Его чёрные волосы с фиолетовым отливом были спутаны, на виске засохла кровь, губа разбита. Подавители на запястьях и горле глушили дар, но даже через них от него тянуло тьмой — тяжёлой, давящей, родной. Арвейс смотрел не на раэдаров, не на клинок у своего горла, не на кровь под ногами.

На меня.

Только на меня.

И в его взгляде не было обвинения.

Если бы оно было, я, возможно, смогла бы дышать.

Если бы он ненавидел меня, если бы сказал, что это я открыла врагам дорогу, что это я полюбила не тех, что это я заставила семью отступать каждый раз, когда называла их любовь клеткой, — я бы приняла это как приговор, честный и заслуженный.

Но Арвейс смотрел так, будто даже сейчас хотел закрыть меня собой.

Риэлан стоял рядом, золотисто-белый, красивый, почти обманчиво спокойный. Его сиреневые глаза с золотыми искрами двигались быстро, цепко, точно. Он считал. Даже там. Даже перед собственной смертью он считал расстояния, позиции охраны, слабые места, панель управления ошейником,

напряжение рук Севариона, дыхание Рагвейна, угол, под которым стояла мама.

Он понимал, что выхода нет.

Но всё равно считал.

Риэлан всегда искал щель в стене, даже если стена уже падала на него.

Дайрен был воплощением ярости.

Винно-красные волосы с белыми концами растрепались, серые глаза с янтарными искрами горели так, что на миг мне показалось: если бы подавители дрогнули хотя бы на вдох, он разорвал бы зал голыми руками. Он рвался ко мне, рычал сквозь зубы, и двое раэдаров едва удерживали его на месте.

Я знала этот звук.

Не угроза.

Просьба.

Не смотри, Эли.

Не смотри.

Я смотрела.

Меня заставляли смотреть.

Вайрес стоял прямо, будто поражение не имело права коснуться его осанки. Чёрные волосы с тёмным фиолетовым отливом упали на плечи, фиолетовые глаза были холодными и неподвижными. Император. Мой отец. Существо, рядом с которым в детстве казалось, что мир не посмеет рухнуть без его разрешения.

Но запах…

Во сне запахи всегда были ярче, чем должны.

От него пахло страхом.

За меня.

За маму.

За сыновей.

За Са'Рет, который горел где-то за стенами этого зала, потому что однажды он поверил моей просьбе дать мне свободу.

Риаш держался хуже всех и лучше всех одновременно. Ему сломали руку, рассекли бровь, обожгли плечо, но в каждом напряжении мышц ещё жил бросок. Он был ранен, связан, подавлен, но не сломан. Мой отец смотрел на раэдаров так, будто уже выбирал, кому перегрызёт горло первым, если смерть задержится хоть на мгновение.

Элиан улыбнулся мне.

С разбитым лицом, с кровью на губах, с руками, связанными за спиной, он всё равно улыбнулся. Мягко. Почти ласково. Так, как улыбался, когда в детстве заставал меня за очередным плохим планом и вместо наказания сначала спрашивал, насколько далеко я успела зайти.

Эта улыбка ударила сильнее ошейника.

Потому что он тоже не обвинял.

Никто из них не обвинял.

Даже мама.

Ариэль Саэ'Вар стояла в центре.

Императрица Са'Рет.

Бывший капитан «Нок'Тейры».

Дочь правящей стаи Аэл'Тар.

Женщина, которая изменила змеиную систему так глубоко, что старые кланы до сих пор не могли понять, где именно их мир начал трещать — в законах, в женских покоях или в головах тех, кого они считали вечными.

Белые волосы спутаны, белые уши прижаты, хвост с белой кисточкой порванной светлой линией лежал у ног. На шее — след от подавителя, на губах — кровь, на лице — усталость, которую я никогда не должна была увидеть.

Но глаза…

Мамины ярко-синие глаза смотрели на меня с любовью.

Не с осуждением.

Не с болью предательства.

Не с вопросом: как ты могла?

С любовью.

И я ненавидела себя так сильно, что собственная ненависть пахла горечью под языком.

— Смотри, принцесса, — произнёс голос за моей спиной.

Я не повернулась.

Не нужно было.

Я знала этот голос. Знала, как он звучит в залах приёма, когда каждое слово кажется обещанием защиты. Знала, как он звучит в личных разговорах, когда холод маскируется нежностью. Знала, как он звучит у клетки, когда нежность сброшена окончательно, а под ней остались только власть,

удовольствие и голод.

Аристан Вайргард не повышал голос.

Ему не требовалось.

— Ты ведь так хотела свободы, — сказал он почти мягко. — Так устала от семейного контроля. Так верила, что любовь должна отпускать. Они отпустили тебя, Элирис. Посмотри, какой красивой бывает слепая любовь.

Я хотела закричать, что слепой была не их любовь.

Я была.

Глупая.

Бестолковая.

Самовлюблённая маленькая дрянь, решившая, что если сердце рвётся к красивым драконам, значит, весь мир обязан склониться перед этим чувством.

Я доверилась не тем.

Поверила в ложь.

Полюбила тех, кто изучал мою любовь как слабое место, как удобный вход во дворец, как трещину в защите Са'Рет и Аэл'Тар.

А моя семья из-за любви ко мне сделала всё, что я просила.

Не закрывайте меня.

Не следите за мной.

Не проверяйте каждый мой шаг.

Не превращайте заботу в клетку.

Не мешайте мне жить.

Я говорила это с такой обиженной уверенностью, будто знала, что такое клетка.

Я не знала.

Вайргарды научили.

Первым убили Дайрена.

Конечно, Рагвейн.

Он всегда любил прямые удары. Без изящества Севариона, без холодной точности Аристана. Сила, кровь, хруст, удовлетворение. Дайрен рванулся ко мне, успел выкрикнуть моё имя, и клинок вошёл под рёбра так быстро, что звук удара дошёл до меня позже движения.

Я закричала.

Ошейник ударил током, заставляя мой крик захлебнуться, но боль не стала главной. Главной стала тишина после того, как Дайрен упал на чёрный пол, а его красно-белые волосы расплескались в луже крови.

Риэлан что-то сказал Севариону.

Я не услышала слов, но увидела, как мягкая улыбка Севариона на мгновение стала тоньше. Даже перед смертью Лан нашёл, куда ударить. В гордость. В слабое место. В самодовольство.

Его убили вторым.

Золотисто-белый змей моей семьи рухнул без права обратиться, без последнего броска, без возможности показать, насколько опасно загонять в угол того, кто умеет ждать.

Арвейс умер третьим.

И вместе с ним внутри меня оборвалось нечто, чему не было названия.

Близнецовая связь не просто разорвалась.

Она закричала.

Я почувствовала, как его тьма, родная, тяжёлая, почти императорская, ещё мгновение бьётся рядом с моей, а потом проваливается в пустоту. В груди раскрылась дыра. Не рана. Пустое место, где всю жизнь было второе дыхание.

Отцов убили после братьев.

Вайрес не издал ни звука.

Риаш проклял их так, что один из раэдаров невольно отступил.

Элиан всё ещё смотрел на меня мягко, будто хотел, чтобы последнее, что я запомню, было не его смертью, а любовью.

А потом осталась мама.

Её оставили последней.

Потому что Вайргарды прекрасно знали, куда бить, чтобы боль не просто разорвала, а осталась жить внутри.

Её поставили передо мной так близко, что я почувствовала родной запах под кровью и подавителями: белые цветы, тьма, сталь, дом.

— Мамочка, — прошептала я.

Я не называла её так с детства.

Во сне голос был тонким, сорванным, чужим.

Мама улыбнулась.

— Живи, Эли.

Я мотнула головой.

Нет.

Не проси.

Только не это.

Не оставляй мне приказ, который я не смогу выполнить и не смогу нарушить.

— Живи, — повторила она одними губами.

И умерла.

Я рванулась к ней, но ошейник вспыхнул, скрутил тело, бросил меня обратно на колени. Раэдары смеялись. Кто-то сказал, что теперь принцесса наконец поняла цену непослушания. Кто-то коснулся моих волос. Кто-то наклонился слишком близко, вдыхая запах моей паники. Кто-то назвал меня ресурсом.

Я не сопротивлялась.

В тот миг во мне осталась только одна мысль.

Я заслужила.

Всё, что они сделали со мной.

И даже больше.

Потому что из-за меня умерли те, кто любил меня до последнего вдоха.

Из-за меня пали Са'Рет и Аэл'Тар.

Из-за меня женщины двух систем стали добычей, заложницами, трофеями, ресурсами в мягких комнатах и грязных камерах.

Из-за меня.

Я знала, что сплю.

И отчаянно хотела проснуться, чтобы не смотреть.

Но сон держал меня на коленях перед телами моей семьи, пока собственный крик не разорвал темноту.

Я села резко, хватая воздух ртом, будто меня вытащили из вакуума без подготовки. Пальцы вцепились в простыню так сильно, что ткань жалобно натянулась и затрещала в швах. Горло болело. Грудь не раскрывалась. Перед глазами ещё стоял чёрный пол, мамины белые волосы, неподвижная рука Арвейса.

Где я?

Сначала запах.

Всегда запах.

Не кровь.

Не горелый металл после драконьего огня.

Не Вайргарды.

Озон от силовых линий корабля. Чистая ткань постели. Стерильная прохлада воздуха. Слабая горечь защитного состава в вентиляции. Металл стен. Низкий ровный гул двигателя, уходящий в кости.

Каюта.

Императорский линкор Са'Рет.

Не камера.

Не линкор Вайргардов.

Я летела в Межсистемную академию как представитель системы Са'Рет на трёхмесячный обмен знаниями трёх си-

стем.

Са'Рет.

Аэл'Тар.

Кхар'Раэн.

Три системы, одна нейтральная Академия и слишком много существ, которые собирались улыбаться друг другу под включёнными камерами.

Теперь было понятно, почему кошмар пришёл так глубоко.

Мы приближались к месту, где в прошлой жизни всё началось с улыбок, протокола и красиво произнесённых слов. К месту, где Кхар'Раэн впервые протянул руку достаточно близко, чтобы потом схватить за горло.

Я жива.

Мама жива.

Отцы живы.

Братья живы.

Пока.

Это слово всегда приходило последним и портило воздух.

Стук в дверь заставил меня подпрыгнуть так резко, что внутренний змей поднялся под кожей, злой и готовый к броску. Тьма послушно скользнула к пальцам тонкими нитями, почти шёлковыми, почти нежными.

— Ваше высочество? — раздался за дверью мягкий голос Вэлсы. — До прибытия в официальный орбитальный порт Академии осталось два часа. Капитан просил передать, что

делегация начнёт подготовку к выходу через сорок минут.

Я закрыла глаза.

Вэлса.

Её голос всегда звучал спокойно, даже когда она сообщала, что в подарочном букете нашли яд, в дипломатическом письме — скрытую угрозу, а в поведении очередного посла — желание умереть красиво, но не сегодня.

Я провела ладонью по лицу.

Пальцы были влажными.

Не кровь.

Пот.

— Благодарю, — ответила я.

Голос вышел хриплым, сорванным, слишком низким после крика.

За дверью повисла пауза.

Короткая.

Вэлса услышала достаточно.

— Прикажете позвать Сайвена?

— Нет.

Слишком резко.

Я выдохнула и добавила мягче:

— Я выйду вовремя.

— Разумеется, моя принцесса, — сказала Вэлса тем самым тоном, которым обычно соглашалась ровно до того момента, пока не делала по-своему. — Тонизирующий напиток будет готов.

Шаги удалились.

Не сразу.

Она постояла под дверью ещё несколько секунд, достаточно близко, чтобы я уловила слабый запах её сиреневого яда, холодного спокойствия и тревоги, которую она умела прятать почти так же хорошо, как я — кошмары.

Потом ушла.

Я осталась сидеть на постели.

Двигаться не хотелось.

Совсем.

Тело было тяжёлым, чужим, заполненным отголосками сна. Горло саднило. В животе уже скручивался первый спазм. Внутренний змей лежал близко к поверхности, шипел беззвучно и хотел крови. Не любой. Очень конкретной. Драконьей. Вайргардовской.

Не сейчас.

Я опустила ноги на пол.

Холодный металл коснулся ступней, и кошмар догнал мгновенно.

Тошнота подскочила в горле так резко, что я едва успела добежать до очистительного блока. Дверь раскрылась по биометрическому сигналу, свет вспыхнул слишком ярко, и я упала на колени у утилизационной чаши за миг до того, как желудок скрутило.

Меня рвало долго.

До слёз.

До пустоты.

До судорог в животе и боли под рёбрами. Сначала вышел ужин, потом кислота, потом ничего, но тело всё равно пыталось вывернуть из себя память, словно можно было выплюнуть кровь семьи, ошейник и мамино «живи».

Я держалась за край панели и ловила дыхание между спазмами.

Вдох.

Озон.

Выдох.

Корабельный металл.

Вдох.

Не камера.

Выдох.

Не ошейник.

Вдох.

Они живы.

Выдох.

Пока.

Когда тело наконец перестало выворачивать, я осталась сидеть на полу, прижавшись плечом к прохладной стене. Очистительная система бесшумно убрала все следы слабости. Великолепная технология. Если бы она могла так же легко убрать вину, я бы, возможно, даже отправила благодарственное письмо разработчикам.

— Мда, — прошептала я, глядя на дрожащие пальцы. —

Давно меня не мучили эти кошмары.

Ложь.

Они мучили часто.

Просто не так сильно.

За последние годы я научилась не кричать. Научилась просыпаться до того, как сон дойдёт до казни. Научилась забивать память холодом, болью от тренировок, документами, переговорами, расчётами, чужими тайнами и собственными планами.

Сегодня не вышло.

Плохой знак перед первым официальным выходом.

Прекрасно, Элирис.

Просто великолепно.

Нужно было вставать.

Если я останусь на полу, пол станет безопасным. А к безопасности на коленях нельзя привыкать. Я уже однажды слишком долго стояла на коленях в мире, где любое промедление пахло ошейником.

Ну же, Элирис.

Двигайся.

Ты можешь.

Боль — ничто по сравнению с тем, что ты пережила.

Тошнота — ничто.

Дрожь — ничто.

Кошмар — уже случившееся.

А сегодня ещё можно изменить.

Я повторяла это беззвучно, пока пальцы не перестали цепляться за край панели, пока внутренний змей не улёгся глубже, недовольно, с угрозой, но всё-таки позволив гуманоидной части тела взять контроль.

С первой попытки подняться не получилось.

Со второй я почти встала, но спазм в животе скрутил снова, и пришлось упереться ладонью в стену.

На третьей получилось.

Я активировала душ и, не дав себе передумать, шагнула под холодную воду.

Ледяные струи ударили по коже так резко, что дыхание сорвалось. Тело вздрогнуло, змей внутри раздражённо шевельнулся, но сознание наконец вернулось в настоящее. Холод смывал пот, остатки сна, запах страха, кислый привкус на губах и фантомное ощущение чужих пальцев на волосах.

Я упёрлась ладонями в стену душевой зоны и опустила голову.

Вода стекала по белым волосам, по фиолетовым прядям, по плечам, ключицам, груди, животу. Кожа покрылась мурашками. Боль под рёбрами стала острее, зато понятнее. Настоящая боль всегда была лучше памяти. Её хотя бы можно было измерить.

Горький смех вырвался сам.

— Какая же я всё-таки ничтожная.

Система очистки мудро промолчала.

В последние годы я ценила молчание техники. Техника не

пыталась утешать, не задавала вопросов и не смотрела так, будто хочет разобрать тебя на причины.

Для этого у меня был Сайвен.

Я вымыла волосы тщательно, почти зло. Сначала нейтральным составом без запаха, потом закрепляющим, чтобы белые пряди после сушки легли гладко, потом защитным, едва пахнущим лилиями и холодными травами. Нельзя выходить к делегациям с запахом кошмара на коже. Саархи поймут слишком многое. Эларийцы, конечно, слабее в запахах, но у некоторых слух и ментальные дары таковы, что лучше не давать им повода. Раэдары…

Раэдары любят считать страх приглашением.

Мой страх им не достанется.

Когда вода смыла последнюю дрожь, я выключила душ, замоталась в полотенце и подошла к раковине.

Зеркало включилось автоматически, подстраивая свет.

Из отражения на меня смотрела молодая версия той, что умирала в прошлой жизни.

Белоснежные волосы с яркими фиолетовыми прядями мокрыми линиями прилипли к плечам. Лицо бледное, тонкое, красивое, даже очень красивое, если не смотреть на тени под глазами. Губы почти бескровные. На шее гладкая кожа — без ошейника, без рубцов, без тёмной полосы металла.

Глаза фиолетовые.

Совсем.

Синева ушла, оставив только яркий, ядовитый цвет боли,

ярости и злости на саму себя. Вертикальный зрачок был тонким, почти охотничьим. В таком взгляде не было ничего от нежной хрупкой принцессы, которую ждали три системы.

— Мда, — сказала я отражению. — Кошмары не делают из меня привлекательную политическую фигуру.

Отражение выглядело так, будто могло ответить: зато честную.

Но честность сегодня была роскошью.

Ну давайте знакомиться.

Я — Элирис Саэ'Вар.

Единственная принцесса системы Са'Рет.

Дочь Ариэль Саэ'Вар, легендарного капитана корабля «Нок'Тейры», императрицы Са'Рет, женщины, которая когда-то вошла в змеиную систему как чужая, а стала её самым опасным изменением.

Дочь Вайреса Саэ'Вара — главы Императорского клана, холодного стратега, императора, рядом с которым придворные вспоминают, что позвоночник нужен не только для поклона.

Дочь Риаша Саэ'Вара — военной силы Са'Рет, вспыльчивого кошмара для врагов и существа, которое однажды умудрилось спорить с медицинской капсулой, потому что та не выпускала меня после перегрузки.

Дочь Элиана Саэ'Вара — дипломата, интригана, красивой улыбки с ядом под ней и единственного существа во дворце, способного похвалить мой плохой план так, что я сама на-

чинала подозревать подвох.

Близнец Арвейса.

Сестра Риэлана и Дайрена.

Хрупкая принцесса внутреннего дворца, если верить слухам.

Белая змейка с фиолетовым ядом, если верить мне.

И я живу во второй раз.

Я не знаю, что именно произошло двадцать лет назад.

В двадцать пять я сильно заболела.

По рассказам — резко, страшно и неправильно. Температура, которую не удавалось сбить. Судороги. Нестабильность дара. Всплески тьмы, из-за которых часть дворцового медицинского сектора переводили в закрытый режим. Мама потом говорила об этом спокойно, слишком спокойно, а её хвост выдавал больше, чем голос. Отцы предпочитали не обсуждать те десять дней вообще. Братья первое время после моего пробуждения так часто появлялись у моей двери, что я предлагала им поставить там постоянный диван, раз уж они всё равно решили жить в коридоре.

Я пролежала в коме около десяти дней.

А когда очнулась, вспомнила прошлую жизнь.

Всё.

Не обрывки.

Не странные сны.

Не мрачный бред больного тела.

Всё, что происходило вплоть до казни моих родителей,

братьев и моей собственной смерти.

Сначала я решила, что сошла с ума.

Это было почти утешительно. Безумие хотя бы оставляло шанс, что Са'Рет не падал, Аэл'Тар не горел, мама не умирала с моим именем на губах, Арвейс не гас внутри меня, а женщины не становились ресурсами в раэдарских гнёздах, мягких резиденциях, закрытых медицинских программах и камерах, где роскошь иногда пахла рабством сильнее грязи.

Потом детали начали совпадать.

Имена.

Слухи.

Будущие назначения.

Закрытые жесты Кхар'Раэна.

Слабые места договоров, которых ещё не существовало.

Я перестала искать красивое объяснение.

Не важно, кто или что подарило мне эти воспоминания.

Не важно, была ли это регрессия, сбой тела, милость Бездны или наказание за мою глупость.

Важно, что я получила второй шанс.

А значит, не имела права рисковать.

Последние двадцать лет после пробуждения я готовилась.

Первые годы были самыми тяжёлыми.

Не из-за обучения, не из-за боли, не из-за попыток снова собрать тело после болезни.

Из-за них.

Из-за живых.

Сидеть за одним столом с Дайреном, пока он спорит из-за последнего сладкого пирожного, и видеть, как он падает на чёрный пол.

Слушать спокойный голос Арвейса и чувствовать в груди фантомный разрыв близнецовой связи.

Позволять Элиану поправлять мне рукав и не отдёргиваться, потому что в памяти его пальцы были в крови.

Спорить с Риашем о тренировках и не кричать, что если я снова ошибусь, он умрёт.

Обнимать маму и не вцепляться так крепко, чтобы она всё поняла без слов.

Они замечали перемены.

Конечно, замечали.

Отцы стали тише рядом со мной. Братья осторожнее. Арвейс несколько раз пытался протянуться глубже по связи, но я уже научилась закрывать самые страшные слои. Он чувствовал боль, страх, усталость, ненависть, но не видел причины.

Даже мой близнец ничего не заподозрил.

И это было одновременно победой и ещё одной виной.

Все решили, что болезнь изменила меня.

Удобно.

Первые несколько лет было тяжело скрывать кошмары и ненависть к себе. Я просыпалась до рассвета, уходила в тренировочный зал, разбивала ладони о рукояти, училась дышать под нагрузкой, пока тело не начинало болеть сильнее

памяти. Потом возвращалась к завтраку, улыбалась, ела что-нибудь сладкое, потому что мама смотрела слишком внимательно, и делала вид, что хрупкая принцесса просто плохо спала.

Я справлялась.

Плохо.

Потом лучше.

Потом почти идеально.

За двадцать лет мне удалось убедить родителей позволить мне участвовать в политике и проявить себя.

Не сразу.

Са'Рет любил свои традиции почти так же сильно, как любил прятать ножи в рукавах. Даже после маминых реформ императорская принцесса со слабым здоровьем оставалась слишком удобным символом, чтобы её легко выпускали в открытые игры. Хрупкая дочь Ариэль и Вайреса. Белая лилия Саэ'Вар. Драгоценность внутреннего дворца. Та, которую нужно беречь.

Я позволила им думать именно так.

И одновременно училась.

Политика, дипломатия, история систем, межрасовые отношения, военная теория, законы наследования, дворцовый протокол, скрытые правила старых кланов, экономика, торговые пути, закрытые отчёты о Кхар'Раэне, раэдарская гнездовая структура, покорённые расы, генетические программы, системы ошейников, слабые места военных договоров,

дипломатические ловушки, языки жестов, право доступа, способы отравления через ткань, металл, напиток, благовоние, украшение.

Особенно через украшение.

Саархи всегда знали: красивое убивает охотнее, если ему доверяют.

Я исчезла из публичного поля.

Не физически.

Физически я жила во дворце, училась, тренировалась, спорила, рисовала, пела всё реже, потому что голос иногда срывался не там, где нужно, и снова училась улыбаться. Но из официального пространства я стёрла себя почти полностью.

Не появлялась на трансляциях.

Не участвовала в открытых встречах.

Не давала записывать голос без фильтров.

Не оставляла актуальных биометрических следов в доступных системах.

Оправдывалась здоровьем.

Слабостью.

Последствиями болезни.

Потребностью в защите.

И параллельно пускала слухи.

Принцесса Са'Рет умна, но нежна.

Принцесса красива, как белая лилия.

Принцесса слишком хрупкая для больших залов.

Принцесса участвует в закрытых аналитических группах.

Принцесса советует императорам по отдельным внешним вопросам.

Принцесса не любит шумных приёмов.

Принцесса почти сказочная.

Принцесса недосягаемая.

Теперь три системы знали о принцессе Са'Рет.

Но не знали, как я выгляжу на самом деле.

Мама поняла, чем я занимаюсь, почти сразу.

От разведчика вообще трудно что-то скрыть. От Ариэль Саэ'Вар — почти невозможно. Она не давила. Не требовала рассказать. Не загоняла меня в угол заботой. Просто однажды положила передо мной список закрытых архивов, к которым у меня через час появился доступ, и сказала:

— Когда придёт время, ты сама решишь, кому и что говорить.

Я спросила тогда:

— Ты не хочешь знать?

Мама посмотрела на меня так, будто видела каждую трещину под кожей.

— Хочу. Но если правда сейчас добьёт тебя быстрее, чем молчание, я подожду.

И помогала.

Молча.

Жёстко.

Точно.

Она пресекала вопросы отцов и братьев фразой:

— Когда придёт время, она скажет.

Риаш злился.

Вайрес молчал так, что придворным хотелось срочно покинуть ближайшие три помещения.

Элиан улыбался слишком мягко и явно строил собственные выводы.

Братья ворчали, пытались следить, подкупали сладким, данными, тренировками, доступом к закрытым площадкам и эмоциональным шантажом в исполнении Дайрена, который вообще должен был быть запрещён как неэтичный метод давления на младших сестёр.

Но мама держала их.

Кажется, она знала если не всё, то достаточно.

И молчала, прекрасно понимая мужчин нашей семьи.

Именно с её поддержкой я смогла добиться того, чего хотела.

С её поддержкой — и с поддержкой тех, кого я успела вытащить из собственных клеток.

Вэлса Ар'Шен появилась в моей жизни первой.

Красивая, холодная, идеально воспитанная саархатка нового поколения с сиреневым внутренним змеем и семьёй, которая решила, что такая дочь слишком ценна, чтобы иметь собственную волю. Её готовили как дипломатический подарок: выдать выгодно, использовать красиво, заставить молчать мягко, пока она не перестанет понимать, где заканчива-

ется долг рода и начинается уничтожение личности.

Я вмешалась грубо.

Вэлса до сих пор так утверждает.

Я называю это оперативной точностью.

Теперь она была моей личной помощницей, дипломатом, специалистом по ядам, заговорам и придворным интригам. Проверяла напитки, еду, ткани, подарки, украшения и любые знаки уважения, которые в Са'Рет слишком часто оказывались попыткой красиво умереть. Говорила мягко даже тогда, когда уже мысленно хоронила собеседника в трёх дипломатических вариантах.

Сайвен Тэйр стал вторым.

Высокий, с бордово-винными волосами и изумрудными глазами, с внутренним змеем цвета тёмной крови и характером существа, которое считает сочувствие неэффективным методом диагностики. Его семья видела в нём не сына, не личность, не мужчину с правом выбора, а редкий научный ресурс.

Я забрала его раньше, чем клетка успела стать стерильной, просторной и почти законной.

Дала лабораторию.

Финансирование.

Доступ к исследованиям, которые он сам выбирал.

И право говорить мне правду так, будто делает вскрытие моей глупости прямо на ходу.

Теперь Сайвен был моим личным учёным-врачом, кон-

тролировал моё здоровье, перегрузки дара, яды, биологические угрозы, сомнительные препараты и мою отвратительную привычку говорить «я справлюсь» именно в те моменты, когда следовало лечь, замолчать и позволить кому-то другому решить хотя бы одну проблему.

Айсар Вол'Тен появился последним.

И громче всех.

На первый взгляд — ледяной аристократ: высокий, беловолосый, с льдисто-голубыми глазами и лицом, которое обещало холод, молчание и безупречную дисциплину.

Потом он начинал говорить.

Семья хотела получить идеального сетевого специалиста: молчаливого, прибыльного, послушного, гениального исполнителя чужих приказов. Вместо этого получила хаос с лицом древней статуи и привычкой считать взлом закрытых систем формой знакомства.

Его собирались запереть в службе, где он навсегда стал бы инструментом.

Я забрала его раньше.

Теперь Айсар отвечал за мои закрытые каналы, связь, кибербезопасность, терминалы, дроны, камеры, цифровые следы, скрытые маршруты и те случаи, когда официально ничего не было взломано, просто система сама захотела быть полезной.

Все трое были одного возраста со мной.

Все трое — саархи нового поколения с внутренними зме-

ями.

Все трое — выходцы из знатных семей, которые не признали их талант как право на свободу, а попытались превратить его в повод для владения.

Я дала им защиту.

Они дали мне верность.

Не трону.

Мне.

И если семья была моим сердцем, то Вэлса, Сайвен и Айсар стали моими руками в тех местах, куда принцесса Са'Рет официально не могла дотянуться.

Все приготовления, которые я вела двадцать лет, были готовы.

Игра начиналась.

Я защищу свою семью.

Я спасу Са'Рет.

Я спасу Аэл'Тар.

И отомщу врагам так, чтобы даже драконы запомнили вкус моего яда.

Воспоминания снова попытались подняться, но я не дала им места.

Достаточно.

Я высушила волосы, убрала тени под глазами ровно настолько, чтобы болезненность казалась красивой, а не подозрительной, и открыла гардеробный отсек.

Официальный саархатский наряд ждал на стенде.

Фиолетовый с белыми акцентами.

Глубокий, холодный, почти ночной фиолетовый. Белые внутренние слои, видимые при движении. Длинные рукава, мягко скрывающие кисти. Высокий пояс, подчёркивающий талию и удерживающий несколько тонких защитных пластин. Вышивка по краю — едва заметная, не кричащая, но достаточно дорогая, чтобы любой саарх понял: императорская кровь не нуждается в подтверждении ранга, потому что сама является источником статуса.

Я оделась медленно, почти ритуально.

Каждый слой — часть роли.

Нежность.

Хрупкость.

Недоступность.

Статус.

Слабость, которую удобно считывать тем, кто не умеет смотреть глубже.

Волосы собрала частично, оставив основную массу свободно струиться по спине. Белые пряди с фиолетовыми вспышками легли почти идеально. Две чёрные шпильки вошли в причёску без звука. На вид — украшения, тонкие, изящные, с маленькими подвесками, которые будут едва слышно звенеть при шаге.

На деле — оружие и неприятный сюрприз для любого существа, которое решит, что хрупкую принцессу можно схватить за волосы.

Я ещё раз посмотрела в зеркало.

Бледная.

Красивая.

Фиолетовые глаза удалось вернуть ближе к синеве, но яд всё равно оставался в глубине.

Пусть.

Совсем без предупреждения выходить было бы невежливо.

Очередной стук в дверь отвлёк меня от отражения.

— Войдите, — сказала я.

Дверь открылась.

На пороге стояла Вэлса.

Светло-сиреневые волосы уложены идеально, серые глаза спокойны, наряд тёмно-лиловый, официальный, но без лишней роскоши. Красивая. Собранная. Такая безупречная, что любой незнакомый посол решил бы: вот удобная помощница принцессы, тихая, воспитанная, хорошая для протокола.

Глупый посол.

Вэлса провела взглядом по моему лицу, задержалась на глазах, потом на горле, где я всё ещё чувствовала фантом ошейника.

— Вы готовы, моя принцесса?

— Внешне — почти великолепна.

— Внутренне?

— Политически функциональна.

— Отвратительная формулировка, но для первого выхода

достаточно.

Я взяла браслет связи, закрепила на запястье.

— Сайвен уже знает?

— Сайвен знает всё, что ему позволили сенсоры каюты, и всё, что он добыл без разрешения. Он недоволен.

— То есть жив, здоров и в прекрасном настроении.

— Именно.

Я вышла из каюты.

В коридоре ждали Сайвен и Айсар.

Сайвен стоял слева, высокий, бордово-винные волосы свободной тяжёлой линией спускались по спине, изумрудные глаза смотрели на меня так, будто я была не принцессой, а клиническим случаем с дурным характером. В руке он держал тонкую диагностическую панель.

Айсар стоял справа и выглядел так, будто только что вышел из ледяной аристократической легенды и спокойствие настолько полное, что в него почти можно было поверить.

Почти.

Потом он улыбнулся.

Широко.

Слишком радостно для существа, которому доверили не устроить дипломатический скандал до посадки.

Сайвен не поздоровался.

Разумеется.

Он провёл панелью передо мной, дождался данных и недовольно скривился.

— Пульс высокий. Давление нестабильное. Остаточный спазм желудка. Дыхание выровнено принудительно, а не естественно. Следы недавней рвоты, холодового воздействия и вашей традиционной попытки сделать вид, что тело — это декоративная помеха на пути политического замысла.

Я моргнула.

— Доброе утро, Сайвен.

— Оно было бы добрее, если бы вы спали, ели и не считали очистительный блок приемлемым местом для утренних встреч с последствиями кошмара.

Вэлса протянула мне высокий узкий стакан с тёмно-фиолетовым напитком.

— Тонизирующий состав. Без яда.

Я посмотрела на неё.

— То, что ты уточнила, меня тревожит.

— В напитке нет яда, моя принцесса. Яд в ваших планах на ближайшие месяцы. Я решила не перегружать завтрак.

Айсар приложил руку к груди.

— Какое утончённое чувство меры. Я почти растроган.

Сайвен даже не повернулся к нему.

— Твоё чувство меры умерло при первой попытке взломать детскую обучающую систему в семь лет.

— Она оскорбила мой интеллект.

— Она учила алфавиту.

— Именно.

Я взяла напиток у Вэлсы, осторожно вдохнула запах.

Горькие травы, лёгкая сладость, минералы, стабилизирующая добавка, крошечная нота успокоительного, настолько тонкая, что кто-то менее знакомый с Вэлсой мог бы не заметить.

Я подняла на неё взгляд.

Она даже не моргнула.

— Вэлса.

— Доза допустимая. Сайвен одобрил.

Сайвен недовольно посмотрел на неё.

— Я сказал: «не убьёт».

— В переводе с твоего языка это почти одобрение.

— В переводе с моего языка это означает «не убьёт».

Я выпила.

Напиток оказался тёплым, терпким, с мягким сладким послевкусием. Желудок тут же возмутился, но через несколько вдохов спазм ослаб. Сайвен удовлетворённо посмотрел на показатели, будто лично победил моё упрямство, и убрал панель.

— До первого официального выхода вы не падаете, не применяете тьму сверх необходимого и не говорите фразу «я справлюсь».

— А если я справлюсь?

— Молча.

Айсар поднял палец.

— Раз уж мы устанавливаем правила: я тоже должен сообщить важное.

Я посмотрела на него.

— Айсар.

— Да, моя принцесса?

— Скажи, что ты не взломал базу данных Академии до официальной регистрации.

Он сияюще улыбнулся.

— Конечно, не взломал.

Мы втроём молча посмотрели на него.

Айсар выдержал паузу с видом оскорблённой невинности.

— Я просто вежливо постучал, проверил архитектуру защиты, оценил слабые места и добыл списки всех участников делегаций.

Я закрыла глаза.

— До официальной регистрации.

— Технически мы уже на подлёте к зоне Академии. Это почти знакомство.

Сайвен сухо произнёс:

— Это почти преступление.

— Нет, преступление — если поймали. Если не поймали, это предварительная вежливость.

Вэлса забрала у меня пустой стакан.

— Что в списках?

Вот за это я её любила.

Сначала польза.

Потом осуждение.

Айсар щёлкнул пальцами, и над его браслетом вспыхнула

небольшая голографическая проекция. Он успел подавить её до закрытого режима раньше, чем корабельный коридор заинтересовался лишними данными.

— Аэл'Тар прибыл почти в полном составе образовательной делегации, плюс наблюдатели от правящей стаи. У них много ушей, хвостов и тревоги. Кхар'Раэн прибыл раньше всех, потому что драконы, видимо, любят занимать пространство до того, как его предложат. Вайргарды в составе.

Воздух стал холоднее.

Внутренний змей поднял голову.

Вэлса заметила мгновенно. Сайвен тоже. Айсар перестал улыбаться.

— Имена, — сказала я.

Голос прозвучал ровно.

Слишком ровно.

Айсар не стал шутить.

— Аристан Вайргард. Севарион Вайргард. Рагвейн Вайргард. Также несколько советников гнезда, военные наблюдатели, две чистокровные раэдарки из боковых линий.

Сайвен сделал полшага ближе.

Не тронул.

Правильно.

— Элирис.

Редко.

Он почти никогда не называл меня по имени без титула, если рядом были другие. Значит, я пахла хуже, чем думала.

Я медленно вдохнула.

Озон.

Металл.

Сиреневый яд Вэлсы.

Горький медицинский состав Сайвена.

Свежий холод Айсара.

— Я в порядке, — сказала я.

Сайвен посмотрел так, что внутренний змей действительно предпочёл не спорить.

— Эту фразу я запрещал.

— Ты запрещал «я справлюсь».

— Ваша изобретательность в обходе медицинских рекомендаций восхищает только тех, кто не отвечает за ваше выживание.

Вэлса мягко коснулась складки моего рукава, поправляя её на долю ширины пальца. Жест выглядел бытовым. На самом деле она дала мне мгновение, чтобы вернуть дыхание.

— Они увидят то, что вы решите показать, моя принцесса.

Айсар снова улыбнулся, но уже без лишнего блеска.

— А если кто-то решит увидеть больше, я могу сделать так, что камеры Академии внезапно заинтересуются его затылком.

— Не трогай камеры, — сказала я.

— Уже поздно для такой категоричности.

— Айсар.

— Хорошо, не буду трогать больше. Пока.

Сайвен тихо произнёс:

— Успокаивающее всё-таки нужно было давать не ей.

Вэлса посмотрела на Айсара.

— Я взяла с запасом.

Я рассмеялась.

Не громко.

Но по-настоящему.

Смех прошёл по горлу больно, задел сорванные связки, но вместе с ним кошмар наконец отступил на шаг. Не исчез. Никогда не исчезал. Просто перестал стоять вплотную.

Вот почему я взяла их с собой.

Не только потому, что Вэлса видела яд там, где остальные видели уважение.

Не только потому, что Сайвен мог определить мою перегрузку по тому, как я держу левую руку.

Не только потому, что Айсар способен за пять минут подружиться с системой безопасности, оскорбить её архитектуру и уйти с полным архивом.

А потому что рядом с ними я могла быть не только легендой.

Иногда — живой.

Мы пошли по коридору вчетвером.

Вэлса чуть впереди и слева, как воплощение протокола и тихой угрозы.

Сайвен справа, с панелью в руке и выражением лица существа, которое заранее недовольно всеми моими будущими

решениями.

Айсар позади, слишком довольный для того, кто только что признался в цифровом преступлении на нейтральной территории.

Я — в центре.

Коридоры императорского линкора пахли Са'Рет.

Металл, озон, скрытые защитные системы, холодные ткани, яд, дисциплина. Наши технологии не кричали о себе. Они прятались под гладкими стенами, под плавными линиями, под спокойным светом. Саархи вообще не любили выставлять силу наружу без необходимости. Демонстрация — для тех, кто не уверен, что его боятся.

Императорский клан не нуждался в лишнем блеске.

По пути встречались офицеры, служащие, охрана. Они склонялись, и каждый поклон добавлял к воздуху новую ноту: любопытство, почтение, осторожность, страх ошибиться. Кто-то видел меня раньше во дворце издалека. Кто-то знал только закрытый портрет с частично сглаженными чертами. Кто-то никогда не стоял рядом со мной без присутствия братьев или родителей.

Сегодня все смотрели иначе.

Принцесса вышла.

Принцесса идёт сама.

Принцесса не опирается на сопровождающих.

Принцесса пахнет лилиями, холодом и ядом, а не слабостью.

Отлично.

Пусть расскажут.

Слухи должны идти впереди меня, но не быстрее, чем я разрешу.

В центральном переходном зале уже собралась делегация Са'Рет.

Два профессора: Саэ'Лор, сухой, внимательный, с запахом старых архивов и тревоги, которую он пытался спрятать за академической выдержкой; и профессор Мирэйс, саархатка нового поколения, специалист по межрасовым протоколам, с глазами цвета тёмного нефрита и внутренним змеем, который пах осторожной заинтересованностью.

Два дипломата из клана, отвечавшего за внешнюю политику, — оба безупречные, гладкие, улыбающиеся ровно настолько, чтобы казаться приятными и не вызвать желания проверить рукава на спрятанные клинки. Хотя рукава я бы всё равно проверила.

Два десятка существ охраны и помощников.

Старшие офицеры.

Аналитики.

Технические сопровождающие.

Никто лишний.

Мама лично смотрела списки.

Значит, если среди них был чей-то чужой интерес, он уже сидел на крючке и думал, что плавает свободно.

При моём появлении разговоры стихли.

Не резко.

Саархи не любят резкость без причины.

Тишина просто разлилась по залу, как тёмная вода, в которой все вдруг увидели отражение.

Капитан линкора стоял у обзорной панели. Высокий, седой, с лицом существа, пережившего достаточно императорских решений, чтобы уже не вздрагивать при слове «политический эксперимент». Он повернулся и поклонился.

— Ваше высочество.

— Капитан.

Я остановилась в центре зала.

Взгляды скользнули по мне: наряд, волосы, лицо, глаза, шпильки, руки, осанка. Профессор Саэ'Лор едва заметно нахмурился, наверняка заметив бледность. Дипломаты увидели образ. Охрана — задачу. Помощники — центр будущего хаоса.

Сайвен тихо встал так, чтобы профессор Саэ'Лор не успел предложить мне медицинский осмотр.

Преданный мерзавец.

— До выхода из переходного коридора семь минут, — сообщил капитан. — Официальный порт Академии подтвердил готовность. Делегации Аэл'Тар и Кхар'Раэна уже прибыли. Са'Рет будет последним.

— Как и планировалось, — сказала я.

Последний вход запоминают лучше.

Вэлса подала мне тонкий браслет с обновлёнными прото-

колами доступа. Её пальцы на миг коснулись моего запястья. Холодные. Спокойные.

— Внешний канал открыт только на приём, — сказала она. — Передачи заблокированы до вашего разрешения. Все приветственные сообщения фильтруются. Подарки принимаются только через санитарную и ядовую проверку. Если кто-нибудь попытается вручить что-то лично, я улыбнусь.

Один из дипломатов едва заметно напрягся.

Я посмотрела на него.

— Вэлса улыбается очень редко. Обычно это плохой знак.

— Я запомню, ваше высочество, — быстро сказал дипломат.

Айсар наклонился к капитану с самым невинным видом.

— Капитан, у вашего шлюзового протокола чудесная архитектура. Такая строгая. Такая доверчивая.

Капитан медленно повернул к нему голову.

— Вол'Тен.

— Я ничего не сделал.

— Вот это меня и тревожит.

Сайвен сухо сказал:

— Дайте ему две минуты.

— Клевета, — возмутился Айсар. — Мне хватит одной.

Я позволила себе улыбнуться.

Делегация выдохнула почти незаметно.

Хорошо.

Пусть видят не только мою бледность, но и контроль. Не

только контроль, но и живость. Не только живость, но и тех, кто стоит рядом достаточно близко, чтобы понимать: принцесса Са'Рет не выходит одна, даже если вокруг нет её семьи.

Обзорная панель потемнела.

— Выход из перехода через десять секунд, — сообщил навигационный офицер.

Внутри меня что-то затихло.

Сон.

Кошмар.

Прошлая жизнь.

Вина.

Всё отступило, как вода перед броском.

На несколько мгновений осталось только настоящее.

Семь секунд.

Шесть.

Пальцы сами хотели коснуться горла, проверить, нет ли ошейника. Я не позволила.

Пять.

Внутренний змей свернулся туже, готовый к броску, но послушный.

Четыре.

Где-то за стеклом, среди кораблей Кхар'Раэна, были Вайргарды.

Три.

Я заставила губы помнить форму мягкой улыбки.

Два.

Один.

Пространство за обзорной панелью вытянулось белыми линиями, сжалось, вспыхнуло, и линкор вышел в систему Академии.

Планета-Академия висела внизу — синяя, зелёная, серебристая, опоясанная транспортными линиями и сияющими защитными дугами. Над ней, словно искусственный венец, раскинулась орбитальная станция: огромная, многоуровневая, с кольцевыми доками, прозрачными галереями, посадочными платформами и центральным дипломатическим ядром.

Межсистемная академия.

Нейтральная территория.

Первый уровень доступа.

Место, где представители трёх систем должны учиться, обмениваться знаниями, проверять возможность союза и улыбаться друг другу так, будто старые страхи можно отключить протоколом безопасности.

В прошлой жизни здесь всё началось с улыбок.

В этой — начнётся с легенды.

На орбите уже стояли корабли Аэл'Тар.

И корабли Кхар'Раэна.

Раэдарские силуэты невозможно было спутать ни с чем: тяжёлые, тёмные, вертикально-агрессивные, словно горные цитадели, вырванные из скал и заставленные летать. В них чувствовались высота, броня, драконья территория и уве-

ренность существ, привыкших занимать пространство до того, как им его предложат.

Где-то там Вайргарды.

Я коснулась пальцами чёрной шпильки в волосах.

Внутренний змей поднялся ближе, но теперь не от страха.

От охоты.

— Ваше высочество, — произнёс капитан. — Стыковка с официальной платформой через двадцать минут.

— Благодарю.

Двадцать минут.

Двадцать минут до того, как три системы впервые увидят принцессу Са'Рет не как слух, не как фильтрованную запись, не как закрытую аналитическую подпись под дипломатическими документами.

Двадцать минут до того, как Кхар'Раэн увидит женщину, которую в другой жизни назвал ресурсом, и не поймёт, что уже слишком поздно.

Я повернулась к делегации.

— Напоминаю, — сказала я спокойно, и мой голос разошёлся по залу мягко, без лишнего давления, но достаточно ясно, чтобы даже дальняя охрана вытянулась внимательнее, — мы прибыли не просить признания. Мы прибыли представлять Са'Рет. Не реагируйте на провокации. Не спорьте без необходимости. Не позволяйте втянуть себя в чужой ритм. Если Кхар'Раэн попытается давить, пусть давит на пустоту. Если Аэл'Тар будет искать подтверждение прежнего

союза, получит его. Если Академия захочет легенду, мы дадим ей легенду.

Я сделала паузу.

Улыбнулась.

— Желательно такую, после которой все будут слишком заняты обсуждением моего наряда, чтобы заметить, сколько вопросов мы успели задать.

Профессор Мирэйс улыбнулась первой.

Потом один из дипломатов.

Потом несколько офицеров.

Капитан поклонился чуть глубже.

— Как прикажете, ваше высочество.

Вэлса тихо сказала рядом:

— Третий слой левого рукава действительно очень удачный. Отвлекает от шпильки.

— Видишь, я слушаю твои советы.

— Когда они совпадают с вашими планами.

Сайвен глянул на показатели.

— Пульс снова повышен.

— Это волнение перед историческим моментом.

— Это истощение после кошмара, рвоты и холодного душа.

— Ты портишь поэтичность.

— Я спасаю вас от вашей поэтичности.

Я стояла перед шлюзом и чувствовала, как все двадцать лет подготовки собираются в одну точку под кожей.

Кошмар ещё был внутри.

Вина тоже.

Ненависть к себе никуда не делась.

Но поверх всего этого поднималась другая сила.

Холодная.

Ядовитая.

Терпеливая.

Я не могла изменить то, что уже помнила.

Но могла сделать так, чтобы это никогда не стало настоящим.

Шлюз начал открываться.

Свет официального порта лёг на пол серебристой полосой.

На один короткий миг тело захотело отступить.

Не разум.

Не воля.

Тело.

Оно помнило клетки, ошейники, чужие руки, кровь на чёрном полу и драконов, которые улыбались слишком красиво.

Я позволила себе один вдох.

Один.

И шагнула через этот страх так же, как шагнула бы через лужу крови.

Медленно.

Аккуратно.

Не пачкая подол.

— Ну что ж, — сказала я тихо. — Пора легенде показать всем.

Вэлса едва заметно улыбнулась.

— Красиво, моя принцесса.

Сайвен сухо добавил:

— Только не падайте.

Айсар радостно прошептал:

— А если кто-то попытается испортить момент, я уже познакомился с ближайшими камерами.

Я шагнула вперёд.

И пусть все, кто ждал хрупкую белую лилию Са'Рет, смотрят внимательно.

Лилии тоже бывают ядовитыми.

Глава 2

Элирис

Межсистемная академия пахла амбициями.

Я поняла это ещё до того, как шлюз императорского линкора раскрылся полностью.

Запах шёл из официального орбитального порта тонкими слоями: металл посадочных платформ, озон защитных полей, стерильная чистота дипломатической зоны, свежие следы технических составов, чужие ткани, нагретые тела, волнение, любопытство, зависть, тревога и тот особенный острый привкус больших событий, который невозможно спрятать даже за лучшими фильтрами.

Академия дышала ожиданием.

Прекрасно.

Значит, мы не зря прибыли последними.

Я стояла перед открывающимся шлюзом, ощущая за спиной делегацию Са'Рет, слева — Вэлсу, справа — Сайвена, чуть позади — Айсара. Они не касались меня, но их присутствие ложилось на кожу надёжнее любого защитного поля.

— Улыбка мягче, взгляд спокойнее, — тихо сказала Вэлса, не поворачивая головы. — Фиолетовый в глазах всё ещё слишком заметен.

— Хочешь, я подумаю о сладком?

— Если это поможет сделать взгляд менее похожим на

обещание медленной смерти, да.

Сайвен сухо произнёс:

— Учитывая утренние показатели, лучше думать не о сладком, а о дыхании.

Айсар наклонился ближе, сохраняя идеально серьёзное лицо.

— Я могу взломать ближайшую кондитерскую систему Академии и выяснить, чем они собираются соблазнять слабую здоровьем принцессу Са'Рет.

— Айсар, — сказала я.

— Это было предложение эмоциональной поддержки.

— Это было признание в будущей попытке взлома.

— Неправда. Будущие попытки я обычно формулирую красивее.

Шлюз открылся полностью.

Свет официального порта лёг на пол длинной серебристой дорожкой.

Я сделала первый шаг.

И Академия увидела меня.

Сначала — ближайшие встречающие у платформы.

Потом — преподаватели, стоящие за линией протокола.

Потом — делегации, расположенные дальше, каждая в своём секторе.

Потом — репортёры с дронами-камерами, висевшими в воздухе, как стая любопытных металлических насекомых.

Потом — тысячи будущих взглядов, которые получат за-

пись с задержкой безопасности и начнут разбирать её по кадрам: как я вышла, как держала голову, как шелестели рукава, как двигались волосы, почему фиолетовый оттенок глаз был таким ярким, действительно ли принцесса Са'Рет настолько хрупкая или слухи ошибались.

Пусть разбирают.

Я шла медленно, ровно настолько, чтобы дать камерам взять нужный угол, но не настолько медленно, чтобы показаться неуверенной. Длинные фиолетовые слои наряда скользили вокруг ног мягкими волнами. Белая подкладка открывалась при каждом шаге тонкой светлой линией, подчёркивая движение. Чёрные шпильки тихо звенели в волосах.

Мне не нужно было смотреть по сторонам, чтобы понять реакцию.

Запахи говорили лучше лиц.

У саархов — резкое почтение, удивление, гордость, узнавание императорской крови. У эларийцев — живой интерес, настороженность, восхищение, любопытство, которое их уши и хвосты наверняка выдавали сильнее, чем лица. У раэдаров — тяжёлое оценивающее внимание, хищная фиксация, раздражение тем, что центр порта внезапно оказался не в их секторе.

Особенно приятная нота.

Я не ненавидела раэдаров как расу.

Это было важно.

Ненависть ко всем сразу — удобная, глупая и слишком

простая вещь. Она делает врага плоским, а плоский враг опасен тем, что перестаёшь видеть его настоящую форму.

Я ненавидела конкретных существ.

Конкретные гнёзда.

Конкретные законы.

Конкретные руки, которые в другой жизни надевали ошейники, подписывали распределение женщин, называли рабство защитой, а захват — будущим крови.

Меня выворачивало от устройства Кхар'Раэна.

От их гнездовой гордости, которая слишком часто превращала чужую волю в пыль.

От порабощённых рас, чьи имена в раэдарских отчётах звучали сухо, удобно и почти безжизненно: аурейны, тал'мейры, вейраны. Голоса в золотых клетках. Камень, который заставили работать. Женщины, у которых украли право на материнство и назвали это стратегической заботой.

Но раса — не один приговор.

Я знала это слишком хорошо.

Са'Рет тоже когда-то умел прятать клетки под словами о защите рода. Аэл'Тар тоже веками любил женщин так бережно, что порой забывал спросить, нужен ли им такой дом без дверей.

А потом пришли Мириэль.

А потом Ариэль.

Две женщины.

Достаточно сильные, достаточно упрямые, достаточно

живые, чтобы сдвинуть древние системы с места.

Как мы уже прекрасно знали, иногда для изменения целой цивилизации достаточно одной умной женщины.

Проблема только в том, чтобы эта женщина дожила до результата.

И не отдала за него всех, кого любит.

Мда.

Задачка та ещё.

Но если я ничего не сделаю, мы все погибнем.

Снова.

Я подняла взгляд к главной платформе.

Межсистемная академия была великим детищем моей мамы и бабушки.

Ариэль Саэ'Вар и Мириэль Валенс потратили на неё столько сил, нервов, дипломатической крови и, подозреваю, угроз, завёрнутых в улыбки, что само существование этой станции над академической планетой уже можно было считать доказательством: если женщины нашей семьи решали что-то построить, разумнее было помочь с фундаментом, а не спорить.

Академия создавалась как нейтральная зона.

Не просто учебный центр, где три расы могли слушать лекции и делать вид, что их прошлые страхи не стоят в углах.

Нет.

Это был политический инструмент.

Место, где молодые представители систем учились видеть

друг в друге не только угрозу. Где преподаватели обменивались знаниями. Где военные специалисты спорили о протоколах без немедленного вызова на поединок. Где дипломаты могли проводить переговоры под защитой нейтральных систем. Где Са'Рет и Аэл'Тар уже давно укрепляли великий вечный союз.

Теперь предстояло принять в эту конструкцию Кхар'Раэн.

Воинственную расу.

Заносчивых, самоуверенных драконов, привыкших занимать небо раньше, чем кто-то успеет спросить, свободно ли оно.

Моё внутреннее змеиное начало лениво шевельнулось.

Драконы.

Слово оставило на языке сухую горечь.

Не сейчас.

Я остановилась в отмеченной зоне приёма.

Перед нами стояли трое.

Ректор Академии — элариец.

Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, серебристыми ушами и хвостом, который держался почти неподвижно; лишь кончик кисточки едва выдавал напряжение. Умный. Опытный. Осторожный. Его запах был сложным: тёплый металл, сухие листья, старые книги, напряжение руководителя, который прекрасно понимал, что сегодня в его порту собрались не просто делегации, а три потенциальные катастрофы в парадной одежде.

Рядом с ним — заместитель-саарх.

Тёмно-синий наряд, длинные чёрные волосы с изумрудным отливом, тонкие черты лица, золотые глаза с вертикальным зрачком. От него пахло древним родом, дворцовым протоколом, сдержанным ядом и осторожным любопытством. Саарх, достаточно воспитанный, чтобы не показать удивления при виде меня, и достаточно умный, чтобы удивиться всё равно.

Второй заместитель был раэдаром.

Крупный, почти два с половиной метра, с тёмно-бронзовыми волосами, собранными у затылка, и янтарными глазами с вертикальным зрачком. Его одежда напоминала строгий военный мундир с высоким воротом и тяжёлым поясом, но без знаков правящего гнезда. Значит, не Вайргард. Хорошо. От него пахло жаром, металлом, крыльями, сдержанным драконом и раздражением, которое он очень старательно прятал под дипломатическим спокойствием.

Старательно, но не идеально.

Драконы вообще не были созданы для того, чтобы незаметно раздражаться.

Ректор сделал шаг вперёд и поклонился.

Не слишком глубоко — он глава нейтральной Академии.

Но достаточно, чтобы признать мой статус.

— Ваше высочество, принцесса Элирис Саэ'Вар, Межсистемная академия приветствует делегацию Са'Рет. Для нас большая честь принимать вас на трёхмесячном обмене зна-

ний.

Его голос был красивым, низким, поставленным. Уши направлены вперёд — внимание. Хвост спокоен, но кончик кисточки чуть дрогнул, когда он произнёс моё имя.

Значит, тоже ждал легенду.

Я улыбнулась мягко.

Тепло.

Так, как должна улыбаться хрупкая принцесса, которая выросла среди императоров, но сохранила нежность.

— Ректор, благодарю за приём. Для Са'Рет честь участвовать в проекте, который уже стал одним из самых важных символов союза наших систем. Академия — редкое место, где знания могут оказаться сильнее страха, если участники достаточно разумны, чтобы слушать друг друга.

Короткая пауза.

В порту стало тише.

Я услышала, как где-то щёлкнул фокус дрона-камеры.

Ректор улыбнулся.

На этот раз почти искренне.

— Надеюсь, за эти три месяца мы все подтвердим, что разумность не является чрезмерно смелым ожиданием.

— Смелые ожидания иногда полезны. Они хотя бы показывают, в какую сторону стоит двигаться.

Заместитель-саарх склонился.

— Мэйран Саэ'Лор, заместитель ректора по протоколу и внутренней безопасности Академии. Ваше высочество, при-

сутствие императорской крови Са'Рет в наших стенах — событие, к которому мы готовились с особой тщательностью.

Я повернула к нему голову.

Он держался безупречно.

Но его запах дрогнул, когда мой взгляд задержался на нём чуть дольше положенного.

Саархи умеют чувствовать власть.

Особенно ту, что стоит выше рангов.

— Заместитель Саэ'Лор, я благодарю Академию за заботу. Надеюсь, особая тщательность не помешает мне быть полезной обмену, а не только охраняемой ценностью.

Угол его губ едва заметно дрогнул.

— Мы постараемся сохранить равновесие между пользой и безопасностью.

Сайвен за моей спиной тихо произнёс:

— Впервые слышу, чтобы это кому-то удавалось.

Я не повернулась.

Но Вэлса, кажется, наступила ему на край ботинка.

Правильно.

Ректор сделал вид, что не услышал.

Опытный.

Раэдарский заместитель поклонился последним. Не так, как саарх. Не так, как элариец. У раэдаров в поклоне всегда оставалась вертикаль, словно даже уважение не должно было полностью опускать шею.

— Кайр Ардэн, заместитель ректора по межсистемной ко-

ординации Кхар'Раэна.

Я чуть наклонила голову.

— Заместитель Ардэн.

Его взгляд задержался на моих глазах.

Слишком внимательно.

Фиолетовый отлив, видимо, заинтересовал дракона.

— Кхар'Раэн признателен за готовность Са'Рет расширять совместный обмен, — сказал он. — Уверен, эти месяцы позволят нашим системам лучше понять друг друга. Особенно тем, кого долго оберегали от открытого неба.

Запах вокруг Вэлсы стал тоньше.

Опаснее.

Сайвен перестал смотреть на панель.

Айсар за моей спиной неожиданно замолчал, и вот это было тревожнее любой его шутки.

Я улыбнулась нежнее.

— Открытое небо прекрасно, заместитель Ардэн. Но, как показывает история, некоторым существам сначала стоит научиться не принимать любое пространство над головой за собственность.

В его янтарных глазах мелькнул огонь.

Не ярость.

Пока.

Интерес.

— Раэдары ценят высоту.

— Саархи ценят глубину, — ответила я. — Поэтому

нам будет полезно поговорить. Иногда разные направления взгляда спасают от одинаковых ошибок.

Он чуть склонил голову.

— Понимание — достойная цель.

Понять.

Очень удобное слово.

Оно могло означать что угодно: от настоящего интереса до попытки изучить слабые места перед ударом.

— Понимание — сложная вещь, заместитель Ардэн, — сказала я мягко. — Иногда оно начинается с лекций и протоколов. Иногда — с неудобных вопросов.

Огонь в его глазах стал ярче.

— Раэдары не боятся вопросов.

— Прекрасно. Тогда нам будет легче.

Кто-то из репортёров не удержался и прошептал слишком громко:

— Она правда сказала это ему?

Вэлса едва заметно улыбнулась.

Айсар, судя по запаху веселья за моей спиной, снова ожил.

Ректор быстро и очень дипломатично перехватил внимание.

— В порту собрались представители преподавательского состава, делегаций и аккредитованные репортёры трёх систем. Ваше прибытие стало одним из наиболее ожидаемых событий обмена.

Я знала.

Конечно, знала.

Но позволила себе чуть опустить взгляд, будто смущение коснулось меня раньше расчёта.

— Надеюсь, ожидания не окажутся слишком тяжёлыми. Я всё же прибыла учиться, обмениваться знаниями и представлять Са'Рет, а не становиться причиной перебоев в работе информационных каналов.

Айсар за моей спиной едва слышно хмыкнул.

Потому что он уже знал, что перебои будут.

Если не по моей вине, то по его.

Ректор мягко рассмеялся.

— Боюсь, часть каналов уже перегружена.

— Значит, Академия получит первую практическую проверку инфраструктуры.

На этот раз смех прошёл по ближайшим секторам.

Небольшой.

Осторожный.

Но настоящий.

Хорошо.

Легенда должна дышать.

Слишком холодная принцесса вызывает страх. Слишком мягкая — желание проверить, насколько легко её согнуть. Я должна была быть достаточно нежной, чтобы к ней тянулись, и достаточно точной, чтобы умные существа начали тревожиться.

В порту действительно было слишком много наблюдате-

лей.

На верхних галереях стояли преподаватели Академии. Их можно было узнать по единым знакам допуска и разным расовым особенностям: эларийские уши, саархские вертикальные зрачки, раэдарские тяжёлые силуэты. Ниже, за прозрачными защитными линиями, размещались делегации.

Аэл'Тар — живой, выразительный сектор. Уши, хвосты, яркие глаза, движение даже в попытках стоять спокойно. От них пахло тёплыми тканями, хищной настороженностью, любопытством и радостью от того, что дочь Ариэль наконец появилась перед ними не как слух.

Кхар'Раэн — тёмный, тяжёлый, сдержанный сектор. Высокие фигуры, военные силуэты, волосы чёрные, бронзовые, винные, графитовые. Их запах был сложнее: жар крови, металл, драконья территория, гордость, раздражение, интерес.

И где-то в этой тяжести — Вайргарды.

Я не искала их взглядом.

Нельзя.

Тот, кто знает врага слишком хорошо, может выдать себя раньше времени.

Но я почувствовала, как в раэдарском секторе что-то меняется.

Не движение.

Не звук.

Тяжесть внимания.

Она на мгновение стала плотнее, как воздух перед грозой.

Кто-то там узнал не просто титул. Кто-то оценивал меня не как дипломатическую фигуру, а как добычу, редкость, шанс или угрозу.

Вайргарды.

Я не посмотрела.

Я улыбнулась ректору.

Пусть думают, что я не заметила.

Поэтому я смотрела на ректоров, камеры, представителей Академии, саархов в порту.

Саархи начали приветствие первыми.

Один за другим.

Сначала старшие преподаватели.

Потом дипломаты.

Потом служащие.

Потом даже несколько студентов в дальнем секторе, которые явно не удержались, несмотря на протокол.

Правая ладонь к горлу.

Два пальца — к сердцу.

Поклон.

— Да будет долгой тень Змеиного Трона.

Фраза прокатилась по саархской части порта не громко, но отчётливо, как волна тёмного шёлка.

Мой внутренний змей поднял голову.

Императорская кровь не входила в ранги.

Она стояла над ними.

И каждый поклон сейчас напоминал не мне — всем

остальным: Са'Рет прибыл не просто делегацией. Са'Рет привёз принцессу Императорского клана, ту самую, которую двадцать лет прятали.

Я приняла приветствие лёгким наклоном головы.

— Са'Рет помнит верность своих домов, — сказала я.

Коротко.

Правильно.

Достаточно.

Саархи выдохнули почти незаметно, но воздух потеплел почтением и гордостью.

За линией репортёров один из дронов поднялся выше, ловя общий план. Айсар тихо щёлкнул языком.

— Третий дрон слева пытается взять биометрический профиль с высоким разрешением.

Я не повернулась.

— И?

— Уже любуется собственным отражением в защитном фильтре.

— Айсар.

— Я ничего не ломал. Просто научил его скромности.

Сайвен сухо сказал:

— Жаль, что на себя ты эту программу не применил.

— Меня поздно исправлять. Я уже полезен.

Вэлса мягко произнесла:

— Тише. Камеры читают по губам.

Айсар улыбнулся ещё шире.

— Некоторые уже нет.

Я решила не спрашивать.

Иногда счастье личного специалиста по сетям лучше не трогать. Оно и так незаконно пахнет.

Ректор тем временем продолжил официальный протокол.

— Ваше высочество, программа обмена включает лекционные блоки, межрасовые семинары, практические демонстрации, культурные вечера, закрытые переговорные окна и открытые академические дискуссии. Академия будет признательна, если Са'Рет подтвердит список выступающих со своей стороны до конца дня.

— Разумеется, — сказала я. — Наши профессора представят образовательные и исторические блоки. Дипломатическая часть будет согласована с вашими координаторами. Кроме того, я сама буду выступать с несколькими лекциями.

Шум поднялся мгновенно.

Не громкий.

Но плотный.

Шёпот прошёл по порту быстрее сигнала связи.

Принцесса будет читать лекции.

Сама.

Ректор слегка приподнял брови. Его уши направились ко мне ещё внимательнее.

— Это большая честь для Академии. Могу я уточнить темы?

Я позволила себе чуть смущённую улыбку, хотя внутри

холодно отметила, как дрогнули запахи в секторе Кхар'Раэна.

Не ожидали.

Хорошо.

— Я планирую рассказать о Са'Рет. О нашей расе, культуре, этикете, современном положении саархаток нового поколения, изменениях после реформ и различиях между тем, что внешние системы видят в традициях, и тем, что эти традиции значат для нас самих.

Кто-то из преподавателей в верхнем секторе резко вдохнул.

Я бросала темы как блестящие приманки в воду, где уже кружили хищники.

— Также, — добавила я мягче, — думаю, будет полезно поговорить о том, почему в межсистемном общении незнание чужого этикета иногда опаснее открытой грубости. Грубость хотя бы честна. Ошибка, совершённая с улыбкой, часто ранит глубже.

Заместитель Саэ'Лор смотрел на меня с новым интересом.

Раэдар Ардэн — с настороженностью.

Ректор — с выражением существа, которое только что поняло, что получило не декоративную принцессу, а полноценный академический шторм.

— Уверен, аудитории будут полны, — сказал он.

Айсар тихо прошептал:

— Они уже начали запрашивать расписание.

Вэлса ответила так же тихо:

— Женский сектор Са'Рет обсуждает шпильки. Дипломаты Аэл'Тар — формулировку про ошибки с улыбкой. Раэдары — пытаются решить, была ли это угроза.

— Была? — спросил Айсар.

— Конечно.

Я сохраняла мягкую улыбку.

Сайвен едва слышно вздохнул.

— У меня ощущение, что я единственный здесь переживаю за давление.

— Не единственный, — сказала Вэлса. — Просто ты единственный делаешь это вслух.

Ректор, не слышавший или делавший вид, что не слышит, продолжал:

— Для делегации Са'Рет подготовлена большая вилла в дипломатическом секторе планеты-Академии. Она рассчитана на официальный состав, охрану, личных помощников и закрытую рабочую группу. Системы безопасности активированы согласно протоколам вашей стороны и нейтральным протоколам Академии. После завершения портового протокола координатор сопроводит вас к дипломатическому лифту, а затем — к резиденции. Если потребуются дополнительные настройки, заместитель Саэ'Лор будет доступен.

— Благодарю. Мы оценим подготовку и передадим замечания, если они появятся.

— Уверен, появятся, — тихо сказал Айсар.

Я едва не наступила ему на ногу.

Не потому, что он ошибался.

Потому что прав.

Ректор сделал жест в сторону молодого эларийца, ожидавшего чуть позади.

Золотистые волосы, тёплая кожа, рыжевато-золотые уши, хвост с пушистой кисточкой, который двигался чуть слишком живо для существа, которому доверили сопровождать императорскую делегацию. Студент старших курсов или младший координатор. Красивый. Нервный. Заинтересованный.

Очень заинтересованный.

— Вашу делегацию сопроводит координатор дипломатического сектора, Лайрен Вэйл. Он покажет основной маршрут, значимые зоны Академии и поможет с первым размещением.

Лайрен поклонился.

— Ваше высочество, для меня честь сопровождать вас.

Его голос был приятным.

Запах — слишком сладким от волнения.

Вэлса посмотрела на него с вежливой пустотой.

Сайвен — с медицинским недовольством, будто юный координатор уже представлял собой потенциальный источник повышенного давления.

Айсар — с весёлым интересом.

Бедный Лайрен.

Он ещё не знал, что знакомится не с принцессой, а с тремя слоями защиты вокруг неё.

Я улыбнулась ему ровно настолько, чтобы он покраснел.

— Благодарю, координатор Вэйл. Надеюсь, вы будете терпеливы. Для меня Академия пока существовала больше в документах, чем вживую.

— Конечно, ваше высочество. Я с радостью расскажу всё, что вас заинтересует.

— Осторожно, — тихо сказал Айсар. — Всё — опасное слово рядом с ней.

Вэлса кашлянула.

Сайвен посмотрел на потолок.

Лайрен явно не понял, но улыбнулся шире.

После последних формальных фраз мы двинулись прочь от центральной платформы.

Делегация Са'Рет разделилась согласно заранее утверждённому протоколу. Часть старших дипломатов задержалась у ректора для уточнения расписания. Профессора направились к академическому координатору. Охрана выстроилась вокруг основного состава, но не слишком плотной стеной — я запретила. Хрупкая принцесса не должна выглядеть так, будто её перевозят в защитном контейнере.

Я шла рядом с Вэлсой, Сайвеном и Айсаром, а порт провожал нас взглядами.

Мужчины смотрели так, как смотрят на красивое редкое существо, которое долго прятали, а теперь внезапно вынесли

на свет. В их запахах было восхищение, желание, азарт, иногда почти голод. Особенно у тех, кто привык считать недоступность приглашением доказать собственную ценность.

Женщины смотрели иначе.

Саархатки — с гордостью, надеждой, завистью, восхищением и чем-то болезненно узнаваемым. Для многих из них я была не просто принцессой. Я была доказательством, что хрупкость не мешает выходить на центральную платформу. Что женщина Са'Рет может говорить о расе, культуре, реформах и этикете не как украшение рядом с патриархом, а как голос Императорского клана.

Эларийки — с живым интересом. Их уши поворачивались за мной, хвосты выдавали любопытство. Они видели дочь Ариэль. Внучку Мириэль. Девушку, которую две системы обсуждали годами и почти не знали.

Раэдарки…

С раэдарками было сложнее.

В их секторе запахи были острее: оценка, ревность, презрение, интерес. Для чистокровных раэдарок чужая женщина высокого статуса всегда была раздражителем. Особенно если на неё смотрели мужчины.

Я не стала отвечать взглядом.

Пока.

Когда мы покинули портовую платформу и вошли в широкую галерею дипломатического сектора станции, шум остался позади. Стены здесь были прозрачными с одной сто-

роны, открывая вид на планету-Академию.

Я невольно замедлила шаг.

Планета раскрывалась внизу огромной зелёно-синей чашей. Над ней двигались транспортные линии, малые корабли и учебные платформы, а вокруг станции светились защитные дуги. Где-то там, на поверхности, под облаками и солнечным блеском, начинался основной комплекс Академии: корпуса, сады, полигоны, жилые зоны, дипломатические виллы.

Академия действительно была красивой.

Не дворец Са'Рет, где древняя торжественность прятала технологии под резным камнем, садами и водными павильонами.

Не Аэл'Тар с его тёплой стайной архитектурой, где даже военные здания умели казаться живыми.

Не Кхар'Раэн с его вертикальной драконьей тяжестью.

А что-то третье.

Нейтральное, но не безликое.

Место, которое пыталось стать мостом.

Мосты, конечно, первыми ломаются, когда две стороны решают идти войной.

Но иногда именно по ним приходит помощь.

Лайрен шёл чуть впереди и с явным удовольствием показывал маршрут.

— Сейчас мы пройдём к дипломатическому лифту. Спуск займёт около семи минут. На поверхности вы выйдете в верхний сектор центральной оси, оттуда до виллы Са'Рет

— короткий закрытый маршрут. Центральная ось ведёт к главному учебному корпусу. Там расположены большие лекторские залы, залы межсистемных презентаций и архивные кабинеты. Северное крыло занимает блок Аэл'Тар, южное — блок Са'Рет, западное — Кхар'Раэн. Общие дисциплины проходят в центральном секторе, чтобы ни одна система не имела территориального преимущества.

— Разумно, — сказала я.

— С поверхности будет хорошо видно дипломатический сад. Он разделён на три климатические зоны и одну нейтральную. Там часто проходят неформальные встречи.

— Три зоны под три системы?

— Да, ваше высочество. Саархская зона — вода, тёмный камень, закрытые павильоны и белые цветы. Эларийская — мягкая зелень, поляны, деревья и открытое пространство. Раэдарская — террасы, высокий камень, открытые площадки и усиленные посадочные платформы.

— Чтобы ни одна раса не чувствовала себя гостьей в чужой клетке, — произнесла я.

Лайрен посмотрел на меня с искренним восхищением.

— Именно. Это одна из главных идей проекта.

Мама и бабушка не просто построили место.

Они заложили в архитектуру спор.

И ответ на него.

— Красиво, — сказала я.

— Это один из самых известных проектов императрицы

Ариэль и правящей стаи Аэл'Тар, — с готовностью сказал Лайрен. — По архивам, при утверждении климатических зон было больше тридцати конфликтных правок. Особенно по высоте посадочных площадок для раэдаров и глубине водоёмов в секторе Са'Рет.

— Мама наверняка победила по водоёмам.

Лайрен улыбнулся.

— Насколько я знаю, да.

— Ничего удивительного. Она умеет убеждать.

Вэлса тихо сказала:

— Это мягкая формулировка.

Айсар добавил:

— Я видел архивный протокол того заседания. Там трижды отключали открытый звук.

Сайвен посмотрел на него.

— Зачем ты смотрел архивный протокол климатического заседания?

— Там была пометка «ограниченный доступ». Я не мог пройти мимо.

— Ты мог.

— Теоретически. Но тогда я был бы менее собой.

Лайрен снова не понял, шутим мы или признаёмся в преступлениях.

Правильно не понял.

Меньше знаешь — спокойнее пахнешь.

Дипломатический лифт оказался скорее прозрачной кап-

сулой, скользящей внутри защищённого орбитального канала. Достаточно просторной для делегации, достаточно укреплённой, чтобы раэдар не чувствовал себя запертым, и достаточно красивой, чтобы репортёры наверняка называли её символом открытости.

Я называла бы её удобным местом для засады, если бы проектировала чужую смерть.

Но Академия предусмотрела это тоже.

На стыках канала мерцали защитные линии, сенсоры считывали состав воздуха, биометрию, энергетические всплески, микродвижения, состав тканей, скрытые металлы, нервное напряжение и, подозреваю, степень дипломатического лицемерия. Последнее наверняка било тревогу чаще всего.

Капсула мягко оторвалась от станции.

Планета потянулась навстречу.

Несколько мгновений я смотрела вниз.

На белые облака.

На зелёные материки.

На сияющие дуги комплекса.

И на отражение своего лица в прозрачной стене.

Бледная.

Собранная.

Живая.

Пока.

Вэлса чуть сдвинулась ближе, закрывая меня от бокового обзора камер. Сайвен молча проверил показатели. Айсар,

вопреки ожиданиям, не сказал ни слова.

Он просто посмотрел на панель доступа лифта и улыбнулся.

— Нет, — сказали мы с Вэлсой одновременно.

— Я даже не начал.

Сайвен сухо добавил:

— У тебя уже лицо «я начал мысленно».

— Мысленно закон не запрещает.

— Твоя мысленная активность уже требует отдельного протокола.

Лайрен кашлянул и сделал вид, что любуется планетой.

Умный мальчик.

Спуск занял действительно около семи минут.

Коротких.

Слишком коротких для отдыха.

Достаточно долгих, чтобы я снова почувствовала, как пространство под ногами меняется. Станция была первым уровнем доступа, нейтральным, контролируемым, официальным. Планета — другой. Более живой. Более опасный. Там будет не только протокол. Там будут коридоры, аудитории, сады, тренировки, случайные встречи, закрытые разговоры и те самые мелкие трещины, через которые всегда просачивается яд.

Капсула вошла в планетарный приёмный узел почти бесшумно.

Двери открылись.

Воздух здесь был другим.

В нём чувствовались влажная зелень, нагретый камень, далёкая вода, чистый ветер с искусственно выровненным составом и слабая примесь множества рас, уже успевших пройти по этим переходам.

Вот теперь Академия пахла не только амбициями.

Она пахла жизнью.

И возможностью умереть очень красиво, если расслабиться.

Мы вышли в закрытую галерею поверхностного дипломатического сектора. С одной стороны тянулась прозрачная стена с видом на комплекс Академии. Часть зданий была встроена в скалы, часть — в искусственные террасы, часть уходила вверх прозрачными шпилями. Над ними двигались учебные платформы, транспортные капсулы, малые корабли и дроны обслуживания.

Лайрен явно хотел заговорить со мной напрямую. Я чувствовала это по тому, как его шаги то чуть замедлялись, то выравнивались, как хвост выдавал напряжение, как уши несколько раз разворачивались в мою сторону. В его запахе было не только служебное волнение. Там уже появлялось личное восхищение, тёплое, юное, слишком открытое.

— Ваше высочество, — наконец начал он, — если позволите, я хотел сказать, что для многих студентов Академии ваше участие…

Вэлса мягко перебила:

— Координатор Вэйл, сколько переходов из дипломатического сектора ведёт в главный лекторский корпус?

Он вздрогнул.

— Четыре основных и два служебных, госпожа Ар'Шен.

— Уточните уровни доступа.

— Разумеется.

Он начал рассказывать.

Через несколько минут попытался снова:

— Если вам будет интересно, я мог бы позже показать вам библиотечный сектор…

Айсар оживился.

— О, библиотечный сектор. У вас там закрытые архивы подключены к общей академической сети или вынесены в отдельный защищённый слой?

— Я… не занимаюсь сетевой структурой.

— Жаль.

Лайрен побледнел.

Айсар улыбнулся ему с ледяным аристократическим очарованием.

— Не переживайте. Я люблю самостоятельность.

Я решила проявить милосердие.

Немного.

— Координатор Вэйл, не тревожьтесь. Господин Вол'Тен иногда производит впечатление существа, которое собирается немедленно нарушить несколько правил, но это обманчиво.

Айсар посмотрел на меня с искренней обидой.

— Моя принцесса.

Я добавила:

— Обычно правил больше.

Лайрен издал странный звук, похожий на попытку одновременно рассмеяться и вспомнить инструкцию по работе с императорскими делегациями.

Вэлса опустила ресницы, скрывая улыбку.

Сайвен сухо сказал:

— У принцессы хорошее настроение. Это опасный симптом.

— По-моему, хороший, — возразила я.

— Хорошее настроение часто предшествует вашим решениям, после которых у меня прибавляется работы.

— Сайвен, ты сам просил больше практики.

— Я просил меньше поводов для экстренных протоколов.

— Скучно.

— Безопасно.

— Вот именно.

Лайрен переводил взгляд с одного на другого, и его запах постепенно менялся. Восторг перед принцессой разбавлялся осторожным пониманием: к Са'Рет прибыла собственная маленькая катастрофическая свита, и каждый из них улыбается так, будто уже знает, где спрятаны аварийные выходы.

Потому что знает.

Дорога к вилле заняла около двадцати минут.

Мы прошли через главный дипломатический коридор, мимо закрытых переговорных залов, мимо обзорной галереи с видом на тренировочные купола, мимо транспортной платформы, ведущей обратно к орбитальному лифту, мимо малого сада с белыми деревьями, чьи листья переливались серебром под искусственным светом.

По пути нас провожали взглядами.

Меньше, чем в порту, но достаточно.

Студенты, служащие, преподаватели, охрана. Кто-то останавливался. Кто-то кланялся. Саархи приветствовали традиционно, эларийцы смотрели с открытым любопытством, раэдары задерживали взгляды чуть дольше, чем вежливо.

Я запоминала запахи.

Не всех.

Только значимые.

Тот саархский преподаватель с горечью консервативного раздражения.

Эларийка-координатор, которая смотрела на мои шпильки с восторгом и уже мысленно подбирала себе похожие.

Раэдарский студент у тренировочного перехода, от которого пахло высокомерием, молодым драконом и желанием доказать, что саархская принцесса не стоит всего шума.

Запомнила.

Не потому что он важен.

Потому что мелкие угрозы часто становятся удобными инструментами крупных.

Наконец мы вышли к вилле Са'Рет.

Она стояла в дипломатическом секторе чуть выше остальных зданий, на искусственной террасе с видом на озеро и центральную ось Академии. Архитектура была адаптирована под нашу культуру: длинные линии крыши, тёмный камень, белые стены, внутренний двор с водой, закрытые галереи, широкие окна, которые можно было затемнить одним жестом, скрытые защитные системы и несколько уровней безопасности, которые выглядели почти декоративно.

Почти.

Айсар вдохнул.

И промолчал.

Вот это уже было по-настоящему тревожно.

Сайвен посмотрел на него.

— Сколько?

— Девять, — сказал Айсар. — Но две уязвимости красивые, я почти не хочу их трогать.

Лайрен резко остановился у входа.

— Системы виллы прошли академическую проверку и согласование с протоколами Са'Рет.

Вэлса улыбнулась.

— Разумеется.

Вот после такого «разумеется» многие опытные дипломаты начинали бледнеть.

Лайрен был ещё слишком молод, поэтому просто занервничал сильнее.

Он приложил браслет к панели доступа, представил виллу официальной командой и отступил, пропуская нас внутрь.

Внутри пахло новыми тканями, свежей водой, полированным деревом, нейтральными чистящими составами и пустотой. Хорошая пустота. Пространство ещё не успело впитать чужие привычки. Центральный зал был широким, светлым, с низким водным каналом вдоль стены, мягкими сиденьями, рабочими панелями и выходом во внутренний двор. Слева — жилое крыло. Справа — кабинеты, переговорная, техническая зона. Внизу, если верить плану, тренировочный зал, медицинская комната и защищённый архивный отсек.

— Неплохо, — сказала я.

Айсар уже смотрел не на интерьер, а на стены.

— Дайте мне час.

— Нет, — сказал Сайвен.

— Полчаса.

— Нет.

— Пятнадцать минут и моральное право оскорбить их сетевого архитектора.

Вэлса передала мне внутренний планшет виллы.

— Сначала официальное заселение. Потом оскорбления.

— Вэлса, ты всегда поддерживаешь порядок.

— Кто-то должен. Вы трое слишком талантливо его разрушаете.

— Неправда, — возразила я. — Сайвен порядок не разрушает.

Сайвен посмотрел на меня.

— Я разрушаю ваши иллюзии о здоровье.

— Это другое.

Лайрен, стоявший у входа, снова сделал попытку задержаться.

— Ваше высочество, если желаете, я могу лично показать вам внутренний двор и основные помещения. Также я мог бы подробнее рассказать о расписании первых дней, о традициях Академии, о местах, где студенты обычно…

Сайвен повернулся к нему.

Медленно.

Очень спокойно.

И именно поэтому бедный координатор замолчал на середине фразы.

— Координатор Вэйл, — сказал Сайвен мягким голосом, который у него означал крайнюю степень недовольства, — принцесса Са'Рет только что перенесла перелёт, официальный выход, повышенное внимание трёх систем, спуск с орбитальной станции и уже достаточно попыток завести разговор, чтобы любой медицинский специалист счёл дальнейшее общение вредным для её состояния. Если вы немедленно не покинете виллу, я внесу в первичный отчёт, что Академия не соблюдает режим восстановления представительницы императорской крови после межсистемного перелёта. После этого с вами будут говорить ректор, заместитель по протоколу, наша дипломатическая группа, госпожа Ар'Шен и, веро-

ятно, императрица Ариэль, если ей станет скучно. Уверяю, скучать её лучше не заставлять.

Лайрен побледнел.

Так быстро, что даже его золотистые уши потеряли часть цвета.

— Я… разумеется. Прошу прощения. Если что-то потребуется, мой канал связи указан в приветственном пакете.

— Мы обязательно не злоупотребим, — сказала Вэлса.

Айсар тихо добавил:

— Если канал выдержит.

Лайрен, к его чести, поклонился почти без дрожи.

— Добро пожаловать в Академию, ваше высочество.

Я улыбнулась ему мягко.

— Благодарю, координатор Вэйл. Вы были очень внимательны.

Запах его смущения вспыхнул так ярко, что Сайвен выразительно посмотрел на меня.

Что?

Я же не виновата, что у эларийцев уши такие честные.

Лайрен вышел.

Дверь закрылась.

Вилла наконец стала нашей.

Я повернулась к Сайвену.

— Ты напугал бедолагу.

— Я спас его от дальнейших попыток умереть от собственной смелости.

— Он просто хотел поговорить.

— Именно.

Вэлса прошла к центральной панели и начала проверять протоколы.

— Попытка поговорить с принцессой — это либо смелость, либо слабое понимание инстинкта самосохранения.

Айсар уже подключал к стене тонкий браслетный модуль.

— А ещё он милый. Такие часто не доживают до третьего политического вопроса.

Я сняла одну шпильку, затем снова закрепила её, ослабляя натяжение волос.

— Вы все ужасны.

Сайвен поднял диагностическую панель.

— Сядьте.

— Мы только вошли.

— Именно. Пока вы не решили, что заселение требует вашего личного участия во всех помещениях одновременно.

— Я принцесса, не грузовой дрон.

— Тогда перестаньте пытаться работать как неисправный грузовой дрон.

Вэлса невозмутимо добавила:

— Моя принцесса, лучше сядьте. Иначе он начнёт перечислять показатели вслух.

Я села.

Не потому, что они победили.

Потому что стратегическое отступление иногда сохраняет

силы для более интересной войны.

И вот тогда вилла действительно начала становиться нашей.

Вэлса запускала протоколы мягкими, почти ленивыми движениями, но каждый её жест закрывал очередную возможность чужого вмешательства. Подарочные каналы — под фильтр. Входящие приглашения — в карантин. Внутренний персонал Академии — только по подтверждённому доступу. Любая попытка личной передачи предметов — через проверку.

Сайвен занял медицинскую комнату так, будто она всегда принадлежала ему и просто ждала законного владельца. Диагностические панели вспыхнули, сверились с его личными настройками и, кажется, сразу поняли, что спорить бесполезно.

Айсар не захватывал сеть.

Официально.

Он просто стоял у технической панели, молчал, улыбался и делал так, что академическая система постепенно начинала пахнуть испуганной вежливостью.

Я сидела в центре главного зала.

Вроде бы отдыхала.

На самом деле — позволяла пространству запомнить, где теперь находится сердце нашей маленькой территории.

Сайвен довольно быстро провёл проверку, скривился, но не стал звать медицинскую группу. Значит, всё было терпи-

мо. Или он решил не портить мне первый день открытым скандалом. Удивительная щедрость.

Айсар через несколько минут довольно хмыкнул.

— Хорошие новости: академическая защита виллы не ужасна.

— Плохие? — спросила я.

— Она считает себя лучше, чем есть.

— Ты уже её оскорбил?

— Мысленно.

Вэлса развернула план помещений.

— Жилые комнаты распределены по протоколу. Ваши покои в верхнем крыле с отдельным выходом во внутренний сад. Мои — рядом с вашим рабочим кабинетом. Сайвен получил медицинскую комнату и спальню напротив, чтобы страдать от ваших решений на кратчайшем расстоянии. Айсар — техническую комнату и спальню возле узла связи, потому что оттаскивать его оттуда всё равно бесполезно.

— Благодарю за признание моей природы, — сказал Айсар.

— Это не признание. Это ограничение ущерба.

Я посмотрела на план виллы.

На расписание, уже всплывающее в углу панели.

Первый официальный выход состоялся.

Академия заговорила.

Кхар'Раэн увидел меня, но ещё не понял, что именно увидел.

Я откинулась на спинку сиденья, позволяя себе один долгий вдох.

В воздухе виллы уже смешивались наши запахи: мои лилии и яд, сирень Вэлсы, горькие травы Сайвена, морозный металл Айсара. Пустое пространство переставало быть нейтральным.

Оно становилось нашей территорией.

Внутренний змей довольно скользнул глубже.

— Ну что ж, — сказала я. — Начинаем заселяться. А потом хочу списки участников делегаций, первичную карту связей, расписание открытых мероприятий и отчёт по тем, кто слишком внимательно смотрел в порту.

Сайвен закрыл глаза.

— Вы пять минут назад сели.

— И прекрасно справилась.

— Это не то, что означает отдых.

Айсар просиял.

— Я подготовлю списки.

Вэлса мягко улыбнулась.

— Я подготовлю первые слухи.

Сайвен посмотрел на нас всех с выражением существа, которое уже знает, что проиграло.

— А я, видимо, подготовлю препараты от истощения, головной боли и последствий ваших побед.

Я улыбнулась.

Настояще.

Почти легко.

— Вот видите. У каждого своя роль.

Айсар посмотрел на вспыхнувшие над браслетом строки.

Улыбка на его лице стала тише.

И от этого сразу перестала быть смешной.

— Тогда начну с тех, кто смотрел слишком внимательно.

Я повернула к нему голову.

— Уже есть имена?

— Есть несколько. Вайргарды ожидаемо. Аристан, Севарион, Рагвейн. Две раэдарки из боковых линий. Один военный наблюдатель, который слишком интересовался вашими шпильками.

— А неожиданное?

Айсар поднял взгляд.

Вэлса перестала двигаться.

Сайвен тоже замер — едва заметно, но я знала его слишком хорошо.

— После вашего выхода, — сказал Айсар, — в секторе Кхар'Раэна резко вырос внутренний обмен закрытыми сообщениями.

— Между кем?

— Правящее гнездо Вайргард. Каналы зашифрованы хорошо. Даже почти прилично.

Внутренний змей медленно поднял голову.

Не страх.

Охота.

— Они обсуждают меня?

— Они очень стараются сделать вид, что нет, — сказал Айсар. — Но я бы на их месте тоже старался.

Вэлса тихо произнесла:

— Значит, первый крючок они заметили.

Сайвен посмотрел на мои показатели и помрачнел.

— И вам это нравится.

Я улыбнулась.

Не мягко.

Не для камер.

— Нет, Сайвен. Мне это нужно.

За окнами виллы Академия сияла под дневным светом, огромная, нейтральная, красивая и уже совсем не спокойная.

Са'Рет вышел на сцену.

Теперь оставалось сделать так, чтобы все смотрели именно туда, куда я хочу.

И не заметили яд, пока он не попадёт в кровь.

Глава 3

Элирис

Когда дверь за координатором Академии закрылась, вилла наконец выдохнула.

Не буквально, конечно. Системы жизнеобеспечения работали ровно, скрытые вентиляционные линии мягко прогоняли воздух через фильтры, водный канал в центральной зоне тихо шептал по полированному камню, а защитные поля ещё не успели получить от Айсара первое оскорбление.

Но пространство изменилось.

Пока в доме находился чужой сопровождающий, вилла оставалась академической территорией. Красивой, подготовленной, нейтральной, вежливой. В ней держались свежие ткани, чистящие составы и следы чужих рук, которые проверяли здесь каждую дверь перед нашим прибытием.

Теперь воздух начал меняться.

Са'Рет входил в стены.

Мои лилии и холодная горечь.

Сиреневый след Вэлсы.

Горькие травы Сайвена.

Морозный металл Айсара.

К ним примешивались ноты делегации, охраны, профессоров, дорожной усталости, волнения, официальных тканей, оружия под рукавами и слишком большого количества су-

ществ, которые делали вид, что не обсуждают мой первый выход, хотя, конечно, обсуждали.

Саархи не были созданы для честного молчания.

Мы умели молчать красиво, опасно, дипломатично, угрожающе, оскорбительно, почтительно и даже соблазнительно. Но честно? Редко.

Я прошла в центр главного зала и позволила себе остановиться у водного канала. Поверхность воды была гладкой, тёмной, с тонкими белыми прожилками света под ней. Красиво. Почти по-дворцовому. Только запаха старых камней Са'Рет не хватало, и где-то на глубине от этого стало неприятно пусто.

Дом был далеко.

Семья — ещё дальше.

Братья, если верить последним сообщениям, уже успели потребовать отчёт, ругаться, что я не прислала детальное описание первого выхода, и, подозреваю, начать спорить, сколько скрытой охраны было бы «умеренно», если под словом «умеренно» понимать «вся Академия, завёрнутая в защитное поле и поставленная на колени перед Арвейсом».

Я открыла семейный канал, увидела сорок семь непрочитанных сообщений и закрыла обратно.

Не сейчас.

Если отвечу, Дайрен начнёт.

Если начнёт Дайрен, подключится Риэлан.

Если подключится Риэлан, Арвейс сделает вид, что не

вмешивается, но за пять минут составит список существ, которых следует проверить, ограничить, предупредить, удалить, допросить или, в исключительном случае, оставить в покое под наблюдением.

Мне хотелось их слышать.

И именно поэтому я не могла открыть канал.

Слишком легко было бы сорваться в голос, который скажет: заберите меня домой.

А я не для этого прилетела.

— Моя принцесса, — сказала Вэлса за спиной, — если вы продолжите смотреть на воду с выражением «я сейчас утоплю в ней все политические обязательства», кто-нибудь из делегации начнёт нервничать.

— Только кто-нибудь?

— Остальные уже.

Сайвен не стал тратить время на любезности.

— Сядьте.

— Ты говоришь это с момента посадки.

— Потому что вы с момента посадки продолжаете стоять.

— Поразительное наблюдение.

— Я врач, не поэт.

Айсар, уже успевший каким-то образом подключиться к центральной панели виллы, не оборачиваясь произнёс:

— Ложь. Он пишет очень красивые медицинские угрозы. Я однажды видел заключение, где фраза «если пациентка продолжит игнорировать рекомендации, её состояние ухуд-

шится» занимала три страницы и пахла личной ненавистью.

— Это было не заключение, — сказал Сайвен. — Это был отчёт по вашему поведению в лаборатории связи.

— О, точно. Я тогда случайно вдохнул экспериментальный стабилизатор.

— Ты пытался доказать, что фильтры лаборатории настроены неправильно.

— И доказал.

— Потеряв сознание.

— Метод был убедительным.

Я посмотрела на них и вдруг поняла, что улыбаюсь.

Не ролью.

Не мягкой улыбкой легенды.

Не придворной линией губ, отточенной за годы.

Просто улыбаюсь.

Эти трое тоже нервничали.

Я чувствовала.

Вэлса держала голос идеально, но её внутренний змей сегодня пах острее обычного — сиренью с холодной горечью. Сайвен слишком часто проверял мои показатели, хотя делал вид, что это исключительно из-за моей безответственности. Айсар шутил больше обычного, а значит, уже мысленно разобрал виллу на уровни доступа, маршруты отхода и способы превратить академическую безопасность в вежливого союзника.

Сегодня был первый раз, когда им нужно было проявить

себя не в тени дворца, не за закрытыми дверями Са'Рет, не в моих тайных приготовлениях, где каждый знал свою роль и угрозы были хотя бы частично знакомы.

Сегодня они должны были защитить меня перед тремя системами.

Уверена, братья запугали их до ужаса.

Хотя запугать эту троицу было трудно.

Очень трудно.

Арвейс, конечно, мог посмотреть так, что у молодого офицера начинали трястись колени и вспоминаться все грехи рода за семь поколений. Риэлан умел задавать вопросы с такой нежностью, что после третьего хотелось самому подписать признание, даже если не знаешь, в чём именно. Дайрен просто стоял рядом, слишком яркий, слишком эмоциональный и слишком готовый сорваться, если кто-то скажет «Элирис» неправильным тоном.

Но Вэлса, Сайвен и Айсар двадцать лет жили рядом со мной.

После этого любой страх становился сравнительным.

Я нашла их почти случайно.

Почти.

После прошлой жизни я поняла очень простую вещь: одна я ничего не смогу.

Не потому, что слаба.

Нет.

Я могла учиться, лгать, улыбаться, притворяться, ждать,

запоминать, резать словами, травить тишиной и держать себя в руках даже тогда, когда внутри всё требовало броситься и вцепиться врагу в горло. Я могла многое.

Но не всё.

А война против будущего — не одиночная охота.

Мне нужны были рядом не просто служащие. Не придворные. Не назначенные отцами специалисты, которые при первом подозрении побегут докладывать Арвейсу, Вайресу или маме. Мне нужны были те, кто увидит во мне не хрупкую принцессу, а свою единственную сторону.

Верные.

Преданные.

Умные настолько, чтобы спорить со мной.

И достаточно сломанные собственными семьями, чтобы понять: клетка, украшенная заботой, всё равно клетка.

Так я нашла трёх гениев, которых их собственные роды пытались уничтожить.

Вэлса стала моей безупречной, тонкой, ядовитой дипломатической рукой.

Сайвен — врачом, исследователем и язвительным проклятием всех моих попыток «просто потерпеть». Он учился лично у Лурина, врача моей мамы, и тот до сих пор был без ума от своего единственного ученика. Что не мешало Лурину отправлять мне длинные сообщения с просьбой «не доводить мальчика до ранней седины», хотя Сайвену было сорок пять и седина ему не грозила, разве что от моего характера.

Айсар Вол'Тен был настолько же гениален, насколько безумен.

Это не оскорбление.

Это рабочее описание.

Мама, когда впервые увидела их досье и мою просьбу назначить всю троицу личными помощниками, трижды спросила, уверена ли я. Потом перечитала. Потом спросила, понимаю ли я, что один из них уже тогда имел три закрытых предупреждения за несанкционированные попытки «проверить устойчивость» сетей собственного учебного дома, вторая была слишком умна для спокойной жизни при дворе, а третий мог довести до слёз медицинский совет просто интонацией.

Я сказала, что понимаю.

Мама долго смотрела на меня.

Очень долго.

Потом спросила:

— Эли, ты точно не пытаешься собрать личный маленький заговор?

Я ответила:

— Конечно, нет.

Мама сказала:

— Плохо врёшь.

И подписала приказ.

Потом ещё несколько месяцев сомневалась в моём здравомыслии, но приказ не отменила.

Вот уже двадцать лет они были рядом.

Именно они помогали мне в планах, подготовке, поисках, расчётах, безумных затеях, которые лучше не показывать семейному совету без успокоительных, и в тех ночах, когда я просыпалась слишком тихо, чтобы кто-то, кроме своих, понял: кошмар снова дошёл до конца.

— Что? — спросил Айсар, оглянувшись. — У вас лицо, будто вы вспоминаете, как нашли наше прекрасное собрание талантов и проблем.

— Вспоминаю, как мама спрашивала, уверена ли я.

Вэлса чуть улыбнулась.

— Ваша матушка была права сомневаться.

— Я слышу оскорбительную недооценку, — сказал Айсар.

Сайвен поднял диагностическую панель.

— Я слышу редкий пример здравого смысла.

— Ты вообще часто слышишь здравый смысл, — заметила я. — Просто игнорируешь, если он не совпадает с твоими медицинскими протоколами.

— Здравый смысл и мои медицинские протоколы обычно совпадают. Вы — исключение.

— Очень лестно.

— Не в том смысле.

— Поздно. Я уже выбрала удобный.

Вэлса мягко хлопнула в ладони один раз.

— Прекрасно. Пока все живы, предлагаю заселиться, переодеться, смыть официальный порт и через два часа со-

браться здесь. Делегации нужен инструктаж, вилле — проверка, принцессе — еда.

Сайвен посмотрел на неё с редким одобрением.

— И первичная стабилизация.

— И первичная стабилизация, — согласилась Вэлса.

— Я буду называть это отдыхом, — сказала я.

— Вы будете называть это как угодно, — ответил Сайвен. — Главное, что я поставлю датчики.

Айсар задумчиво произнёс:

— Можно я поставлю свои датчики рядом с твоими? Исключительно для сравнения точности.

— Нет.

— Ты даже не спросил, какие.

— Именно поэтому нет.

Через два часа вилла стала похожа на место, где действительно поселились саархи.

Не полностью. Для этого нужно было больше времени, больше личных вещей, больше привычек, впитанных в ткань и камень. Но пустота ушла.

В центральном помещении, которое оказалось чем-то между кабинетом, гостиной и столовой, уже горели мягкие световые панели с тёплым фиолетовым оттенком. Водный канал вдоль стены заполнили белыми плавающими цветами. Низкий стол был накрыт лёгкими закусками, фруктами, сладкими пластинками, тонкими чашами с напитками и отдельным набором для меня, который Сайвен поставил слиш-

ком демонстративно далеко от сладкого.

Я отметила.

Запомнила.

Отомщу.

Когда-нибудь.

Не сейчас.

Сейчас я сидела в мягком кресле у центрального стола, переодетая в простой домашний саархатский наряд нежно-голубого цвета. Лёгкая ткань свободно лежала на теле, рукава были широкими, но не слишком длинными, пояс мягким, без тяжёлых пластин. Волосы я распустила полностью, и бело-фиолетовые пряди струились по спине и плечам тяжёлой гладкой волной.

После официального фиолетового наряда голубой казался почти беззащитным.

Почти.

Вэлса одобрила.

Сайвен сказал, что цвет лица всё равно отвратительный.

Айсар заявил, что если бы Академия знала, насколько опасно выглядит принцесса в домашнем, они бы потребовали отдельный протокол допуска.

Делегация собралась полностью.

Два профессора, два дипломата, старшие охраны, координаторы, помощники, специалисты по связи, по протоколу, по образовательным материалам. Все уже переоделись в менее официальные, но всё ещё достойные наряды Са'Рет. В

воздухе смешались дорожная усталость, любопытство и напряжение первого дня.

Вэлса стояла у большой голографической панели. Сайвен — рядом со своим медицинским модулем. Айсар — у центрального узла связи, где он устроился так естественно, будто родился в обнимку с закрытой системой.

Я разрешила им вести инструктаж.

Не потому, что не могла сама.

Потому что им нужно было показать себя.

Перед всеми, кто ещё не до конца понял, почему рядом с принцессой Са'Рет идут не просто три помощника, а три личных решения, утверждённых императорским приказом и двадцатью годами моей жизни.

— Итак, — сказала Вэлса, её голос мягко заполнил помещение, — программа первых дней выглядит достаточно просто, если не принимать в расчёт, что простота в межсистемной дипломатии обычно является эстетической формой угрозы.

Один из дипломатов тихо хмыкнул.

Вэлса продолжила:

— Завтра вечером состоится приём и официальное открытие обмена знаниями. Главы делегаций трёх систем произнесут приветственные речи. От Са'Рет выступит её высочество принцесса Элирис Саэ'Вар.

Несколько взглядов повернулись ко мне.

Я взяла тонкий ломтик фрукта, пахнущий медовой кис-

линкой, и улыбнулась так, будто выступления перед тремя системами не были одним из множества способов добровольно подставить горло.

— Не переживайте, — сказала я. — Речь уже написана. В ней почти нет угроз.

Риан Саэ'Лор, один из дипломатов, осторожно уточнил:

— «Почти», ваше высочество?

— Совсем без угроз речь будет казаться неискренней.

Вэлса кивнула.

— Я пыталась убрать две фразы. Её высочество вернула три.

— Баланс должен быть в пользу автора, — сказала я.

— Я бы назвал это иначе, — пробормотал Сайвен.

— Тебя никто не спрашивал.

— Именно поэтому я жив.

Айсар хмыкнул.

Профессор Мирэйс смотрела на нас с интересом, явно сравнивая с тем, что ожидала от личной команды хрупкой принцессы. Её внутренний змей пах лёгкой веселостью. Хорошо. Значит, она не из тех, кто путает живость с недостатком дисциплины.

Один из старших охраны, до этого стоявший почти неподвижно, чуть сдвинул плечи. Не возражение. Скорее принятие нового порядка. Он наконец понял: личная команда принцессы не заменяет охрану, но стоит ближе к центру, чем любой официальный протокол.

Правильно понял.

— На следующий день начинаются лекции, — продолжила Вэлса. — Первые две читает её высочество. Первая — общий обзор Са'Рет: раса, история, современная структура, реформы и место императорской крови в системе. Вторая — этикет, культурные коды и ошибки межрасового общения, которых всем нам очень хотелось бы избежать до первого дипломатического скандала.

— Оптимистично, — заметил Айсар. — До первого скандала.

— Я старалась.

— После лекций её высочества, — сказала Вэлса, не позволяя сбить себя, — состоятся две лекции представителей Аэл'Тар и две лекции представителей Кхар'Раэна. Порядок утверждён Академией, но темы финально подтвердятся завтра утром.

Я откинулась на спинку кресла и посмотрела на голограмму расписания.

На вид всё действительно было просто.

Главное — правильно себя показать.

Сделать так, чтобы все захотели узнать больше. Подойти ближе. Заговорить. Получить личную улыбку. Личную встречу. Личную тайну. Поверить, что хрупкая принцесса Са'Рет достаточно интересна, чтобы ради неё сдвинуться с безопасного места.

И даже захотеть заполучить.

Особенно тем, кому очень хотелось владеть редким.

Ничего сложного.

Совсем.

А ещё на месте не убить Вайргардов.

Ха.

Вообще не сложно.

Я медленно провела пальцем по краю чаши.

Аристан.

Севарион.

Рагвейн.

В прошлой жизни они улыбались красиво. Каждый по-своему. Аристан — как будущий правитель, который уже знает, где ты окажешься через пять ходов. Севарион — как мягкая отрава, которую слишком приятно пить. Рагвейн — как удар, от которого почему-то тоже ждёшь защиты, пока не понимаешь, что защита и удар идут из одной руки.

Я встречусь с ними на приёме.

И именно их внимание мне нужно обратить на себя.

Не просто позволить заметить.

Заставить.

Так, чтобы они сами сделали первый шаг.

Сами решили, что легенда Са'Рет стоит риска.

Сами потянулись.

Мой внутренний змей тихо, почти ласково развернулся под кожей.

Он не любил приманки.

Он любил укус.

Но мы оба знали: иногда, чтобы яд попал глубоко, нужно позволить врагу приблизиться.

Я справлюсь.

Должна справиться.

— Ваше высочество, — голос Сайвена выдернул меня из мыслей, — вы перестали дышать равномерно.

Я подняла на него взгляд.

— Я дышала.

— Не спорьте с прибором.

— Я спорю с тобой. Прибор здесь случайная жертва.

— Прибор согласен со мной.

— Он просто боится.

Айсар радостно вставил:

— Я могу изменить его мнение.

— Нет, — сказали мы с Сайвеном одновременно.

Вэлса, будто ничего не происходило, переключила голограмму на схему виллы.

— Теперь безопасность. Академические протоколы достойные, но недостаточные. Господин Вол'Тен уже внёс первичные корректировки.

— Я был деликатен, — сказал Айсар.

Старший охраны посмотрел на него так, будто пытался решить, стоит ли уточнять.

Не стал.

Умный.

Айсар поднялся, провёл пальцами по браслету, и схема виллы развернулась в воздухе несколькими слоями: жилое крыло, центральный зал, рабочие кабинеты, медицинская комната, технический уровень, внутренний двор, внешняя линия охраны, скрытые переходы.

— Академия предоставила стандартную защиту дипломатической виллы высокого уровня, — начал он тоном, который мог бы сойти за серьёзный, если не знать Айсара. — То есть красиво, дорого и местами наивно. Мы добавили внутренний слой Са'Рет, независимый от академического. Все внешние каналы проходят через фильтр. Камеры в общих зонах оставлены, но получили художественное воспитание и теперь не видят лишнего. Доступы персонала Академии ограничены до подтверждения с нашей стороны. Служебные переходы поставлены на двойное уведомление. Если кто-то попробует войти без допуска, вилла сначала предупредит Вэлсу, потом охрану, потом меня, а затем решит, насколько сильно ему стоит пожалеть.

Риан Саэ'Лор медленно спросил:

— «Вилла решит»?

— Я добавил ей немного характера.

Сайвен закрыл лицо ладонью.

Вэлса спокойно сказала:

— В пределах допустимого.

— Для кого? — уточнил старший охраны.

— Для нас, — ответил Айсар.

Охрана переглянулась.

Я отпила из чаши и позволила им переварить.

Лучше пусть привыкают сразу.

— Медицинские протоколы, — сказал Сайвен, безжалостно перехватывая внимание, пока Айсар не начал рассказывать о «характере» виллы подробнее. — Все члены делегации пройдут первичное сканирование сегодня до сна. Не спорить. Не откладывать. Не делать вид, что «ничего не беспокоит». Я не принимаю словесные доказательства хорошего самочувствия, особенно от дипломатов, охраны и её высочества.

Я подняла руку.

— Почему меня выделили отдельно?

— Потому что вы лидер по попыткам убедить окружающих, что обморок — это форма стратегической паузы.

Профессор Саэ'Лор закашлялся.

Вэлса невинно посмотрела в сторону.

Айсар прошептал:

— Это было один раз.

Сайвен повернулся к нему.

— Три.

— Два с половиной. В третьем случае она почти села сама.

— Продолжишь — я расскажу про твою попытку проверить стабилизаторы гравитации на собственном теле.

Айсар мгновенно замолчал.

Как всегда, Сайвен знал, куда нажать.

— Для всех, — продолжил он, — запрещены непроверенные напитки, еда, косметические составы, благовония, ткани, украшения, личные подарки и любые «знаки уважения», переданные вне протокола. Раэдарские биологические маркеры — грубее, но не менее неприятны. Эларийские ментальные воздействия в условиях усталости могут быть неумышленными, но последствия от этого не становятся приятнее. При любых симптомах — ко мне. Не к «оно само пройдёт».

Он посмотрел на меня.

Я сделала вид, что изучаю фрукты.

— Особенно не к «оно само пройдёт», — повторил он.

— Я услышала с первого раза.

— Я знаю. Поэтому повторяю.

Проклятый гений.

После инструктажа делегация начала задавать вопросы. Практичные. Осторожные. Иногда слишком тревожные. Вэлса отвечала по протоколу, Сайвен — по здоровью, Айсар — по сетям, и чем дольше они говорили, тем отчётливее я чувствовала, как меняется атмосфера.

Моя троица проявляла себя.

Не громко.

Не демонстративно.

Но достаточно.

Профессора видели компетентность. Дипломаты — контроль. Охрана — слои защиты, в которые они были включе-

ны, но не поставлены выше личной команды. Помощники — структуру, где каждый знает, что делать.

Так и должно быть.

Если завтра на приёме кто-то попробует счесть моих помощников декоративной свитой, он быстро пожалеет.

Система виллы прервала обсуждение мягким сигналом.

На центральной панели вспыхнуло уведомление.

Внешняя доставка. Протокольные подарки для делегации Са'Рет. Уровень доступа: дипломатический. Требуется подтверждение приёма.

Я посмотрела на уведомление.

Потом на Вэлсу.

Потом рассмеялась.

— Похоже, я произвела отличное первое впечатление.

— Или достаточно дорогое, чтобы поспешить с подарками, — сказала Вэлса.

— Это почти одно и то же.

— Нет, моя принцесса. Первое — про восхищение. Второе — про расчёт.

— В политике восхищение без расчёта быстро портится.

— Справедливо.

Она уже шла к панели.

— Я приму доставку. Ответные подарки отправляем по заранее подготовленному списку. Айсар, проверь маршрут доставки и дроны. Сайвен, первичная биологическая проверка. Риан, мне нужен протокольный журнал, чтобы никто

потом не решил, что Са'Рет принял чьё-то внимание слишком тепло или слишком холодно.

Дипломат кивнул мгновенно.

Айсар расплылся в улыбке.

— Я обожаю подарки. В них всегда столько скрытых намерений.

— Именно поэтому ты не открываешь их первым, — сказал Сайвен.

— Тебе просто не нравится радость.

— Мне не нравится взрывчатка в коробках.

— Я же не говорил, что радость безопасна.

Первый выход уже дал плоды.

Не цветы.

Не сладости.

Письмо.

Я ещё не знала этого, но внутренний змей внезапно стал тише, будто уловил движение в траве раньше, чем я увидела блеск чешуи.

Подарки доставили через внешний шлюз виллы спустя несколько минут. Не сами дарители, разумеется. Только протокольные контейнеры, каждый с отметкой системы, отправителя и уровня формальности. Вэлса распорядилась перенести всё в отдельную проверочную зону, а я осталась сидеть в центральном помещении, наблюдая через открытую голограмму.

На первый взгляд всё было стандартно.

Слишком стандартно.

Цветы.

Сладости.

Фрукты.

Редкие чайные смеси.

Несколько наборов тонких тканей от саархских домов, желающих первыми обозначить почтение императорской крови. Украшения от одной эларийской семьи — аккуратные, не переходящие границы, скорее знак восхищения дочерью Ариэль. Пара тяжёлых раэдарских фруктовых композиций, где всё выглядело так, будто даже плоды должны были демонстрировать силу крови и территорию.

Ничего необычного.

Именно поэтому необычное сразу бросилось в глаза.

Вэлса подняла небольшой плоский футляр из тёмного дерева.

Дерево.

Настоящее.

Не полимерная имитация.

Не дипломатический носитель.

Не голографический планшет.

Внутри лежал сложенный лист бумаги.

Настоящей бумаги.

Воздух вокруг меня похолодел.

Бумагу почти не использовали в таких обменах. Слишком нецелесообразно. Слишком хрупко. Слишком неудобно для

защиты, архивирования и проверки. Но именно поэтому она становилась знаком. Личным. Намеренным. Дорогим. Почти интимным в дипломатическом смысле.

— Отправитель? — спросила я.

Вэлса не сразу ответила.

И этого мгновения хватило.

Я уже знала.

— Севарион Вайргард, — сказала она.

Внутренний змей ударил хвостом по рёбрам.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы дыхание стало тоньше.

Севарион.

Конечно.

Он умел говорить так, что ложь звучала мягче правды. Умел подбирать слова, которые не давили, а обволакивали. Умел смотреть так, будто видит не статус, не тело, не выгоду, а именно тебя. Самую скрытую, самую одинокую, самую жаждущую быть понятой.

В прошлой жизни я позволила этому голосу стать мостом.

Потом оказалось, что мост ведёт в клетку.

— Проверка? — спросила я.

Сайвен уже взял футляр из рук Вэлсы, не касаясь бумаги напрямую.

— Биологически чисто. Поверхностных токсинов нет. Следов активных веществ нет. Запах нейтрализован, что само по себе интересно. Бумага дорогая. Чернила нестандарт-

ные, но безопасные. По крайней мере для тела.

— Для психики проверку не проводим? — спросил Айсар.

— Это к Вэлсе, — ответил Сайвен.

Вэлса посмотрела на письмо.

— Для психики принцессы опаснее не письмо. Опаснее убить отправителя до приёма и испортить расписание.

Я медленно улыбнулась.

— Какая ты практичная.

— Я стараюсь.

Читать не хотелось.

Из отвращения.

Севарион умел красиво говорить. Умел заставить слова ложиться на кожу тёплой тканью, пока под ней не начинали затягиваться петли. Я знала его стиль слишком хорошо. Знала ритм фраз. Знала мягкие паузы. Знала, как он хвалит так, будто дарит не комплимент, а право быть замеченной.

Но если он предоставляет мне такую возможность, будет глупо не воспользоваться.

— Читай, — сказала я Вэлсе.

Она развернула письмо.

Настоящая бумага тихо шуршала.

Неприятный звук.

Слишком живой.

Вэлса пробежала глазами текст, её лицо осталось спокойным, но сиреневый след яда стал чуть резче.

— Моя принцесса, письмо личное, но не нарушает протокол.

— Вслух.

В комнате стало тише.

Даже делегация, которая пыталась сделать вид, что не прислушивается, перестала шуршать одеждой.

Вэлса начала читать:

— «Ваше высочество, принцесса Элирис Саэ'Вар. Позвольте выразить восхищение вашим прибытием в Академию. Редко дипломатический протокол становится событием, которое заставляет замолчать даже тех, кто привык считать себя центром зала. Сегодня Са'Рет напомнил трём системам, что хрупкость и власть могут идти рядом, если кровь достаточно древняя, а воспитание достаточно безупречно».

Айсар беззвучно изобразил рвотный позыв.

Сайвен посмотрел на него с одобрением.

Я не шевельнулась.

Только пальцы на чаше с напитком легли чуть ровнее.

Слишком ровно.

Так, что тонкий край тихо звякнул под ногтем.

Вэлса продолжила:

— «Мои братья и я будем искренне рады возможности познакомиться с вами ближе в дни обмена знаниями. Разумеется, исключительно в рамках академической программы, взаимного уважения и интереса к культуре Са'Рет, которая, как мы уже успели убедиться, скрывает куда больше, чем позво-

ляют увидеть официальные архивы».

Я тихо рассмеялась.

Вот оно.

Мягкий намёк.

Восхищение.

Приглашение.

И сразу — «вы скрываете больше, чем показываете».

Севарион не изменился.

Очень жаль.

И очень полезно.

Вэлса дочитала:

— «Надеюсь, ваши лекции позволят нам лучше понять не только этикет вашей системы, но и ту редкую силу, которая делает принцессу Са'Рет столь ожидаемым голосом этого обмена. С уважением, Севарион Вайргард».

Тишина.

Плотная.

Я протянула руку.

Вэлса передала письмо мне.

Бумага была плотной, тёплой от её пальцев, с едва уловимым запахом дорогих чернил и попытки стереть всё личное. Я провела взглядом по строкам, уже читая не смысл, а структуру ловушки.

— Какая прелесть, — сказала я. — Он попытался одновременно восхититься, обозначить интерес, проверить границы и намекнуть, что уже ищет тайну под моей кожей. По-

чти скучала по этой манере.

Старший дипломат осторожно произнёс:

— Ваше высочество, письмо выглядит… уважительным.

Я подняла на него взгляд.

Он тут же пожалел, но не отступил.

Хорошо.

Дипломаты, которые боятся вопросов, бесполезны.

— Вы хотите спросить, почему я говорю о нём так, будто письмо пахнет гнилью?

В комнате стало совсем тихо.

Риан Саэ'Лор осторожно склонил голову.

— Я бы сформулировал мягче.

— Поэтому вы дипломат.

Вэлса опустила глаза, но я почувствовала её едва заметное веселье.

Профессор Саэ'Лор нахмурился.

— У вас есть сведения о братьях Вайргард, ваше высочество?

О, если бы.

Сведения.

Записи.

Шрамы.

Кошмары.

Смерти.

Слова.

Чужие руки в волосах.

Ошейник.

Мамин последний взгляд.

Я сложила письмо обратно.

Очень аккуратно.

Слишком аккуратно для существа, которому всё равно.

Делегация заметила.

Вэлса тоже.

Сайвен — тем более.

— Достаточно, чтобы быть осторожной, — сказала я.

— Их положение в делегации Кхар'Раэна высоко, — сказал дипломат. — Если они ищут контакт, это может быть полезно.

— Несомненно.

— Тогда…

— Полезные вещи часто бывают ядовитыми, Риан. Вопрос не в том, можно ли ими пользоваться. Вопрос в том, кто первым коснётся голой кожей.

Он замолчал.

Делегация недоумевала.

Я чувствовала это по запахам: беспокойство, растерянность, попытки сопоставить факты. Для них Вайргарды были опасным, высокопоставленным гнездом Кхар'Раэна. Неприятным, возможно. Жёстким. Воинственным. Но не личным кошмаром принцессы Са'Рет.

Они не понимали, почему я ненавижу троих братьев так глубоко, что даже письмо на бумаге заставляет воздух вокруг

меня холодеть.

Мои помощники понимали другое.

Вэлса, Сайвен и Айсар всегда знали, что я что-то скрываю. Не мелочь. Не политическую интригу. Не обычный семейный секрет. Что-то огромное, тёмное, впаянное в меня под кожу глубже, чем можно достать вопросами.

Они никогда не спрашивали.

Ни Вэлса, умеющая вытаскивать тайны из чужого молчания тоньше любого клинка.

Ни Сайвен, который знал моё тело лучше, чем я сама, и видел следы кошмаров в показателях задолго до того, как я научилась лгать приборам.

Ни Айсар, способный найти закрытый архив там, где другие видели стену.

Они не спрашивали.

Потому что были преданы не тайне.

Мне.

И если завтра я прикажу им открыть дверь в гнездо драконов, они спросят только, с какой стороны удобнее заложить выход назад.

— Ответ, — сказала я.

Вэлса уже протягивала мне чистый лист.

— Бумага?

— Конечно. Нельзя отвечать на красивую ловушку стандартным сообщением. Это невежливо.

Айсар тихо сказал:

— Я запишу эту фразу в список «причины, по которым её высочество пугает дипломатов».

— Сделай красивый заголовок, — попросила я.

— Уже.

Я взяла тонкое перо-стилус, активировала чернильный режим и на мгновение задумалась.

Ответ должен был сделать несколько вещей сразу.

Не отказать.

Не принять.

Не показать страх.

Не показать ненависть.

Заинтересовать.

Чуть поощрить.

Чуть уколоть.

И оставить им ощущение, что если приблизиться аккуратно, можно увидеть под легендой нечто настоящее.

Мужчины, уверенные в собственном праве брать, редко сопротивляются такой приманке.

Я начала писать.

«Лорд Севарион Вайргард.

Благодарю за столь внимательное письмо. Приятно знать, что прибытие Са'Рет сумело привлечь взгляд тех, кто привык смотреть на зал с высоты собственных крыльев.

Академический обмен создан именно для того, чтобы системы учились видеть друг друга не только через архивы, слухи и заранее подготовленные выводы. Я буду рада, если

мои лекции помогут представителям Кхар'Раэна лучше понять Са'Рет — хотя предупреждаю заранее: наша культура редко открывается тем, кто подходит к ней слишком уверенно.

Что касается знакомства, полагаю, обмен знаниями предоставит достаточно возможностей для вежливых разговоров. Особенно если вопросы будут достойнее обычного любопытства.

С уважением,

Элирис Саэ'Вар».

Я перечитала.

Почти мягко.

Почти приветливо.

Почти приглашение.

Вэлса взяла лист, прочитала и улыбнулась уголками губ.

— Красиво.

Сайвен прочитал через её плечо.

— Опасно.

Айсар тоже вытянулся.

— О, фраза про крылья чудесная. Они будут гадать, восхитились вы или ударили.

— И то и другое, — сказала я.

— Я восхищён.

— Ты часто восхищён тем, что может закончиться проблемами.

— У меня хороший вкус.

Старший дипломат выглядел так, будто хотел одновременно похвалить ответ и попросить добавить три слоя безопасных формулировок.

Я решила избавить его от страданий.

— Вэлса, проследи за отправкой. Через официальный канал, но с сохранением бумажного носителя. Пусть письмо отнесут им лично. Не через дрон.

— Кому поручить?

Я посмотрела на Айсара.

Он мгновенно поднял руки.

— Я не подхожу. Меня могут неправильно понять.

Сайвен сухо сказал:

— Впервые слышу от тебя осмысленную самооценку.

— Я берегу дипломатический эффект.

Вэлса кивнула.

— Отправлю одного из старших протокольных помощников. Без лишних фраз. Только передача ответа.

— Хорошо.

Она ушла распоряжаться.

В комнате ещё несколько секунд держалась напряжённая тишина.

Письмо Севариона изменило воздух.

До него всё было почти академическим: расписание, защита, медицинские протоколы, подарки, первые слухи. После него в виллу вошло прошлое. Не целиком. Только тонким краем бумаги. Но мне хватило.

Сайвен подошёл ближе.

— Ужин.

Я посмотрела на него.

— Сейчас?

— Да.

— Сайвен, мы только что получили письмо от Вайргарда, делегация пытается понять, почему я хочу утопить красивую бумагу в кислоте, а ты говоришь про ужин.

— Именно потому, что вы хотите утопить бумагу в кислоте, вам нужно ужинать. Ваше тело не питается ненавистью.

— Жаль.

— Я проверял. Не питается.

Айсар тихо сказал:

— Уверен, если бы кто-то мог научить организм перерабатывать ненависть в энергию, это была бы наша принцесса.

— Не подавайте ей идеи, — резко сказал Сайвен.

Я улыбнулась.

— Поздно.

— Элирис.

— Всё, молчу.

— Неправда.

— Но красиво звучит.

Сайвен поставил передо мной тарелку с заранее отмеренной порцией: тёплое мясо в лёгком соусе, мягкие овощи, небольшая чашка питательного бульона и ровно две сладкие пластинки. Две. Будто он считал себя милосердным.

Я посмотрела на сладкое.

Потом на него.

— Сайвен.

— Две.

— Это дипломатическое оскорбление.

— Это медицинская рекомендация.

— Я принцесса Са'Рет.

— У вашей поджелудочной нет титула.

Айсар подавился смешком.

Вэлса вернулась как раз вовремя, чтобы услышать конец.

— Ответное письмо отправлено. Протокольный помощник передаст лично в сектор Кхар'Раэна.

— Благодарю.

Она села рядом со мной и мягко добавила:

— Ешьте, моя принцесса. Завтра вам нужно выглядеть так, будто вы спали, отдыхали и не планируете разложить Вайргардов на политические органы прямо на приёме.

— Ты тоже против?

— Я за. Но после речи.

Я рассмеялась и взяла ложку.

Ужин прошёл почти спокойно.

Если не считать того, что делегация продолжала переваривать моё письмо, Айсар тихо получал обновления по слухам и время от времени издавал довольные звуки, Вэлса составляла список ответных реакций на подарки, а Сайвен следил за тем, сколько я съела, с выражением военного коман-

дира, наблюдающего за сомнительной осадой.

Я съела всё.

Даже бульон.

Сайвен выглядел так, будто это личная победа.

Я не стала лишать его радости.

После ужина делегация разошлась по комнатам и рабочим зонам. Охрана ушла проверять маршруты. Профессора — готовить материалы. Дипломаты — согласовывать утренние протоколы. Вэлса осталась в центральном помещении ещё на несколько минут, затем ушла проверять отчёты по подаркам.

Айсар исчез в технической зоне со словами:

— Я просто посмотрю.

Сайвен проводил его взглядом.

— Эти слова должны быть внесены в реестр угроз.

— Согласна, — сказала я.

Он повернулся ко мне.

— А теперь процедуры.

Я вздохнула.

Вот и всё.

Моя реальность.

Инфузия.

Сканирование.

Портативная капсула.

Сон под наблюдением показателей.

— Можно сделать вид, что я уже прошла? — спросила я.

— Нет.

— А если очень убедительно?

— Особенно нет.

— Ты жесток.

— Я эффективен.

Медицинская комната виллы находилась в нижнем крыле, но Сайвен уже успел перенести часть оборудования в мои покои. Разумеется. Он называл это «рациональной адаптацией пространства». Я называла это «Сайвен не доверяет мне пройти двадцать метров без попытки свернуть куда-нибудь работать».

Спорить было бессмысленно.

Он всё равно был прав.

Мои покои в верхнем крыле действительно оказались красивыми: широкая низкая кровать, прозрачная стена с видом на внутренний сад, водная линия у окна, рабочая панель, отдельная гардеробная, мягкие световые настройки, скрытый выход в малую галерею. Уже пахло мной — Вэлса позаботилась о тканях и ароматах. Лилии, холодные травы, немного сладости, чтобы заглушить стерильность Академии.

Сайвен развернул портативную капсулу у стены.

Тонкие дуги сканеров поднялись над мягким ложем. Рядом активировалась инфузионная стойка, почти невесомая, из прозрачного материала и серебристых линий. Капельница, если говорить совсем просто. Только во дворце никто так не говорил при Сайвене, потому что он начинал читать лекцию о том, что это «точный инфузионный модуль много-

уровневой стабилизации», а не примитивная палка с жидкостью.

Я всё равно иногда называла капельницей.

Мысленно.

Чтобы не провоцировать.

— Рука, — сказал он.

Я села на край кровати и протянула руку.

Он обработал кожу, подключил тонкую линию к венозному порту у запястья. Почти безболезненно. Сайвен работал раздражающе аккуратно. Даже когда ворчал, руки у него оставались мягкими и точными.

Холодная стабилизирующая смесь пошла в кровь.

Я поморщилась.

— Неприятно.

— Зато полезно.

— Ненавижу, когда это разные вещи.

— Это часто одна и та же вещь.

— Именно поэтому ненавижу.

Он не улыбнулся, но запах раздражения стал чуть теплее.

— Завтра будет тяжёлый день. Ваше тело не простит, если сегодня вы решите спать четыре часа и читать отчёты до рассвета.

— Я не собиралась.

Сайвен посмотрел на меня.

Молча.

Долго.

— Хорошо, — сказала я. — Собиралась, но без энтузиазма.

— Я заблокировал рабочую панель в ваших покоях после полуночи.

Я медленно повернула голову.

— Ты что сделал?

— Заблокировал рабочую панель после полуночи.

— Сайвен.

— Айсар помог.

— Айсар предатель.

Из стены раздался голос Айсара через внутреннюю связь:

— Я назвал это поддержкой здоровья и временным нарушением ваших прекрасных разрушительных привычек.

— Я тебя уволю.

— Уже двадцать лет обещаете. Я привык.

Сайвен даже не моргнул.

— Ложитесь.

— Я принцесса.

— Ложитесь, ваше высочество.

Я легла в портативную капсулу с достоинством существа, которого нагло победили собственные подчинённые. Сканеры опустились мягким прозрачным куполом, оставляя лицо открытым. По телу прошла волна диагностики: сердце, сосуды, дыхание, нервная активность, энергетическая нагрузка, последствия утреннего кошмара, уровень истощения, реакция на инфузию.

Сайвен смотрел на данные.

Не комментировал.

Это было хуже, чем если бы комментировал.

— Насколько плохо? — спросила я.

— Терпимо.

— У тебя слово «терпимо» означает что угодно от «вы почти здоровы» до «я уже мысленно пишу завещание за вас».

— Сегодня ближе к первому.

— О. Праздник.

— Но если завтра вы попытаетесь пропустить завтрак, будет ближе ко второму.

Я закрыла глаза.

Холодная смесь медленно расходилась по телу, снимая остаточные спазмы, сглаживая дрожь, притупляя пульсацию в висках. Ненавижу это. Не саму процедуру — зависимость от неё. Напоминание, что моё тело не стало сильным от одной только ненависти. Что прошлое оставило следы даже там, где его не было физически в этой жизни. Что болезнь, кома, дар, внутренний змей, слабость здоровья и двадцать лет подготовки всё равно требовали платы.

Раньше это меня угнетало.

До злости.

До стыда.

До желания вырвать порт из запястья, выбросить все препараты и доказать кому-то — семье, себе, прошлой жизни, мёртвым, живым, бездне, — что я могу без этого.

Теперь я была умнее.

Не спокойнее.

Не мягче.

Умнее.

Если инфузия даст мне силы завтра стоять перед Вайргардами и улыбаться, я приму инфузию.

Если сканирование позволит вовремя заметить перегрузку и не рухнуть на глазах у трёх систем, я буду лежать под этой проклятой портативной капсулой.

Если сон по графику увеличит шанс дожить до мести — я буду спать.

Я готова на всё, чтобы поддерживать здоровье.

Не потому что полюбила своё тело.

Пока нет.

А потому что оно нужно мне живым.

Для семьи.

Для Са'Рет.

Для Аэл'Тар.

Для женщин, которых в прошлой жизни называли ресурсами.

Для яда, который ещё должен попасть в драконью кровь.

Сайвен, кажется, почувствовал, куда ушли мои мысли. Он знал меня слишком хорошо, чтобы не заметить.

— Элирис.

Я открыла глаза.

— Что?

— Вы не обязаны выдержать всё завтра идеально.

Я тихо усмехнулась.

— Обязана.

— Нет.

— Сайвен.

— Вы обязаны выжить. Всё остальное желательно.

Я смотрела на него долго.

Он не отвёл взгляда.

Редкий саарх мог спорить с принцессой Императорского клана так, будто имеет право. Ещё более редкий — выжить после этого рядом с моими братьями.

Сайвен мог.

Потому что я сама дала ему это право.

— Я постараюсь, — сказала я наконец.

Он прищурился.

— Слабая формулировка.

— Я буду выживать с максимальной дипломатической пользой.

— Лучше.

Из внутренней связи донёсся голос Айсара:

— Я записал. Великолепный девиз.

— Не записывай мои медицинские обещания, — сказала я.

— Поздно.

Вэлса вошла тихо, почти бесшумно. В руках — тонкий планшет.

— Ответ доставлен.

Я повернула голову.

— Реакция?

— Протокольный помощник передал лично. Принял сам Севарион Вайргард. Прочитал сразу.

Воздух в комнате изменился.

Даже Сайвен перестал смотреть только на показатели.

— И? — спросила я.

Вэлса улыбнулась.

Очень тонко.

— Он улыбнулся.

Я закрыла глаза.

Конечно.

— А потом?

— Попросил передать, что с нетерпением ждёт ваших лекций.

Внутренний змей лениво обвился вокруг моей злости.

Севарион заглотил крючок.

Не глубоко.

Пока только попробовал.

Но попробовал.

— Что ещё? — спросила я, не открывая глаз.

Вэлса не ответила сразу.

Этой паузы хватило, чтобы усталость внутри меня стала холоднее.

— Аристан был рядом, — сказала она наконец. — Он слы-

шал ответ Севариона.

Я открыла глаза.

— И?

— Он не улыбнулся.

Тишина стала другой.

Глубже.

Острее.

Севарион заглотил крючок.

Аристан увидел леску.

Вот и разница между ними.

Вот почему в прошлой жизни один обволакивал, второй считал, а третий ломал.

Я медленно выдохнула.

— Передайте помощнику благодарность, — сказала я. — И проверьте, не пытались ли через него передать что-то обратно.

— Уже проверила. Ничего.

— Хорошо.

Вэлса подошла ближе и посмотрела на меня под капсулой.

— Завтра будет трудный день.

— Все сегодня решили сообщить мне очевидное?

— Мы подбираем разные интонации, чтобы хоть одна сработала.

— Заботливо.

— Мы стараемся.

Сайвен отключил первую фазу сканирования.

— Показатели стабилизируются. Через двадцать минут сон. Без рабочих панелей. Без писем. Без ответов братьям на сорок семь сообщений.

Я открыла глаза.

— Откуда ты знаешь про сорок семь?

Айсар через связь сказал:

— Я бы ответил, но Сайвен запретил признаваться в сетевых грехах во время медицинских процедур.

— Айсар.

— Да, моя принцесса?

— Завтра я тебя придушу.

— В расписании есть свободное окно после завтрака. Я внесу.

Вэлса тихо рассмеялась.

Сайвен выглядел так, будто всерьёз подумал добавить в медицинский план пункт «контролируемое придушение личного сетевика как эмоциональная разгрузка».

Я тоже рассмеялась.

Устало.

Тихо.

Но уже без горечи.

За прозрачной стеной внутренний сад был тёмен и спокоен. Вода отражала мягкий свет. Вилла пахла нашими вещами, защитой, усталостью, планами и первым письмом от врага, которое уже лежало в изолированном контейнере, ожидая повторной проверки.

Я позволила стабилизирующей смеси утянуть тело в мягкую тяжесть и закрыла глаза.

Сон казался опасным.

Но бодрствовать было ещё опаснее.

— Спите, моя принцесса, — тихо сказала Вэлса.

— Не спорьте с препаратами, — добавил Сайвен.

— А я пока присмотрю за виллой, — радостно сообщил Айсар из связи. — Она уже почти перестала сопротивляться.

Я не открывала глаз.

— Айсар, если к утру вилла начнёт разговаривать, я отдам тебя Сайвену на опыты.

— Принято. Голосовой модуль отложить.

Смех застрял у меня в горле, превратился в выдох.

Холод инфузии постепенно сменился теплом. Пульсация в висках стихала. Внутренний змей свернулся глубже, не спокойно, нет, но терпеливо. Он тоже ждал завтрашнего дня.

Завтра драконы увидят белую лилию.

А потом, когда будет поздно, поймут, что вдохнули яд.

Глава 4

Элирис

Следующий день пролетел как скоростной флай над горным хребтом: слишком быстро, слишком шумно и с таким количеством резких поворотов, что к вечеру хотелось спросить у собственного тела, почему оно до сих пор не подало официальный протест.

Утро началось с сообщений братьев.

Это было ожидаемо.

Арвейс прислал краткое:

«Отчёт».

Одно слово.

Без приветствия.

Без уточнений.

Без лишних эмоций.

Именно поэтому я почувствовала через связь целый клубок того, что он не написал: как ты спала, ела ли, кто подходил, почему не ответила ночью, какие маршруты, где охрана, почему Айсар уже успел сделать что-то незаконное, если он рядом с тобой, и почему я до сих пор не получил список существ, смотревших на тебя слишком долго.

Риэлан прислал:

«Если твой сетевой безумец уже взломал Академию, напомни ему не оставлять следов в форме змейки. Это мило,

но юридически раздражает».

Дайрен написал:

«Мелкая, я видел запись прибытия. Кто был тот золотохвостый, который пытался смотреть на тебя как на пирожное? Мне не понравился его хвост. И лицо. И вообще он дышал слишком близко».

Я долго смотрела на три сообщения, сидя за завтраком в центральном помещении виллы.

Потом ответила всем сразу:

«Я жива. Ела. Спала. Никого не укусила. Айсар официально ничего не взломал. Неофициально не спрашивайте. Золотохвостый — академический координатор, и если кто-то из вас попытается прислать ему предупреждение, я расскажу маме про тренировочный дрон».

Ответ от Дайрена пришёл первым.

«Это был не я».

Риэлан:

«Снова признание».

Арвейс:

«Ты уходишь от отчёта».

Я улыбнулась в чашку с травяным настоем.

Сайвен, сидевший напротив и наблюдавший за моим завтраком так, будто это было важнейшее политическое событие века, прищурился.

— Если вы улыбаетесь переписке с братьями, значит, сейчас начнёте нервничать меньше или больше?

— Зависит от того, пришлют ли они убийц.

Вэлса подняла взгляд от планшета.

— Убийц они не пришлют.

— Радует.

— Они пришлют охрану, которая будет утверждать, что просто приехала на экскурсию.

Айсар, не отрываясь от собственного голографического окна, сказал:

— Я бы на их месте прислал экскурсию из двадцати пяти тяжёлых специалистов с туристическими брошюрами.

— Не подсказывай.

— Поздно. Думаю, они уже сами додумались.

Дальше день пошёл обычным академически-дипломатическим безумием.

Расписание уточнялось трижды. Вилла получила ещё восемь протокольных приветствий, четыре набора подарков, два приглашения на закрытые разговоры и один слишком вежливый запрос от репортёрской группы, которая хотела «короткий комментарий её высочества о чувствах после первого выхода».

Вэлса ответила так, что комментарий им больше не хотелось.

К полудню Айсар сообщил, что внешние камеры Академии стали необычайно заинтересованы в нашей вилле.

— Они ничего не видят, — сказал он с довольством существа, которое уже совершило доброе дело и теперь ждёт

похвалы. — Но очень стараются.

— Кто? — спросила Вэлса.

— Репортёрские дроны, два академических технических канала и один не очень аккуратный раэдарский запрос из общего сетевого слоя.

Воздух стал холоднее.

— Вайргарды? — спросила я.

Айсар покачал головой.

— Пока не подтверждаю. Слишком грубо для Севариона, слишком скучно для Аристана, слишком не кулаком в дверь для Рагвейна. Возможно, кто-то из младших наблюдателей Кхар'Раэна решил посмотреть, как живёт хрупкая принцесса.

Сайвен сухо произнёс:

— Надеюсь, теперь он смотрит на чёрный экран и переживает личностный рост.

— Почти. Я оставил ему окно с видом на академический фонтан.

— Зачем?

— Фонтаны успокаивают.

— Ты слишком добр к нарушителям.

Айсар улыбнулся.

— Нет, фонтан повторяет один и тот же цикл. Через десять минут это начинает раздражать.

Я закрыла глаза.

— Напомните мне никогда не становиться твоим врагом.

— Моя принцесса, вы мой смысл жизни. Враги — это просто существа, которым не повезло оказаться в списке дел.

Вэлса подняла бровь.

— Список дел Айсара должен быть запрещён в трёх системах.

— Он и так неофициальный.

Сайвен тихо сказал:

— От этого хуже.

Чем ближе становился вечер, тем сильнее вилла наполнялась предбанкетным воздухом: ткани, нагретые отпаривателями, полировочные составы для украшений, лёгкие ароматы, которыми Вэлса проверяла мой будущий шлейф, терпкая горечь медицинского стабилизатора, который Сайвен всё-таки заставил меня выпить, и тревога делегации, аккуратно спрятанная под парадным достоинством.

Пора было собираться.

Вэлса пришла за мной ровно за два часа до выхода.

— Моя принцесса, если начнём сейчас, успеем без спешки.

— А если начнём через десять минут?

— Успеем с моим раздражением.

— Страшная угроза.

— Я старалась сделать её понятной.

Я поднялась из кресла, отложила планшет с окончательной версией речи и пошла за ней в гардеробную.

Наряд уже ждал.

Чёрный.

Глубокий.

Торжественный.

Парадный саархатский наряд был разложен на широком столе слоями, и каждый слой пах дорогой тканью, холодным металлом вышивки и родовой властью. Чёрный для императорской крови Са'Рет никогда не был просто цветом. В нём было слишком много смысла: тень Змеиного Трона, глубина старой крови, ночная сторона власти, где решения принимаются без свидетелей.

Серебристая вышивка шла по краям рукавов, вороту и длинному верхнему слою — тонкая, почти живая. Белые и фиолетовые акценты вспыхивали при движении, как свет на чешуе. На спине, не слишком крупно, но достаточно заметно для знающих, был вышит герб Императорского клана: змей, кусающий свой хвост, и лилия в центре.

Знак вечности.

Знак власти.

Знак того, что красота и яд в Са'Рет давно научились жить в одном цветке.

— Ты решила, что сегодня мне нужно выглядеть как официальный повод для тревоги? — спросила я.

Вэлса провела ладонью над тканью, проверяя слой за слоем.

— Сегодня вы должны выглядеть так, чтобы каждый понял: вчера прибыла легенда, а сегодня перед ними кровь, за-

кон и угроза, обёрнутые в воспитание.

— Звучит уютно.

— Уют будет завтра на завтраке, если Сайвен позволит вам третью сладкую пластинку.

— Он не позволит.

— Значит, уют придётся добывать незаконно.

— Айсар поможет.

— Айсар уже подготовил маршруты к кухонному блоку, но я вам этого не говорила.

Я рассмеялась, и часть напряжения ушла из плеч.

Вэлса помогла мне надеть нижний слой, затем второй, затем верхний. Ткань скользила по коже мягко, прохладно, почти ласково. Высокий пояс лёг на талию и застегнулся скрытым замком. В нём были тонкие защитные вставки — не слишком тяжёлые, но достаточные, чтобы Сайвен перестал смотреть так, будто собирается лично обмотать меня бронёй поверх парадного наряда.

— Дышите, — сказала Вэлса.

— Я дышу.

— Не как существо, которое собирается выйти на приём. Как существо, которое собирается войти в клетку и сделать вид, что принесло с собой цветы.

Я посмотрела на неё через зеркало.

— Очень образно.

— Я провела двадцать лет рядом с вами. Научилась.

Она начала заниматься волосами.

Полностью собирать их я не хотела. Слишком строго. Слишком закрыто. Мне нужен был образ, где власть не убивает мягкость. Где длинные белые волосы с фиолетовыми прядями остаются видимыми, почти манящими, но верхняя часть собрана регалиями принцессы.

Вэлса работала быстро и точно.

Она подняла часть прядей, закрепила их старшей большой шпилькой в виде лилии. Чёрный драгоценный материал с серебряными прожилками казался живым, будто в тёмном камне текли тонкие линии лунного света. В центре лилии горел яркий пурпурный камень.

Кольцо на большой палец легло следом.

Змей, кусающий свой хвост, выполненный из того же чёрного материала, с серебряными прожилками и маленькими пурпурными камнями вместо глаз. Оно было тяжёлым. Ощутимым. Идеально.

— Не слишком явно? — спросила я.

— Для кого?

— Для раэдаров.

Вэлса встретила мой взгляд в зеркале.

— Они должны увидеть, что вы не простая девочка, а принцесса Императорского клана. Если их это испугает — прекрасно. Если заинтересует — ещё лучше. Если они решат, что это вызов…

— То они умеют читать.

— Именно.

В причёску она вплела яркую фиолетовую ленту. Лента струилась по длине волос почти до поясницы, а на концах звенели маленькие серебряные колокольчики.

Не громко.

Нежно.

Каждый поворот головы — тонкий серебристый звук.

— Колокольчики? — спросила я.

— Да.

— Я буду звучать как красивая ловушка.

— В этом и смысл.

Я провела пальцами по одному из колокольчиков.

Звук был мягким, почти невинным.

Прекрасно.

Пусть слышат, когда я поворачиваю голову.

Пусть ждут этого звука.

Пусть он закрепится в памяти.

Макияж Вэлса сделала нежным. Никакой тяжёлой тени, никакой чрезмерной драмы. Лишь тонкое серебристое сияние по векам, мягкий фиолетовый оттенок у внешнего края глаз и едва заметный блеск на губах. Глаза сегодня были больше ярко-синие, чем фиолетовые. Почти спокойные. Почти чистые.

Если не смотреть слишком долго.

Синие глаза нравились публике больше.

Они верили синеве.

Фиолетовый вызывал осторожность.

Сегодня мне нужно было и то и другое.

Когда Вэлса закончила, я долго смотрела на отражение.

В зеркале стояла принцесса Са'Рет.

Красивая.

Нежная.

Торжественная.

Хрупкая, если не знать, как устроен пояс, сколько функций скрыто в регалиях и что кольцо на большом пальце может за секунду стать проводником тьмы.

Я улыбнулась отражению.

Оно улыбнулось в ответ почти мягко.

Почти невинно.

Отличная ложь.

— Ну? — спросила Вэлса.

— Если я сама захочу на себе жениться, это будет считаться политическим осложнением?

— Сайвен назовёт это симптомом.

— Айсар?

— Айсар предложит провести церемонию через закрытую сеть Академии.

— А ты?

— Я подберу формулировки, чтобы ни одна система не смогла официально возразить.

Я повернулась и обняла её.

Вэлса замерла всего на миг, потом осторожно обняла в ответ. От неё пахло сиренью, ядом и сдержанным волнением.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что рядом.

Она не ответила сразу.

Потом тихо сказала:

— Всегда, моя принцесса.

Вся делегация ждала в центральном помещении виллы.

И на этот раз даже Айсар молчал первые несколько секунд после моего появления.

Это было почти тревожно.

Сайвен посмотрел на меня как врач, потом как саарх, потом как существо, которому очень не хотелось признавать, что внешний вид получился безупречным.

— Пояс не слишком давит? — спросил он наконец.

— Вот это был твой первый вопрос?

— Да.

— Никаких комплиментов?

— Давит?

— Нет.

— Выглядите приемлемо.

Айсар прижал ладонь к груди.

— Приемлемо? Сайвен, иногда мне кажется, что в тебе умерли не только поэзия, но и несколько базовых социальных функций.

— Они умерли от общения с тобой.

— Я вдохновляю.

— На изоляцию.

Вэлса поправила край моего рукава.

— Он хотел сказать, что вы выглядите великолепно.

Сайвен сухо произнёс:

— Если великолепие не приведёт к перегрузке, я соглашусь после приёма.

— Как щедро.

Делегация была в парадных саархатских нарядах.

Чёрные, тёмно-синие, глубокие фиолетовые, серебряные и белые акценты. Профессора выглядели торжественно и собранно, дипломаты — красиво и опасно, охрана — так, будто широкие рукава скрывают не только руки, но и несколько способов закончить чужую карьеру быстрее, чем начнётся дипломатический скандал.

Мы вышли из виллы в сопровождении охраны и направились к банкетному залу Академии.

Вечерний дипломатический сектор сиял.

Дорожки были подсвечены мягкими линиями, воздух стал прохладнее, сады пахли влажной зеленью, белыми цветами, камнем и озоном защитных полей. По соседним террасам двигались другие делегации, группы преподавателей, координаторы, охрана. Слишком много взглядов провожало нас.

Звук моих колокольчиков оказался тише общего шума.

И всё равно я чувствовала, как его слышат.

Маленький серебряный след.

Шаг.

Шорох ткани.

Звон.

Пауза чужого внимания.

Снова шаг.

Банкетный зал Академии располагался в центральном дипломатическом корпусе. Высокие двери были открыты, у входа стояли представители протокола. Внутри сияло небо — не настоящее, а голографический купол, где медленно двигались созвездия трёх систем. Под ними располагались зоны для делегаций, длинные столы с лёгкими напитками, открытая центральная площадка и возвышение для выступлений.

Мы прибыли вторыми.

Первыми были Аэл'Тар.

Я почувствовала их раньше, чем увидела: тёплая хищная энергетика, движение хвостов, живой интерес, музыка голосов, слишком много эмоций для саархского зала, но именно поэтому пространство сразу казалось менее холодным.

Ректор подошёл к нам почти сразу.

Сегодня он был в парадном академическом наряде: глубокий синий с серебром, знак Академии на груди, хвост аккуратно выведен через разрез плаща, уши направлены вперёд. Рядом с ним шли оба заместителя, но немного позади, давая ему право первого приветствия.

— Ваше высочество, — сказал он, поклонившись. — Рад

видеть вас на официальном открытии. Надеюсь, вилла оказалась достаточно удобной?

— Ректор, — я ответила мягким поклоном. — Вилла великолепна. Просторная, красивая, продуманная. Моя команда уже почти перестала спорить с её системами.

Айсар за спиной сделал вид, что кашляет.

Ректор сдержал улыбку.

— «Почти» звучит многообещающе.

— Академия любит развитие, не так ли?

— В разумных пределах.

— Тогда мы постараемся не выходить за пределы слишком заметно.

Заместитель-саарх Саэ'Лор едва заметно прикрыл глаза, будто уже молился всем древним протоколам. Раэдарский заместитель Ардэн посмотрел на Айсара так, словно подозревал в нём источник будущих проблем.

Умный дракон.

Ректор хотел что-то добавить, но к нам уже подходила делегация Аэл'Тар.

Во главе была девушка.

Я ожидала увидеть кого-то старше. Может быть, опытного дипломата, учёного или военного координатора. Но первой шла молодая эларийка новой крови примерно моего возраста.

И зал словно стал ярче на пару тонов.

Длинные светло-русые волосы мягко ложились на плечи,

золотисто-русые уши были направлены вперёд с таким живым любопытством, что я едва не улыбнулась раньше положенного. Хвост с гладкой шерстью и пушистой кисточкой двигался медленно, но слишком выразительно для полной сдержанности. Глаза — карие, тёплые, живые, с золотистыми искрами, будто в них всё время прятался смех.

Красивая.

Яркая.

Живая.

И пахла она так, что мой внутренний змей неожиданно поднял голову.

Не как на угрозу.

Не как на чужую самку.

Не как на возможного союзника.

Как на что-то близкое.

Очень странно близкое.

Запах Сиары Вейларис был тёплым: зелёные листья, земля после дождя, солнечная кожа, честное любопытство, азарт и тонкая нота острого ума, от которой хотелось улыбнуться. Но под этим мой змей уловил другое. Не родную кровь, нет.

И всё же — близко.

Как будто рядом стоит не чужая представительница Аэл'Тар, а существо, которое однажды может войти в семейный круг настолько естественно, что внутренний змей заранее решил не шипеть.

Мысль о братьях вспыхнула слишком резко.

Невовремя.

Почти невозможно.

Я отложила её в ту часть сознания, где уже лежали самые опасные догадки.

Не сейчас.

Сиара остановилась передо мной и поклонилась по элларийскому протоколу — уважительно, но без саархской глубины, с живостью, которую не смогли скрыть даже официальные обстоятельства.

— Ваше высочество, Сиара Вейларис, глава образовательной делегации Аэл'Тар. Для меня честь наконец познакомиться с вами лично.

Наконец.

Интересное слово.

Я ответила поклоном.

— Элирис Саэ'Вар. Взаимно. Я слышала о стае Вейларис и вашей работе с межсистемными договорами.

Сиара улыбнулась шире.

— Надеюсь, только хорошее.

— Дипломатически хорошее или честно хорошее?

Её уши дёрнулись.

Хвост чуть качнулся.

— О, а можно оба варианта?

— Дипломатически — стая Вейларис отличается высокой точностью формулировок и надёжностью в сопровождении

союзных процессов. Честно — ваши документы иногда читаются интереснее придворных романов.

Сиара на миг замерла.

Потом рассмеялась.

Не громко.

Но искренне.

— Теперь я точно понимаю, почему о вас столько говорили.

— Надеюсь, не только из-за моей любви к документам.

— Документы — недооценённый способ соблазнения политически уставших существ.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Думаю, мы подружимся.

— Быстро, — сказала Сиара.

— Опасно быстро.

— Лучший вид дружбы.

Ректор рядом выглядел так, будто наблюдает рождение дипломатического союза, который не был прописан ни в одном предварительном протоколе.

Вэлса за моей спиной молчала.

Но я знала её достаточно хорошо, чтобы почувствовать: она уже оценивает Сиару не только как главу делегации, но и как возможный фактор семейной катастрофы.

Сайвен, без сомнения, тоже что-то заметил.

Айсар — тем более.

Проклятые гении.

Сиара чуть наклонилась ближе, понижая голос:

— Ваш наряд великолепен. И колокольчики. Это оружие или только угроза?

Я невинно моргнула.

— Саархатские украшения редко бывают «только».

Её хвост дёрнулся от восторга.

— Прекрасно. Мне срочно нужен курс по вашему этикету до того, как я случайно восхищусь смертельной частью наряда вслух.

— Завтра первая лекция как раз об этом.

— Тогда я буду в первом ряду.

— Чтобы учиться?

— И чтобы вовремя понять, когда кто-то пытается меня красиво убить.

— Практичная цель.

— Я юрист. Мы романтики только после проверки сносок.

Я рассмеялась.

И в этот миг зал изменился.

Не резко.

Но всё живое в нём будто на мгновение подтянулось, насторожилось, повернулось к входу.

Объявляющий голос Академии разошёлся под голографическим куполом:

— Делегация системы Кхар'Раэн. Главы делегации — наследники правящего гнезда Вайргард: Аристан Вайргард, Севарион Вайргард, Рагвейн Вайргард.

Кровь в моём теле стала холодной.

Глава 5

Элирис

Кровь в моём теле стала холодной.

Нет.

Сначала — горячей.

Такой горячей, что тьма дрогнула под кожей, а внутренний змей поднялся мгновенно, распахнув пасть в беззвучном шипении.

Ненависть вспыхнула не мыслью.

Телом.

Горло сжалось. Пальцы под длинным рукавом едва не согнулись в бросок. Я почувствовала фантом ошейника на шее, вкус крови, чёрный пол, мамин шёпот, мёртвую пустоту в месте связи с Арвейсом.

Убить.

Сейчас.

Здесь.

Тьмой через горло.

Ядом в кровь.

Шпилькой под подбородок.

Теневой петлёй вокруг сердца.

Один вдох — и хотя бы один из них перестанет улыбаться.

Сиара рядом отшатнулась.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы я поняла: моя ненависть вышла наружу.

Резко.

Холодно.

Ядовито.

Она повернулась ко мне, уши прижались, хвост застыл.

— Элирис? — тихо спросила она. — С тобой всё в порядке?

С тобой.

Уже не «ваше высочество».

Даже в этом хаосе я это заметила.

Я повернула к ней голову.

Улыбнулась.

Мягко.

Почти спокойно.

— Всё отлично.

Сиара не поверила.

Умная.

Но не стала спрашивать.

Ещё умнее.

Я заставила себя посмотреть на вход.

Раэдары входили не как гости.

Как сила, которой позволили временно находиться на чужой территории.

Впереди шёл Аристан.

Высокий, тёмно-серебряный, красивый холодной властью

существа, привыкшего, что зал подстраивается под его шаг. Волосы тёмно-платиновые, почти графитовые, глаза янтарно-медные, движения спокойные, выверенные. Он не торопился. Ему не нужно было. Тот, кто уверен, что пространство всё равно станет его, редко спешит.

Справа от него — Севарион.

Тёмно-каштановые волосы с золотым отливом, зелёно-золотые глаза, мягкая улыбка, опасная не меньше клинка. Он смотрел на зал так, будто уже нашёл в нём десяток существ, которым можно сказать именно те слова, что они хотят услышать.

Слева — Рагвейн.

Чёрные волосы с тёмно-красным блеском, винные глаза с золотым кольцом, тяжёлая хищная пластика. Он не улыбался. Он оценивал. Плечи, горло, расстояния, охрану, женщин, угрозы, добычу.

Монстры.

Они приблизились после короткого обмена приветствиями с ректором. Конечно, к нам. Севарион уже писал. Первый шаг был сделан. Теперь они пришли проверить, насколько близко можно подойти к легенде.

Сиара осталась рядом.

Я была ей благодарна.

Не показала.

Но была.

Аристан первым склонил голову.

— Ваше высочество, принцесса Элирис Саэ'Вар. Позвольте выразить уважение от лица делегации Кхар'Раэна. Ваше появление вчера стало самым обсуждаемым событием Академии.

Его голос.

Бездна.

Тот же.

Глубокий, спокойный, обволакивающий властью.

Мой внутренний змей хотел разорвать ему горло.

Я улыбнулась.

— Лорд Аристан. Надеюсь, обсуждение было полезным для академической активности.

Севарион мягко рассмеялся.

— Если судить по количеству запросов на ваши лекции, бесспорно. Хотя, должен признать, некоторые из нас надеялись познакомиться с вами до того, как придётся бороться за место в зале.

Я повернула к нему взгляд.

— Лорд Севарион. Ваше письмо было очень… внимательным.

Он чуть склонил голову.

— Рад, если оно не показалось чрезмерно смелым.

— Смелость редко проблема. Вопрос в том, насколько хорошо она воспитана.

В его глазах вспыхнул интерес.

Хорошо.

Рагвейн сделал шаг чуть ближе.

Слишком близко для первого разговора.

— А вы говорите о воспитании так, будто готовы проверять его лично.

Я посмотрела на него снизу вверх.

Он был огромен.

Они все были огромны.

В прошлой жизни это однажды казалось мне защитой.

Теперь — просто удобной площадью поражения.

— Лорд Рагвейн, я саархатка. У нас невоспитанность редко остаётся без последствий.

Его губы дрогнули.

Не улыбка.

Скорее голод.

— Опасное предупреждение.

— Вежливое, — поправила я.

Севарион посмотрел на мою руку.

На кольцо-змея.

— Символ вашего клана великолепен. Позволите?

Он протянул руку, явно собираясь коснуться моей кисти.

Вэлса рядом напряглась почти незаметно.

Сиара перестала дышать ровно.

Я отвела руку на полпальца раньше, чем его пальцы приблизились достаточно.

Мягко.

Элегантно.

Так, будто просто поправила рукав.

Колокольчики в волосах звякнули.

— Простите, лорд Севарион. Прикосновение к регалиям принцессы Императорского клана без разрешения в Са'Рет считается нарушением этикета.

Пауза.

Короткая.

Слишком вкусная.

Севарион убрал руку, улыбаясь так, будто его не остановили, а пригласили продолжить позже.

— Благодарю за урок. Ваши лекции действительно будут необходимы.

— Рада быть полезной.

Аристан смотрел внимательнее.

Он видел игру.

Не всю.

Но достаточно, чтобы заинтересоваться глубже.

— В Са'Рет много запретов на прикосновения?

— Не запретов. Смыслов.

— В Кхар'Раэне прикосновение часто говорит прямее слов.

— Тогда Кхар'Раэну особенно пригодится наш этикет. У нас слова иногда спасают от потери пальцев.

Сиара тихо вдохнула рядом, явно сдерживая смех.

Рагвейн посмотрел на неё впервые с настоящим вниманием.

— А представительница Аэл'Тар тоже придерживается саархских ограничений?

Сиара улыбнулась.

О, эта улыбка.

Свежая, яркая, почти невинная.

— Я придерживаюсь принципа: если женщина отводит руку, разумный собеседник не проверяет, как быстро она может сделать это с его горлом.

Я чуть не полюбила её окончательно прямо в этот момент.

Внутренний змей довольно обвился глубже.

Да.

Не чужая.

Определённо не чужая.

Севарион рассмеялся мягко.

— Академия обещает быть интереснее, чем ожидалось.

— Она для этого и создавалась, — сказала я.

Аристан перевёл взгляд с Сиары на меня.

— Надеюсь, мы ещё сможем поговорить в менее официальной обстановке.

— Академический обмен предоставляет множество возможностей для разговоров, лорд Аристан.

— И для знакомства?

— Если знакомство выдержит вопросы.

— Раэдары не боятся вопросов.

Я улыбнулась.

— Тогда у нас будет приятный обмен.

Они задержались ещё на несколько фраз.

О погоде на планете-Академии.

О красоте банкетного зала.

О завтрашних лекциях.

О том, что Кхар'Раэн с интересом ждёт моего рассказа о Са'Рет.

Каждое слово было шагом.

Каждая улыбка — проверкой.

Они пытались найти границу, где можно коснуться, надавить, вызвать смущение, заставить меня отреагировать. Я позволяла им видеть ровно столько, сколько хотела: мягкость, воспитание, ум, скрытую насмешку, недоступность и маленькие трещины любопытства, которых на самом деле не было.

Пусть думают, что они меня заинтересовали.

Пусть хотят сильнее.

Пусть тянутся.

Пусть сами наклоняются над ядом.

Когда они наконец отошли, я проводила их взглядом и позволила губам на миг презрительно скривиться.

Совсем немного.

Достаточно, чтобы заметила только Сиара.

Она смотрела на меня с таким выражением, будто только что увидела редкий юридический документ, который одновременно красив, опасен и способен уничтожить родовую линию.

— Это было великолепно, — сказала она тихо.

Я повернулась к ней.

— Что именно?

— Всё. Как ты улыбалась. Как не дала ему коснуться руки. Как заставила их считать, что каждый следующий шаг будет их собственным решением. Как сказала про потерю пальцев так, будто предлагаешь чай.

— Чай безопаснее.

— Не уверена, если его подаёшь ты.

Я рассмеялась.

— Сиара, я начинаю думать, что мы действительно быстро подружимся.

— Я уже почти уверена.

— Тогда давай без титулов, когда рядом нет тех, кому нужно напоминать о протоколе.

Её уши поднялись так резко, что это было почти неприлично мило.

— Правда?

— Если ты не против.

— Сиара. Или Сиа, если мы уже достаточно опасно сближаемся.

— Элирис. Для близких — Эли, но…

Я осеклась.

Имя кольнуло.

Эли.

Так меня называли те, кто любил.

И те, кто в прошлой жизни использовал моё доверие.

Сиара заметила.

Не спросила.

— Элирис, — сказала она мягко. — Пока.

Вот умница.

— Сиара, — ответила я. — Пока.

Серебряный сигнал Академии разошёлся по залу, приглашая гостей к центральной площадке.

Официальное открытие начиналось.

Ректор поднялся на сцену первым.

Его речь была красивой, живой, точной и дипломатичной. Он говорил о знаниях как о способе снизить страх, о нейтральной территории как о редком достижении трёх систем, о том, что Академия создана не для стирания различий, а для того, чтобы различия перестали быть поводом для будущих войн. Упомянул вклад Са'Рет и Аэл'Тар, работу Мириэль и Ариэль, осторожно отметил готовность Кхар'Раэна к участию в новом этапе обмена.

Хорошая речь.

Выверенная.

Без лишнего огня.

Ректор был умён.

Он понимал, что сегодня огня и так достаточно.

После него на сцену вышла Сиара.

И зал изменился.

Аэл'Тар слушал её с тёплой гордостью. Эларийские уши

повернулись к сцене, хвосты замерли, внимание стало почти осязаемым. Она не выглядела тяжёлой политической фигурой старого образца. В ней было слишком много жизни. Именно поэтому речь зазвучала не как заученный протокол, а как приглашение.

— Аэл'Тар приветствует Са'Рет и Кхар'Раэн в стенах Межсистемной академии, — сказала она. — Для нашей системы этот зал не просто место официального открытия. Это доказательство того, что союзы могут быть не временными сделками, а живой силой, меняющей будущее.

Она говорила о великом союзе Аэл'Тар и Са'Рет — вечном, надёжном, прошедшем через реформы, взаимное доверие, совместные проекты, образовательные программы, медицинское сотрудничество, торговые соглашения и новые поколения, выросшие уже не в страхе перед чужим, а в интересе к нему.

Я слушала и чувствовала, как внутренний змей успокаивается.

Не полностью.

Но рядом с голосом Сиары тревога становилась менее острой.

— Теперь, — продолжила она, — перед нами стоит более сложная задача. Принять в пространство обмена Кхар'Раэн. Систему с иной историей, иной культурой, иной природой силы. Мы не закрываем глаза на различия. Мы не делаем вид, что понимание приходит сразу. Но великие союзы не

строятся на удобстве. Они строятся на готовности говорить честно, слушать внимательно и признавать: будущее сильнее, когда сильные системы не только смотрят друг на друга через границы, но и учатся стоять рядом.

Красивая речь.

Сильная.

Следующим на сцену вышел Аристан.

Зал стал тяжелее.

Раэдар не спешил. Он двигался с той самой спокойной уверенностью, от которой когда-то у меня дрожало сердце, а теперь хотелось проверить, насколько быстро серебряная шпилька войдёт под рёбра.

Он говорил красиво.

Очень.

О древности Кхар'Раэна.

О драконах, которые веками защищали своё небо.

О крови, силе, гордости, дисциплине и праве расы выживать, не склоняясь перед чужими ожиданиями. Он упомянул Академию как интересный эксперимент. Поблагодарил Са'Рет и Аэл'Тар за приглашение к обмену. Сказал, что раэдары ценят знания, если знания служат силе, а не подменяют её.

А потом добавил:

— Кхар'Раэн с уважением относится к системам, сумевшим сохранить себя в эпоху перемен. Мы пришли не учиться слабости и не украшать чужую мечту о равенстве краси-

вым согласием. Драконы веками выживали потому, что знали простую истину: небо принадлежит тем, кто способен его удержать. Сильные ведут. Слабые следуют. Это не жестокость, а порядок, благодаря которому кровь не вырождается, гнёзда не падают, а враги не диктуют будущее победителям. Возможно, Академия покажет, может ли древний порядок принять новые формы, не утратив силы.

Вот он.

Первый намёк.

Слабые должны подчиняться сильным.

Не так грубо, чтобы сорвать протокол.

Не так прямо, чтобы ректор мог вмешаться.

Но достаточно ясно, чтобы каждая система услышала.

Раэдарский сектор встретил речь одобрением.

Аэл'Тар — настороженной тишиной.

Са'Рет — холодным спокойствием.

Мой внутренний змей лениво показал клыки.

Хорошо.

Очень хорошо.

Когда Аристан спустился со сцены, его взгляд на мгновение нашёл меня.

Я улыбнулась.

Мягко.

Почти восхищённо.

Он задержал взгляд на долю вдоха дольше.

Попался.

Теперь моя очередь.

Меня объявили последней.

— От системы Са'Рет выступает её высочество принцесса Элирис Саэ'Вар.

Зал снова зашумел, но быстро стих.

Я поднялась на сцену.

Шаг.

Звон колокольчиков.

Шорох чёрной ткани.

Серебристая вышивка поймала свет, и на миг герб Императорского клана на спине вспыхнул, как знак, который не нуждается в представлении.

Я встала в центре.

Посмотрела на зал.

И улыбнулась.

— Ректор, представители Академии, делегации Аэл'Тар и Кхар'Раэн, гости трёх систем, — начала я. — Для меня большая честь стоять сегодня здесь от имени Са'Рет. Признаюсь, ещё вчера я подозревала, что самым трудным испытанием обмена станет первый официальный выход после многих лет слухов. Сегодня, послушав предыдущие речи, понимаю: нет, самым трудным будет сделать вид, что мы все пришли только учиться и никто заранее не подготовил по три варианта политических выводов.

По залу прошёл лёгкий смех.

Даже ректор улыбнулся.

Хорошо.

Начать с дыхания.

Потом — яд.

— Межсистемная академия была создана как место, где различия не прячут под красивыми словами, а изучают достаточно внимательно, чтобы перестать бояться собственной тени. Са'Рет хорошо понимает ценность такого места. Наша система древняя, гордая, сложная и, как иногда говорят слишком смелые дипломаты, не самая простая для дружеского знакомства.

Саархи в зале чуть оживились.

— Мы не обижаемся. Чаще всего это правда.

Смех стал громче.

Я позволила себе улыбнуться шире.

— Но именно поэтому союз Са'Рет и Аэл'Тар стал одним из важнейших событий нашей современной истории. Этот союз не был простым. Великие союзы вообще редко бывают удобными. Они требуют не только договоров, но и смелости менять то, что веками казалось нерушимым. Са'Рет и Аэл'Тар нашли друг в друге не отражение, а вызов. И приняли его.

Я посмотрела в сторону Аэл'Тар.

— Благодаря этому вызову появились реформы, новые образовательные программы, совместные исследования, новые возможности для женщин, новые формы защиты семьи и права выбора. Мы научились не просто обмениваться ре-

сурсами. Мы научились слышать, когда другой говорит: «Ваша традиция стала клеткой», — и не убивать за это посланника сразу.

На этот раз смеялись уже смелее.

Даже часть саархов.

Ректор опустил взгляд, скрывая улыбку.

— Хотя, признаю, иногда очень хотелось.

Сиара прикрыла рот ладонью.

Я продолжила:

— Сегодня Са'Рет готов говорить о новых союзах. Готов делиться опытом. Готов слушать. Готов учиться. Готов спорить. Последнее, как мне кажется, будет особенно востребовано.

Мой взгляд скользнул к сектору Кхар'Раэна.

— Мы уважаем силу. Са'Рет — система, построенная на силе крови, власти, традиции и ответственности. Аэл'Тар — система, где сила стаи стала основой защиты и будущего. Поэтому, когда Кхар'Раэн говорит о силе, мы понимаем этот язык. Возможно, лучше, чем некоторым хотелось бы.

Тишина стала плотнее.

Я говорила всё так же мягко.

Живо.

Почти доброжелательно.

— Но у каждой сильной системы есть выбор. Сила может строить. Может защищать. Может менять законы так, чтобы будущее стало больше прошлого. А может убедить себя, что

если кто-то слабее, его нужно подчинить. Вот только история многих систем показывает: те, кто слишком долго путает подчинение с порядком, однажды удивляются, почему их порядок горит.

Раэдарский сектор замер.

Аэл'Тар слушал с растущим напряжением.

Са'Рет — с тихой гордостью, запах которой поднялся за моей спиной даже через расстояние.

Я сделала паузу.

— Са'Рет не ищет войны. Аэл'Тар не ищет войны. Но если кто-то решит, что наш союз — это слабость, удобная для проверки, ему придётся столкнуться не с одной системой, а с двумя, которые уже доказали: мы умеем защищать своё. И отвечать так, что даже очень сильному дракону может оказаться тесно в собственном небе.

Вот теперь тишина стала острой.

Я позволила ей продержаться ровно столько, чтобы слова успели лечь в зал.

Потом улыбнулась.

— Надеюсь, проверять это на практике не потребуется. Академия всё-таки создавалась для обмена знаниями, а не для проверки предельной прочности дипломатических куполов.

Смех вернулся.

Нервный.

Живой.

Спасительный.

Я повернулась чуть в сторону центрального сектора.

— Я не могу говорить о Са'Рет и Аэл'Тар, не говоря о женщинах, которые сделали этот союз возможным. Мириэль Валенс и Ариэль Саэ'Вар доказали то, что многие древние системы понимают слишком поздно: сильная женщина не разрушает порядок только потому, что перестала стоять в отведённом углу. Иногда именно она показывает, что порядок давно гниёт под золотой краской.

Сиара смотрела на меня сияющими глазами.

Мириэль, если увидит запись, наверняка скажет, что я слишком мягко.

Мама, скорее всего, сначала спросит, ела ли я перед выступлением.

Потом улыбнётся.

— Аэл'Тар изменился, когда услышал своих женщин. Са'Рет изменился, когда женщина, пришедшая из другой системы, отказалась быть украшением чужого дворца и стала его будущим. Иногда сильной системе нужна не новая война, не новый трон и не новый страх. Иногда ей нужна сильная женщина, достаточно упрямая, чтобы сказать: «Вы можете быть лучше». И достаточно опасная, чтобы её услышали.

Я снова посмотрела на Кхар'Раэн.

Не только на Вайргардов.

На весь сектор.

— Возможно, однажды каждая сильная система сталки-

вается с таким голосом.

Пауза.

Короткая.

Смертельно вежливая.

— Са'Рет приветствует обмен знаниями. Мы готовы говорить о нашей культуре, нашей истории, наших ошибках и наших победах. Мы готовы слушать о чужой силе. И, если потребуется, напомнить, что уважение — это не поклон слабого перед сильным, а выбор сильного не превращать будущее в поле боя.

Я склонила голову.

— Пусть эти три месяца станут началом знания. А знание, как известно, иногда опаснее оружия. Особенно если попадает в правильные руки.

Я закончила.

Мгновение зал молчал.

Потом аплодисменты поднялись волной.

Сначала Аэл'Тар.

Потом Са'Рет.

Потом часть Академии.

Раэдары аплодировали позже, медленнее, но тоже. Потому что не аплодировать после такой речи означало признать, что удар попал слишком точно.

Я спустилась со сцены под шум, свет, запахи восторга, тревоги, восхищения и ярости.

Прекрасная смесь.

Вайргарды смотрели.

Все трое.

Аристан — холодно и внимательно.

Севарион — с мягкой улыбкой, в которой стало больше настоящего интереса.

Рагвейн — так, будто впервые решил, что маленькая белая лилия может порезать пальцы.

Хорошо.

Смотрите.

Запоминайте.

Хотите.

Подходите ближе.

Когда я вернулась к Сиаре, она смотрела на меня с таким восторгом, что её хвост честно выдал всё раньше слов.

— Элирис, — сказала она тихо. — Это было…

— Дипломатично? — подсказала я.

— Я бы сказала «великолепно ядовито», но боюсь, это не внесут в официальный протокол.

— Мы можем попросить.

— Я юрист. Я могу сформулировать.

Я улыбнулась.

— Завтра перед лекциями позавтракаем вместе?

Её уши поднялись.

— Правда?

— Мне кажется, после сегодняшнего нам стоит познакомиться ближе. И, возможно, обсудить, какие фразы из моей

речи вызовут больше всего дипломатических писем к утру.

— Я приду с блокнотом.

— А я со сладким, если Сайвен не конфискует.

— Тогда я принесу своё.

Внутренний змей довольно свернулся.

Умница.

Определённо не чужая.

Приём продолжался, но я больше не собиралась позволять никому подходить.

Не сегодня.

Достаточно.

Я сделала то, ради чего пришла. Показала себя. Зацепила Вайргардов. Нашла Сиару. Намекнула Кхар'Раэну, что Са'Рет не будет мягкой добычей. И не упала.

Почти победа.

Вэлса появилась рядом без звука.

— Уходим?

— Да.

Сайвен, услышав это, выглядел так, будто впервые за вечер получил доказательство существования разума.

Айсар уже отвлекал двух желающих подойти дипломатов разговором о том, что у Академии замечательные потолочные световые линии, если не смотреть на их программную синхронизацию слишком внимательно. Дипломаты, судя по лицам, не понимали, почему это звучит как угроза, но чувствовали правильно.

Мы покинули банкетный зал прежде, чем кто-то успел перехватить меня на выходе.

За спиной остался шум приёма, музыка голосов, запах вина, цветов, чужого желания и политического азарта.

С каждым шагом к вилле наряд казался тяжелее.

Колокольчики звенели тише.

Или я просто хуже слышала их за стуком крови в висках.

Вэлса несколько раз смотрела на меня, но не спрашивала при охране. Сайвен шёл слишком близко, и его запах становился всё более недовольным. Айсар молчал, что было подозрительно и почти страшно.

Я держалась.

До виллы.

До коридора.

До своих покоев.

До того момента, как дверь закрылась за мной.

Потом сорвалась.

Не сняв наряд, не вынув шпильки, не развязав ленту, я бросилась в очистительный блок. Колени ударились о пол, рука вцепилась в край утилизационной чаши, и меня вывернуло так резко, что в глазах потемнело.

Рвало долго.

Болезненно.

До пустоты.

До дрожи.

До того, что серебряные колокольчики в волосах звенели

при каждом спазме, почти издевательски нежно.

Бездна.

Флиртовать и разговаривать со своими монстрами оказалось намного труднее, чем я думала.

Я знала их лица.

Голоса.

Манеры.

Знала, как Аристан делает паузу перед ударом.

Как Севарион смягчает ложь.

Как Рагвейн сокращает расстояние, чтобы тело успело испугаться раньше разума.

Я знала, что они сделали.

И всё равно стояла перед ними, улыбалась, играла, позволяла им думать, что они могут приблизиться.

Тело не простило.

Память тоже.

Я осталась на полу, тяжело дыша, ладонью прижимая живот, чтобы унять спазм. Чёрная ткань парадного наряда разметалась вокруг меня, серебряная вышивка ловила холодный свет очистительного блока. В зеркальной панели напротив отражалась принцесса Са'Рет — бледная, прекрасная, на коленях, с растрёпанными белыми волосами, фиолетовой лентой и колокольчиками.

Нет.

Не снова.

Я сжала пальцы.

Ошейника нет.

Это не камера.

Они живы.

Я тоже.

Я справлюсь.

Должна справиться.

В дверь постучали.

Тихо.

— Моя принцесса, — голос Вэлсы был мягким, но не обманчивым. Она всё поняла. Конечно, поняла. — Сайвен через тридцать секунд перестанет уважать вашу дверь.

За дверью раздался голос Сайвена:

— Через пятнадцать.

Айсар добавил:

— Я могу открыть быстрее, но меня попросили проявить такт. Ужасное чувство, не рекомендую.

Я закрыла глаза.

Смех чуть не сорвался, но застрял в горле.

Нужно вставать.

Двигаться.

Сегодняшний день ещё не окончен.

Я упёрлась ладонью в холодный пол и поднялась сначала на колени, потом на ноги. Медленно. Осторожно. Слишком медленно для существа, которое только что угрожало драконам со сцены.

Ну и что.

Драконы не видят.

А свои — могут.

Я смыла лицо холодной водой, посмотрела в зеркало и увидела, что глаза снова стали фиолетовыми.

Ядовито.

Ярко.

Почти красиво.

— Ничего, — прошептала я отражению. — Пусть будут фиолетовыми.

Потом открыла дверь.

Вэлса стояла первой, держа в руках мягкое домашнее покрывало. Сайвен — за ней, с медицинским модулем и лицом существа, которое уже составило список моих ошибок за вечер и ждёт только повода начать зачитывать. Айсар — у стены, без улыбки, с холодными глазами, слишком серьёзный для собственного блага.

Они ничего не спросили.

И за это я любила их почти до боли.

Вэлса просто накрыла мои плечи покрывалом.

Сайвен взял меня за запястье, проверяя пульс.

Айсар тихо сказал:

— Камеры в коридоре виллы ничего не видели. Запись вашего возвращения чистая. Для всех вы ушли отдыхать после успешного выступления.

Я выдохнула.

— Хорошо.

Сайвен посмотрел на меня.

— Теперь процедуры.

— Сайвен…

— Нет. Сегодня без споров.

Я хотела возразить.

Не смогла.

Слишком устала.

Слишком пусто внутри.

Вэлса мягко взяла меня за локоть.

— Пойдёмте, моя принцесса. Сегодня вы сделали достаточно.

Нет.

Недостаточно.

Никогда недостаточно.

Но на сегодня — да.

Я позволила им увести меня из очистительного блока.

За закрытой дверью осталась бледная принцесса на коленях.

В комнату вышла та, которая завтра снова улыбнётся.

Потому что драконы уже смотрят.

А яд должен выглядеть красиво, пока его пьют.

Глава 6

Элирис

Спать после банкета было невозможно.

Стоило закрыть глаза, и три лица вставали передо мной одно за другим, будто кто-то открыл старый архив боли и решил листать его без моего разрешения.

Аристан.

Севарион.

Рагвейн.

Три голоса.

Три улыбки.

Три способа превратить доверие в ошейник.

Сайвен, разумеется, не позволил мне просто лечь и делать вид, что я справлюсь на одной ненависти. После возвращения с приёма он поставил инфузию, провёл сканирование, заставил выпить стабилизатор и почти час сидел рядом с таким лицом, будто лично готов спорить с моим телом, если оно посмеет ухудшить показатели без его разрешения.

Если бы не ночная стабилизация, я бы сейчас не встала даже ради убийства Вайргардов.

Сайвен, конечно, сказал бы, что это не повод для гордости.

Я бы ответила, что повод для гордости — вообще редкий гость в медицинских процедурах.

К утру я всё-таки провалилась.

Ненадолго.

Четыре часа сна же считаются сном.

Технически.

Если смотреть на жизнь очень оптимистично и желательно не показывать показатели Сайвену.

Хотя кому я лгу.

Он всё равно узнает.

Он всегда узнаёт.

Иногда мне казалось, что у него не медицинские сенсоры, а отдельный врождённый дар на распознавание моих попыток существовать вопреки здравому смыслу.

Я лежала, глядя в светлеющий потолок, и чувствовала, как рассвет осторожно входит в комнату: не светом ещё, а изменением запахов. Ночь уходила из тканей, вода в саду становилась свежее, воздух терял глубокую прохладу, в вентиляции появлялись первые утренние ноты Академии — влажная трава, прогретый камень, отдалённый озон тренировочных куполов, чужие перемещения в соседних виллах.

Рассвет только вступал в свои права.

И это было отличное время, чтобы потренироваться.

На свежем воздухе.

С энергетическими кинжалами.

А заодно показать, что у нежной принцессы Са'Рет есть зубки.

Я улыбнулась потолку.

Сайвен возненавидит эту идею.

Значит, она почти хорошая.

Вставать оказалось неприятно. Тело после вчерашнего держалось лучше, но внутри всё равно оставалась тяжёлая усталость. Рёбра ныли, живот отзывался слабым спазмом, голова была мутной от недосыпа, а внутренний змей лежал близко к поверхности, недовольный, голодный и готовый укусить любого, кто предложит «поберечься».

Я дошла до гардеробной и открыла тренировочный отсек.

Тренировочная одежда была практичной: облегающие чёрные брюки из плотной адаптивной ткани, мягкая рубашка с длинными рукавами, которые можно было зафиксировать у запястий, и корсет поверх неё.

Не декоративный.

Защитный.

Тёмный, гибкий, усиленный тонкими внутренними пластинами. Он поддерживал рёбра, разгружал спину и не позволял телу слишком быстро напомнить, что моя воля и моя физиология давно состоят в неприятном политическом конфликте.

Я затянула крепления.

Не слишком туго.

Сайвен всё равно проверит.

Волосы собрала в высокий хвост. Так лицо выглядело острее. Моложе. Опаснее.

Потом я открыла специальный кейс.

Кинжалы лежали внутри на тёмной ткани.

Подарок мамы на сороковой день рождения.

Конечно, Ариэль Саэ'Вар не могла подарить дочери что-то простое вроде украшения, музыкального инструмента или милого семейного антиквариата. Нет. Мама подарила мне парные кинжалы с энергетической кромкой, созданные по личному заказу, с индивидуальной балансировкой под мою руку, мою тьму и мою скорость.

Я тогда расплакалась.

От счастья.

Риаш сказал, что наконец-то кто-то в этой семье понимает, какие подарки действительно полезны.

Вайрес заметил, что подарок недостаточно защищён от несанкционированного использования.

Элиан спросил, предусмотрено ли в нём скрытое отделение для дополнительных составов.

Арвейс хотел забрать кинжалы на проверку.

Дайрен попытался первым подержать.

Мама сказала:

— Это подарок Элирис, а не семейный конкурс на худшую реакцию.

Лучший день рождения.

Кинжалы были чёрными.

Не матовыми, нет. Глубокими, почти живыми, будто металл впитал ночь и научился держать её форму. Стоило вложить в рукояти тьму, как по лезвиям начинал течь фиоле-

товый перелив — тонкий, красивый, хищный. Чёрная дымка обвивала кромку, не скрывая её, а подчёркивая, создавая впечатление, будто само оружие не режет воздух, а убеждает его расступиться.

Потом Айсар, конечно, не смог пройти мимо.

Он доработал систему.

С его слов — «немного повысил выразительность и практическую неприличность».

На деле в рукоятях теперь были встроенные микрокапсулы со стабилизированным составом на основе моего яда. При нажатии на маленькую кнопку на внутренней стороне рукояти состав выводился на кромку тончайшей плёнкой. В обычном бою этого уже было достаточно, чтобы противник быстро пожалел о знакомстве.

Но если я проводила через кинжал тьму, яд мог уйти глубже.

Не просто в кровь.

К сердцу.

К нервному узлу.

К нужной точке.

Опасное.

Смертоносное.

Красивое.

Почти честное оружие.

Идеальное олицетворение меня.

Я взяла кинжалы, вложила их в крепления у пояса и вы-

шла из комнаты.

Три мои головные боли уже ждали в коридоре.

Разумеется.

Сайвен стоял слева, с чашкой горячего горького стимулятора в одной руке и голографическим планшетом в другой. Волосы были собраны не так безупречно, как обычно, под глазами легли едва заметные тени, а лицо выражало глубокое недовольство всем миром, мной, рассветом и концепцией утренних тренировок в частности.

— Четыре часа, — сказал он вместо приветствия.

— Доброе утро, Сайвен.

— Четыре часа сна, повышенный кортизоловый след, остаточная реакция после вчерашней перегрузки, напряжение мышц живота и, судя по одежде, намерение усугубить ситуацию под видом тренировки.

— Ты прекрасно выглядишь утром.

— Вы нет.

— Я скучала по твоей нежности.

— Моя нежность закончилась на моменте, когда вы решили, что рассвет — подходящее время для оружия.

Айсар сидел на подоконнике у стены, будто вообще не спал и даже не рассматривал такую возможность как достойную. Волосы у него были идеально гладкие, глаза — слишком ясные, улыбка — слишком довольная.

— Я нашёл восемь новых любопытных вокруг виллы, — сообщил он. — Двоих академических, троих студенческих,

одного репортёрского и двух раэдарских. Последние притворяются, что им просто нравится озеро.

— Может, им правда нравится озеро, — сказала я.

— Одно из редких озёр, за которым наблюдают с военной оптикой.

— Значит, очень красивое.

Вэлса стояла рядом в тренировочном комплекте одежды: тёмные облегающие брюки, короткий защитный верх, лёгкий пояс, волосы собраны в тугую косу. В руке она держала мой утренний тонизирующий напиток. На лице — спокойствие. В запахе — готовность.

— Вы хотите устроить показательный бой, — сказала она.

Не вопрос.

Я взяла у неё чашку.

— Хочу потренироваться.

— И устроить показательный бой.

— Одно не исключает другое.

— Я уже выбрала место, где обзор будет лучше.

Я посмотрела на неё.

Потом рассмеялась.

Вот за это я их любила.

— Вы все невозможны.

Сайвен забрал у Вэлсы чашку со стимулятором и протянул мне.

— Выпейте сначала это.

— Вы решили меня утопить?

— Мы решили, что раз уж вы всё равно собираетесь вести себя безрассудно, тело получит хотя бы минимальную поддержку, — сказал Сайвен. — И предупреждаю сразу: пять минут. Без полного дара. Без реального травмирования. Без бросков через корпус. Один скачок показателей выше допустимого — и я остановлю тренировку.

— Перед зрителями?

— Особенно перед зрителями.

— Жестоко.

— Эффективно.

Айсар спрыгнул с подоконника.

— Я могу сделать так, что если Сайвен вас остановит, камеры вокруг виллы внезапно потеряют резкость.

Сайвен посмотрел на него.

— Я могу сделать так, что ты проведёшь день под медицинским сканером за недосып, злоупотребление стимуляторами и самодовольством.

— Последнее не лечится.

— Проверим.

Айсар отступил на шаг.

— Ваша забота пугает.

Я выпила тонизирующий напиток Вэлсы. Желудок недовольно сжался, но Сайвен был рядом, а значит, состав подобран правильно, даже если на вкус напоминал наказание за вчерашнюю речь.

— Ведите, госпожа Ар'Шен, — сказала я.

Вэлса склонила голову.

— С удовольствием, моя принцесса.

Мы вышли во двор виллы.

И я на мгновение замедлила шаг.

Двор оказался лучше, чем на схеме.

Просторный, открытый, не загороженный полностью от двух соседних вилл. Между тремя зданиями лежало небольшое озеро — гладкое, серебристое в рассветном свете, с тонким туманом над водой. Виллы стояли вокруг него как три осторожных собеседника, соблюдающих дистанцию, но вынужденных видеть друг друга каждое утро.

Темно-зелёная трава была ровно подстрижена и выглядела мягкой на ощупь. Несколько высоких деревьев тянули ветви над скамейками, создавая тень даже в начале дня. У воды стоял небольшой павильон в саархатском стиле — тёмная крыша, тонкие резные опоры, скрытые световые линии, отражение в воде. А перед виллой раскинулся большой газон.

Идеально.

Слишком идеально, чтобы не использовать.

На другой стороне озера виднелась соседняя вилла Аэл'Тар. Пока тихая, но не спящая. Эларийцы редко были полностью тихими в утренние часы.

Дальше, за озером, под более строгим углом стояла вилла Кхар'Раэна.

Тяжёлая.

Геометричная.

С террасами, рассчитанными на существ, которым нужно пространство и небо.

Оттуда пахло металлом, жаром и драконьей территорией.

Мой внутренний змей лениво поднял голову.

Да.

Они увидят.

Сайвен дошёл до скамейки под деревом ближе к озеру, поставил рядом медицинский модуль и сел так, будто это не утро, не двор, а поле боя, где его главная задача — не дать мне умереть от собственной идеи.

— Не перенапрягаться, — сказал он. — Не доводить бой до реального травмирования. Не игнорировать головокружение, спазмы, потемнение в глазах, учащённое дыхание и мои указания.

— Ты перечислил всё весёлое.

— Именно.

Айсар сел рядом с ним, но не на скамейку, а прямо на траву, вытянув ноги и развернув перед собой голографическую панель.

— Я буду следить за зрителями.

— За сетями, — уточнил Сайвен.

— За зрителями через сети.

— Не провоцируй.

— Я? Никогда.

Вэлса уже стояла на газоне, проверяя крепления на запя-

стьях.

— Моя принцесса?

Я шагнула к ней.

Трава под ногами была действительно мягкой. Влажной от рассвета. Холодная влага сразу прошла через подошвы тренировочной обуви, и от этого тело проснулось окончательно.

Мы начали с разминки.

Плавно.

Без показной резкости.

Руки.

Плечи.

Шея.

Спина.

Повороты корпуса.

Выпады.

Наклоны.

Длинная растяжка, во время которой Сайвен перестал выглядеть так, будто готов немедленно меня усыпить, а Айсар начал что-то быстро помечать в своём интерфейсе.

— Что он делает? — спросила я, не прекращая растяжку.

Вэлса посмотрела мимо меня.

— Скорее всего, считает, сколько окон уже повернулось в нашу сторону.

Айсар поднял руку.

— Семь.

— Окон? — уточнила я.

— И два дрона на законном расстоянии. Ещё один делает вид, что осматривает деревья. Очень любит ботанику, бедняга.

Сайвен даже не поднял глаз от планшета.

— Не трогай ботаника.

— Он не ботаник.

— Тем более.

Вэлса сняла с пояса тренировочные клинки.

Узкие, изогнутые, светло-сиреневые по энергетической кромке, рассчитанные не на грубую силу, а на скорость и точность. Вэлса вообще не любила лишних движений. В бою она была похожа на придворный комплимент, который собеседник осознаёт угрозой только после того, как уже поздно.

Я вынула свои кинжалы.

Чёрные лезвия поймали рассветный свет.

— Начнём мягко? — спросила Вэлса.

— Для зрителей?

— Для Сайвена.

Сайвен со скамейки сказал:

— Я всё слышу.

— Поэтому и говорю, — ответила я.

Мы начали.

Первый круг — без дара.

Только тело.

Шаг.

Поворот.

Лёгкое касание кромки о кромку.

Отступление.

Вэлса пошла влево, как обычно, делая вид, что открывает правое плечо. Ловушка. Я не взяла. Вместо этого скользнула ближе, проверяя её защиту у бедра. Она отразила, ушла ниже, почти коснулась моего ребра плоской стороной клинка.

— Медленнее, чем обычно, — сказала она.

— Спала четыре часа.

— Жалкая попытка вызвать сочувствие.

— Получилось?

— Нет.

Я улыбнулась.

Следующая связка пошла быстрее.

Мы знали друг друга двадцать лет.

Это многое меняло.

В бою с незнакомым противником всегда есть миг изучения: дыхание, ритм, длина шага, привычки, страхи, любимые финты. С Вэлсой такого не было. Мы знали слишком много. Она знала, что я люблю обманчиво короткий выпад после мягкого отступления. Я знала, что она часто оставляет красивую щель именно там, где ждёт чужую жадность. Она знала, что я берегу левый бок после перегрузки. Я знала, что её внутренний змей ненавидит прямое давление и отвечает не силой, а точным уходом.

Наш бой всегда был разговором.

Иногда спором.

Иногда язвительным светским обменом, где вместо слов — кромки, вместо улыбок — развороты, вместо поклонов — уклонение на толщину пальца.

Мы двигались быстрее.

Серебристая роса взлетала с травы под ногами. Клинки звенели, но не грубо, а тонко, почти музыкально. Вэлса прошла низко, её коса ударила по воздуху, сиреневый свет её клинка метнулся к моему запястью. Я повернула корпус, пропустила удар рядом с рукавом, поймала её второй клинок на свой левый и правым остановилась у её горла.

Не коснулась.

Она улыбнулась.

— Красиво.

— Предсказуемо.

— Обидно.

— Ты сама научила меня этому выходу.

— Да. И теперь жалею.

Мы разошлись.

На этот раз я влила тьму в кинжалы.

Чёрный металл ожил фиолетовым переливом.

Дымка скользнула по лезвиям, тонкая, хищная, мягкая, как шёлк перед удушением. Воздух вокруг кромок стал темнее. Не полностью. Я держала силу почти на минимуме, но для зрителей этого было достаточно.

На другой стороне озера кто-то резко вдохнул.

Вэлса тоже усилила клинки. Сиреневый свет стал ярче, во-

круг её движений появился тонкий мерцающий след.

Мы сошлись снова.

Теперь это уже не было разминкой.

Ещё не настоящий бой, нет. Настоящий бой между нами разнёс бы половину газона, заставил бы Сайвена перейти от угроз к действиям, а Академию — писать первый официальный отчёт о повреждении дипломатического сектора.

Но это был показ.

Смертоносный танец, в котором каждая линия оставалась красивой только потому, что мы обе знали, где проходит предел.

Я ударила первой.

Вэлса ушла под кромку, почти легла в движение, клинок прошёл рядом с моим бедром. Я развернулась на пятке, волосы хлестнули по спине, высокий хвост описал бело-фиолетовую дугу. Тьма на кинжалах тянулась за движением, будто в воздухе оставались рваные фиолетовые ленты.

Вэлса встретила следующий удар крестом клинков.

Звон.

Искры энергетического напряжения.

Её глаза стали светлее, почти серебристыми. Внутренний змей Вэлсы поднялся под кожей, не выходя наружу, но меняя запах — сирень стала острее, холоднее, ядовитее.

— Публика собирается, — сказала она тихо, пока наши клинки были сцеплены.

— Уже?

— Ты сомневалась?

Я улыбнулась.

Оттолкнулась, ушла назад, позволила себе чуть шире раскрыть движение.

Для зрителей.

Их становилось всё больше.

Сначала служащие на дальних дорожках.

Потом студенты у озера.

Потом несколько преподавателей, очень официально остановившихся «проверить маршрут».

С виллы Аэл'Тар появились первые наблюдатели. Кто-то из них попытался сделать вид, что просто вышел подышать воздухом. Неплохо. Но хвост предал.

Со стороны Кхар'Раэна движение было меньше.

Но тяжелее.

Раэдары не спешили выходить толпой. Они смотрели с террас, из окон, от тренировочного перехода. Тяжёлые взгляды, запах металла, жара и растущего интереса.

Мои охранники сделали вид, что пытаются разогнать зрителей.

Очень старательно.

Для вида.

— Просим соблюдать дистанцию.

— Дипломатическая вилла Са'Рет находится в закрытом секторе.

— Наблюдение допустимо только за линией озера.

— Не приближаться к газону.

Прекрасно.

Разгоняли так, чтобы все остались там, где обзор лучше.

Айсар, сидящий на траве, даже не скрывал довольной улыбки.

Мы устраивали шоу.

Раэдары любят силу.

Не нежность. Не речь. Не хрупкость. Не легенду, спрятанную за слухами.

Силу.

Значит, нужно было показать им, что я не только умею мягко улыбаться, говорить о союзах и красиво угрожать со сцены.

Я умею держать оружие.

И не как принцесса, которую развлекали безопасными уроками, чтобы она не скучала во дворце.

Вэлса атаковала резко.

Три быстрых удара, один ниже, второй в плечо, третий обманный к шее. Я ушла от первого, отбила второй, на третий не повелась и шагнула внутрь её дистанции. Слишком близко для длинного клинка, идеально для кинжала.

Она ударила локтем.

Я поймала движение корпусом, корсет принял часть давления, рёбра неприятно отозвались болью. Сайвен со скамейки поднял голову так резко, что я почти почувствовала его взгляд между лопаток.

Не сейчас.

Я не дала боли выйти на лицо.

Вместо этого повернулась, скользнула ниже, лезвие моего кинжала прошло у Вэлсы под рукой, остановившись у её боку. Она в ответ приставила клинок к моему плечу.

Ничья.

Мы замерли на вдох.

Потом одновременно отступили.

Зрители за озером зашептались.

Я уловила обрывки.

— Она правда двигается так быстро?

— Это тьма на кинжалах?

— Разве у принцессы слабое здоровье?

— Слабое здоровье не мешает убить, если удар точный.

Последняя фраза принадлежала кому-то из саархов.

Я почти одобрила.

Вэлса улыбнулась.

— Продолжаем?

Я почувствовала, как дыхание становится чуть мельче, чем надо. Сердце билось быстро. Слишком быстро для существа после бессонной ночи, с ночной инфузией в крови и ещё свежей памятью о вчерашнем срыве.

Но рука не дрожала.

Показатели, судя по лицу Сайвена, уже подошли к границе его терпения.

Значит, оставался один красивый финал.

— До красивого завершения, — сказала я.

— Любишь драму.

— Я саархатка. Мы называем это воспитанием.

Следующая серия была быстрее.

Мы больше не говорили.

Только дыхание, шаги, трава, звон клинков, мягкое шипение энергетических кромок и моё сердце, бьющееся слишком быстро, но пока ровно.

Вэлса пошла в наступление, заставляя меня отступать к центру газона. На вид — давила. На деле — вела меня туда, где обзор со всех сторон был идеальным. Я уступала, потому что знала, чего она хочет.

Два шага назад.

Поворот.

Блок.

Удар снизу.

Её клинок скользнул по моему левому, сиреневый свет встретился с фиолетовой тьмой, и на миг между нами вспыхнула тёмно-лиловая искра.

Толпа ахнула.

Да, красиво.

А теперь — опасно.

Я позволила Вэлсе почти достать меня у плеча.

Почти.

В последний миг ушла в сторону, слишком низко, почти касаясь ладонью травы, и провернула кинжал обратным хва-

том. Тьма по лезвию стала гуще. Не на полную силу. Но достаточно, чтобы чёрная дымка резко вытянулась следом за движением.

Вэлса поняла.

И подыграла.

Она перехватила мой удар, дала мне сцепить клинки, затем попыталась развернуть меня через плечо. Я пошла за движением, позволила себе потерять равновесие ровно настолько, чтобы зрители поверили, а потом использовала её же рывок. Нога ушла в траву, корпус развернулся, кинжал описал фиолетовую дугу, второй лёг к её запястью.

Да, Сайвен говорил без бросков через корпус.

Технически это был не совсем бросок.

Технически.

Через вдох Вэлса оказалась на спине.

Мой кинжал — у её горла.

Второй — у её сердца.

Не касаясь.

Тьма на кромках медленно дымилась в утреннем свете.

Трава вокруг нас была примята, на моей щеке прилипла белая прядь, дыхание стало тяжелее, левый бок пульсировал глухой горячей болью, но рука не дрожала.

Вэлса посмотрела на меня снизу вверх.

— Победа ваша, моя принцесса.

Я улыбнулась.

— Как неожиданно.

— Невыносимо скромно.

Я убрала кинжалы, тьма на лезвиях погасла не сразу, а медленно стекла внутрь металла. Затем протянула Вэлсе руку.

Она взялась за моё запястье, и я помогла ей подняться.

Аплодисменты вспыхнули неуверенно.

Сначала со стороны Аэл'Тар.

Потом со стороны студентов у дорожек.

Потом несколько саархов ударили ладонью о запястье в знак одобрения.

Раэдары не аплодировали громко.

Они смотрели.

Именно это мне и было нужно.

Я почувствовала их ещё до того, как повернула голову.

Три тяжёлых взгляда.

Аристан, Севарион и Рагвейн стояли на террасе виллы Кхар'Раэна.

Не слишком близко.

Не слишком далеко.

Достаточно открыто, чтобы я увидела их, если захочу.

И достаточно сдержанно, чтобы это не выглядело невежливым наблюдением.

Аристан смотрел внимательно, почти неподвижно.

Не на мою красоту.

Не на волосы.

Не на открытую линию шеи.

На расстояния.

На скорость.

На то, как Вэлса подыграла мне в последнем движении.

На то, как я держала боль под улыбкой.

Он оценивал не женщину.

Ошибку прежней оценки.

Севарион улыбался.

Но теперь его улыбка была глубже, опаснее, заинтересованнее. Он смотрел на мои кинжалы, на руки, на волосы в высоком хвосте, на корсет, на то, как грудь поднимается после боя. И в этом взгляде было не просто желание. Был расчёт, смешанный с голодом.

Севарион всегда любил то, что можно обернуть словами, а потом присвоить.

Рагвейн не улыбался вовсе.

Его взгляд был самым прямым.

Горячим.

Хищным.

Он смотрел не на образ.

На бой.

На удар.

На бросок, который я почти не должна была делать.

На возможность проверить, насколько быстро маленькая саархатка действительно режет, если её прижать.

Ну вот.

Получилось.

Вэлса проследила за моим взглядом и тихо сказала:

— Трое на террасе. Вы произвели впечатление.

— Хорошее?

— Для нас — да. Для их здравомыслия — сомневаюсь.

— У них оно было?

— В дипломатических целях предположим, что остатки.

Я тихо рассмеялась.

Сайвен уже шёл к нам с таким лицом, будто каждый шаг по газону приближает мою казнь в форме медицинского осмотра.

— Рёбра, — сказал он.

— На месте.

— Это не ответ.

— А какой ответ ты хотел? «Часть сбежала, но Айсар отслеживает»?

Айсар с травы поднял руку.

— Если что, я готов.

Сайвен проигнорировал его.

Он провёл сканером вдоль моего корпуса, задержался у левого бока, недовольно сжал губы.

— Ушиб. Не критично. Показатели на верхней границе допустимого. И, насколько я помню, я отдельно сказал: без бросков через корпус.

— Это был разворот с использованием чужого импульса.

— Медицински сомнительный бросок.

— Победный разворот.

— Элирис.

— Я закончила бой сразу после него.

— Потому что я уже шёл к вам.

— Видишь, мы оба умеем вовремя принимать правильные решения.

Сайвен посмотрел на меня так, что внутренний змей на всякий случай сделал вид, будто его тут нет.

— Зрителям понравилось, — сказала я.

Сайвен перевёл взгляд в сторону террасы Кхар'Раэна.

Его запах потемнел.

— Некоторым слишком.

— В этом был смысл.

— Я знаю. Это не делает мне радостнее.

Левый бок снова неприятно пульснул, и я чуть медленнее выдохнула.

Сайвен заметил.

Конечно, заметил.

Сиара тоже заметит, если подойдёт слишком близко.

И именно в этот момент со стороны виллы Аэл'Тар послышался быстрый лёгкий шаг.

Сиара шла к нам почти бегом, и её золотисто-русый хвост выдавал такой восторг, что даже пытаться выглядеть сдержанно было бессмысленно. Уши стояли высоко, карие глаза сияли, волосы были собраны в небрежную утреннюю причёску, а тренировочный жилет на ней был застёгнут не до конца, будто она выбежала, не дослушав кого-то из своей де-

легации.

— Это было невероятно! — сказала она ещё до того, как подошла достаточно для официального приветствия.

Потом спохватилась, перевела взгляд на Вэлсу, Сайвена, Айсара, мой тренировочный комплект, кинжалы, зрителей, террасу раэдаров и добавила уже тише:

— И, кажется, очень неофициально. Прекрасно.

Я убрала кинжалы в крепления.

— Доброе утро, Сиара.

— Если каждое утро Са'Рет начинается с того, что принцесса валит личную помощницу на газон под взглядами трёх систем, я срочно пересматриваю свои представления о дипломатическом быте.

Вэлса склонила голову.

— Личная помощница добровольно участвовала.

— И выглядела потрясающе, — быстро сказала Сиара. — Это важно для протокола восхищения.

— Такого протокола нет, — сказал Сайвен.

Сиара повернулась к нему.

— Пока нет. Я юрист, это поправимо.

Айсар тихо выдохнул:

— О, она мне нравится.

— Тебе нравятся все, кто потенциально способен узаконить хаос, — сказал Сайвен.

— Очень узкий и прекрасный круг.

Сиара посмотрела на меня, потом на кинжалы.

— Они настоящие?

— Очень.

— И тьма на них тоже?

— Тоже.

— А фиолетовый перелив — это функционально или чтобы все вокруг забывали дышать?

— Сначала функционально, потом я решила, что не стоит лишать оружие эстетики.

Сиара приложила руку к сердцу.

— Вот теперь я понимаю, почему мы подружились. Я всегда считала, что юридический документ тоже должен быть красивым, если им собираются кого-то добить.

Вэлса тихо сказала:

— Определённо подружитесь.

Я посмотрела на Сиару и не смогла сдержать улыбку.

— Ты пришла на завтрак?

— И на сплетни. Но теперь ещё и на подробный разбор того, как ты сделала этот разворот в конце. Мой хвост до сих пор не уверен, что это было законно.

— В бою многое законно, если Сайвен не смотрит.

— Я смотрю, — сказал Сайвен.

— Поэтому я закончила быстро.

— Издевательство не компенсирует ушиб.

Сиара оживилась.

— Ушиб? Тебя задели?

— Не задели, — сказала я.

Сайвен одновременно произнёс:

— Задели.

Мы посмотрели друг на друга.

— Медицинская версия скучнее, — сказала я.

— Зато точнее.

Сиара прищурилась, уши наклонились вперёд.

— Понятно. Завтрак с разбором ушиба. Обожаю новые знакомства, которые сразу требуют протокола выживания.

— Тогда пойдём, — сказала я. — Пока Сайвен не решил провести медицинскую лекцию прямо на газоне.

— Поздно, — произнёс он. — Я уже решил провести её внутри.

— Ты жесток.

— Вы живы благодаря моей жестокости.

— Ненавижу, когда аргумент хороший.

Айсар поднялся с травы, отряхивая брюки.

— Я передам охране, что утреннее представление завершено, зрители могут возвращаться к слухам.

Вэлса посмотрела на него.

— И не забудь убрать лишние записи.

— Вэлса, ты ранишь меня подозрением.

— Я знаю тебя.

— Это и ранит.

Сиара подошла ко мне ближе, и мы направились к вилле. Она шла рядом легко, почти подпрыгивая от сдерживаемого восторга, а её хвост выдавал такое количество эмоций, что

я начала понимать, почему эларийцы так ценят умение контролировать лицо.

Лицо у Сиары было почти спокойным.

Хвост — писал отдельный эмоциональный доклад.

Я шла ровно.

Не слишком быстро.

Так, чтобы не показать, как левый бок пульсирует под корсетом.

Сиара скользнула взглядом к моему плечу, потом к дыханию, потом — к лицу.

Заметила.

Не спросила.

Вместо этого заговорила так легко, будто ничего не увидела:

— Так, я успела услышать три версии до того, как выбежала. Первая: принцесса Са'Рет каждое утро тренируется, чтобы не потерять форму. Скучная, отметаем. Вторая: это был предупреждающий ритуал для раэдаров. Очень нравится. Третья: ты решила украсть внимание у завтрака Кхар'Раэна и успешно испортила им аппетит.

— А какая твоя?

— Ты не могла спать после приёма, вышла тренироваться, поняла, что на тебя смотрят, и решила: раз уж смотрят, пусть подавятся красиво.

Я остановилась на полшага.

Посмотрела на неё.

Сиара улыбнулась.

— Я ошиблась?

— Я всё больше думаю, что дружить с тобой будет опасно.

— Это был ответ «нет».

— Это был дипломатический уход.

— Я юрист. Я замечаю такие вещи.

— Придётся быть осторожнее.

— Не стоит. Мне нравится, когда интересно.

Я рассмеялась.

И именно в этот момент почувствовала спиной всё те же три взгляда.

Они не ушли.

Стояли на террасе и смотрели, как я ухожу с Сиарой, смеясь после боя, с улыбкой, которая на вид могла принадлежать живой, весёлой, опасной принцессе.

Я чувствовала, как их внимание прожигает ткань на спине.

Тяжёлое.

Голодное.

Заинтересованное.

Собственническое любопытство тех, кто увидел редкую вещь и уже начал представлять, как она будет смотреться в их руках.

Внутренний змей поднял голову.

Я остановилась у входа в виллу.

Сиара заметила, но не спросила.

Вэлса тоже.

Сайвен, к сожалению, заметил и приготовился возразить, но не успел.

Я обернулась.

Медленно.

Так, чтобы белый хвост волос скользнул по спине, чтобы фиолетовые пряди поймали рассвет, чтобы чёрные кинжалы у пояса блеснули, чтобы раэдары увидели не усталость, не дрожь, не остатки бессонной ночи.

Только улыбку.

Красивую.

Мягкую.

Почти приглашение.

Я посмотрела прямо на них.

На Аристана.

На Севариона.

На Рагвейна.

И улыбнулась ещё чуть теплее.

В прошлой жизни вы сделали всё, чтобы очаровать меня.

В этой я уничтожу вас вашими же методами.

Севарион ответил первым — лёгким наклоном головы, будто принял посланный вызов как комплимент.

Аристан не улыбнулся, но его взгляд стал глубже.

Рагвейн оскалился едва заметно.

Хищно.

Прекрасно.

Я отвернулась и вошла в виллу рядом с Сиарой.

Сиара наклонилась ко мне и прошептала:

— Ты только что улыбнулась им так, будто подарила цветок, в котором спрятан нож.

— Какое грубое обвинение.

— Я восхищаюсь.

— Тогда за завтраком расскажу, как правильно прятать ножи в цветах по саархскому этикету.

Её уши дёрнулись от восторга.

— Элирис, кажется, это начало прекрасной дружбы.

Я улыбнулась.

Впервые за утро почти легко.

— Кажется, да.

И только Сайвен за спиной сухо испортил момент:

— После осмотра ушиба.

Я вздохнула.

— Невыносимое существо.

— Живое невыносимое существо, — поправил он. — В отличие от некоторых принцесс, которые уверены, что четыре часа сна и показательный бой являются нормальным утренним режимом.

Сиара посмотрела на меня.

— Четыре часа?

— Предатель, — сказала я Сайвену.

— Врач, — ответил он.

Айсар весело добавил:

— В этой вилле это почти одно и то же с юридической точки зрения.

Сиара сияла.

— Завтрак будет великолепным.

Да.

Возможно.

Левый бок ныл, дыхание всё ещё не до конца выровнялось, а Сайвен уже мысленно составлял медицинский приговор моей утренней гениальности.

Но главное — драконы смотрели.

И яд уже начал казаться им красивым.

Глава 7

Элирис

К концу завтрака стало ясно: утренний бой с Вэлсой прожил самостоятельную жизнь, получил крылья, яд, три десятка преувеличений и уже мчался по сетям быстрее падающей звезды.

Айсар сидел за столом с таким лицом, будто лично не имел к этому никакого отношения, хотя голографическое окно у его ладони обновлялось каждые несколько секунд. На нём вспыхивали короткие заголовки, обрезки записей, обсуждения, чужие комментарии и растущие графики просмотров. Где-то спорили, настоящей ли была тьма на кинжалах. Где-то раэдарские наблюдатели сдержанно заявляли, что бой был «декоративным», и получали в ответ замедленную запись, где декоративный кинжал останавливался у горла Вэлсы на расстоянии толщины волоса.

Сиара читала один из комментариев, прикрывая улыбку чашкой.

— «Принцесса Са'Рет продемонстрировала опасную форму придворного фехтования, сочетающую танцевальную пластику и боевое применение дара тьмы», — процитировала она и подняла на меня сияющие глаза. — Признайся, ты сама это написала?

— Я бы добавила про скромность.

— О да, скромность прямо хлестала по газону фиолетовыми искрами.

— Это была воспитательная часть.

Сайвен, который проверял мои показатели уже третий раз за утро, не оценил.

— Воспитательная часть оставила ушиб, лёгкое истощение и повышенную нагрузку после недосыпа.

— Зато слухи идут в нужную сторону, — заметила Вэлса, не отрываясь от планшета. — Нежная принцесса больше не выглядит только нежной. Теперь обсуждают, насколько опасно было недооценивать её из-за здоровья.

Айсар лениво провёл пальцем по воздуху, и один из спорных комментариев исчез из общего потока.

— Хаос должен быть художественно направленным. Иначе он начинает пахнуть чужой глупостью.

Сиара повернулась к нему с интересом.

— Ты сейчас управляешь обсуждениями?

— Нет, что вы. Я лишь помогаю общественному мнению не падать лицом в самые скучные выводы.

— Великолепная формулировка для будущего допроса.

— Я всегда готов к юридической красоте.

— Не провоцируй его, — сказала я Сиаре. — Айсар и так считает закрытые системы приглашением к беседе.

— А они разве не приглашение? — искренне спросил он.

Сайвен поставил передо мной стакан с густым зелёным составом.

— Пейте. Через час лекция.

Я посмотрела на напиток, потом на него.

— Он выглядит так, будто уже разочаровался в жизни.

— Это стабилизирующий состав, а не украшение завтрака.

— У него очень плохой характер.

— Вам подойдёт.

Сиара фыркнула в чашку. Вэлса чуть заметно улыбнулась. Я выпила состав без дальнейших споров, потому что Сайвен был прав: впереди две лекции, полный зал, Вайргарды, камеры, вопросы и необходимость выглядеть так, будто четыре часа сна, бой на рассвете и вчерашний приём были просто лёгкой разминкой перед академическим днём.

Когда мы вышли из виллы, утро уже стало ярче. Над озером почти рассеялся туман, трава подсохла, а на дорожках дипломатического сектора прибавилось движения. Сиара шла рядом со мной, Вэлса — чуть слева, Сайвен и Айсар — позади, охрана держала расстояние достаточно вежливо, чтобы не портить образ, и достаточно близко, чтобы Риэлан, будь он здесь, не написал мне пять страниц о преступной беспечности.

Главный лекторский зал находился в центральном учебном корпусе Академии. До него вела широкая галерея с прозрачной внешней стеной, за которой сиял внутренний город: мосты, учебные башни, транспортные платформы, сады на верхних ярусах. По пути нам встречались студенты и пре-

подаватели, и почти все либо кланялись, либо задерживали взгляд на мне чуть дольше, чем требовал протокол.

Сиара наклонилась ближе.

— Если кто-нибудь ещё посмотрит на твои кинжалы так, будто пытается понять, можно ли попросить автограф на лезвии, я начну брать плату за экскурсию.

— Делись доходом.

— Только если включишь меня в официальное описание «опасной формы придворного фехтования».

— Могу назначить тебя свидетелем художественной ценности.

— Юридически принимается.

С ней было легко.

Не безопасно — с такой головой и таким хвостом безопасно быть не могло, — но легко. Она умела входить в разговор без попытки забрать пространство, подхватывала шутку быстрее, чем некоторые дипломаты понимали угрозу, и смотрела на меня не как на легенду, а как на существо, с которым ей уже интересно делить стол, слухи и будущие проблемы.

Внутренний змей тоже относился к ней странно спокойно. Он не шипел, не требовал дистанции, не проверял её как угрозу. Просто отмечал запах зелени, земли после дождя и живого любопытства, а потом сворачивался глубже, будто рядом появилась часть территории, которую не нужно отвоёвывать.

Я всё ещё не позволяла себе развить вчерашнюю догадку.

Не время.

Главный лекторский зал оказался пустым, когда мы вошли. Огромный амфитеатр поднимался полукругом от центральной площадки, кресла были рассчитаны на разные расы, а между рядами проходили широкие линии доступа для тех, кому требовалось больше пространства. Потолок скрывался в мягкой темноте, стены были гладкими, почти бесцветными, чтобы не мешать голографическим проекциям.

— Хорошо, — сказала Вэлса, оценивая зал. — Входы видны, боковые проходы широкие, сцена не зажата.

— Камеры? — спросила я.

Айсар уже улыбался.

— Академические, учебные, трансляционные, резервные и две лишние, которые притворяются частью освещения. Последние больше не притворяются.

— Ты их отключил?

— Я их пристыдил.

Сайвен сухо заметил:

— Когда-нибудь это станет официальным термином в протоколах безопасности.

— Очень надеюсь. «Вол'Тен, метод сетевого пристыжения». Звучит достойно.

Пока Айсар занимался системами, Вэлса и два академических техника помогали настроить голографические панели. Это было одно из самых интересных решений Академии:

голограммы не висели плоскими схемами над сценой, а кружили по залу, создавая почти живые воплощения из мягкого золотистого света. Саархская змеиная форма могла медленно обвиться вокруг центральной площадки, не касаясь пола. Модель дворцового зала — раскрыться прямо перед первым рядом. Схема внутреннего змея — появиться рядом со мной на высоте плеча, будто древняя тень смотрит из другой стороны тела.

Красиво.

Эффектно.

Завораживающе.

И очень полезно для тех, кто привык считать саархов красивыми, но непонятными хищниками с неприятной склонностью к яду и дворцовым интригам.

Сиара прошла по краю сцены, подняв голову к золотым линиям.

— Если твоя лекция будет хотя бы наполовину так красива, как оформление, студенты Аэл'Тар начнут записываться на саархский этикет из эстетического голода.

— Пусть записываются. Потом я объясню им, что эстетика у нас часто кусается.

— Тем лучше. Скучная эстетика никому не нужна.

Вэлса подошла ко мне и поправила плечевой слой наряда.

Сегодня я выбрала синий.

Глубокий, строгий, официальный, с тонкой серебристой вышивкой по вороту и рукавам. После вчерашнего чёрно-

го парадного наряда этот образ был спокойнее, академичнее, но не проще. Волосы собрали частично выше, закрепили шпильками с тёмно-синими камнями, а несколько тонких прядей у лица Вэлса оставила свободными. Они смягчали линию скул, делали образ менее холодным и лучше работали с сегодняшней задачей: не угрожать со сцены, а увлекать.

— Дышите ровно, — сказала Вэлса, разглаживая ткань у моего запястья. — Вы читаете лекцию, а не подписываете приговор.

— Иногда разница только в аудитории.

— Тогда пусть аудитория узнает это ближе к концу.

Сайвен передал мне тонкий браслет мониторинга, замаскированный под украшение.

— Не снимайте.

— Я даже не спорю.

— Вот это и тревожит.

— Наслаждайся редким моментом.

— Наслажусь, когда вы вернётесь на виллу без приступа.

Я не ответила. Он заметил, но не стал давить: зал начал заполняться.

Сначала пришли преподаватели Академии, затем студенты, потом делегации. Аэл'Тар занял один из боковых секторов, и Сиара, прежде чем уйти к своим, быстро сжала мою ладонь.

— Удачи. Хотя, кажется, она тебе не нужна.

— Нужна. Просто пусть выглядит так, будто нет.

— Вот за это я тебя уже обожаю.

Она ушла, а я осталась в центре сцены, наблюдая, как амфитеатр наполняется голосами, запахами и ожиданием. Саархи садились сдержанно, выбирая места так, чтобы видеть не только меня, но и реакцию зала. Эларийцы живее двигались, переговаривались тише обычного, уши поворачивались к голограммам ещё до начала. Раэдары входили группами, занимали пространство без спешки. Вайргарды появились ближе к концу и сели в секторе Кхар'Раэна так, чтобы видеть сцену прямо.

Я не задержала на них взгляд.

Только отметила.

Аристан — неподвижная внимательность.

Севарион — мягкая улыбка.

Рагвейн — тяжёлый интерес, в котором после утренней тренировки стало меньше снисходительности.

Отлично.

Пора.

Когда свет в зале стал ниже, голограммы поднялись над сценой золотыми линиями, и я сделала первый шаг к центру.

— Доброе утро, — сказала я. — Сегодня я должна рассказать вам о саархах как расе. Обычно такие лекции начинаются с древности крови, государственного устройства и внушительного списка причин, почему клыки не следует считать украшением. Мы к этому тоже придём, но начнём с более полезного: если саарх смотрит на вас спокойно, это ещё не

значит, что он спокоен.

В зале прошёл первый лёгкий смешок.

Я улыбнулась и подняла руку. Рядом возникла голографическая фигура саарха в гуманоидной форме: высокий силуэт, плавная пластика, вертикальный зрачок, удлинённые клыки, длинные волосы.

— Саархи — древняя космическая раса с двойственной природой. В гуманоидной форме мы выглядим достаточно привычно для межсистемного общения, если, конечно, не считать роста, клыков, яда, реакции на запахи и привычки занимать комнату так, чтобы видеть все выходы.

Голограмма сменилась: рядом с гуманоидным силуэтом появился змей, огромный, гибкий, тёмный, с переливчатой чешуёй.

— Вторая форма у классических саархов — полная змеиная. Но было бы ошибкой считать её просто телесным изменением. Внутри саарха существует внутренний змей — отдельный пласт сущности со своей волей, инстинктами, реакциями и представлениями о том, кто слишком близко подошёл.

Несколько студентов зашевелились. Эларийские уши дружно направились вперёд.

— Нет, он не сидит внутри и не диктует нам, что говорить на переговорах. Хотя, признаю, иногда это объяснило бы часть старых дворцовых скандалов.

Теперь засмеялись громче.

Даже несколько саархов позволили себе улыбки.

Я провела пальцами по панели, и голограмма показала два слоя восприятия: гуманоидное сознание и внутреннего змея, обвитые друг вокруг друга.

— Проще говорить так: саарх принимает решения разумом, но внутренний змей первым реагирует на угрозу, страх, боль, возбуждение, территорию, кровь и принадлежность. Он сильнее связан с запахами и телесными сигналами. Поэтому для нас пространство никогда не бывает пустым. Оно всегда пахнет: ложью, тревогой, медицинскими составами, дорогими тканями, чужим интересом, скрытым оружием или попыткой сделать вид, что вы просто проходили мимо закрытой двери.

Я не смотрела на сектор Кхар'Раэна.

Не нужно было.

Сиара тихо смеялась в своём ряду.

— Запахи для саарха — это не приятная деталь мира, а полноценный язык. Мы чувствуем состояние тела, эмоциональное напряжение, страх, возбуждение, некоторые виды ядов, следы заболеваний, составы на коже и даже то, насколько уверенно собеседник верит в собственную ложь. Последнее не является точной наукой, но часто помогает сэкономить время на переговорах.

Поднялась рука в студенческом секторе Аэл'Тар.

— Ваше высочество, значит ли это, что саарха невозможно обмануть?

— Нет. Это значит, что обманывать саарха нужно качественно.

Зал оживился.

— Можно скрыть запах, исказить его, перебить, подготовить тело, контролировать дыхание, использовать составы, обучиться выдержке. Старые саархские дома веками развивали искусство не пахнуть тем, что думают. Поэтому если кто-то из нас говорит вам, что всё очевидно по одному вдоху, не верьте. Скорее всего, он хочет, чтобы вы занервничали и выдали себя уже без запахов.

Заместитель Саэ'Лор в переднем ряду прикрыл глаза, явно одобряя формулировку.

Я перешла к саархаткам нового поколения. Голограмма змеи сменилась более тонким, быстрым силуэтом, белым с фиолетовыми узорами — не моим точным образом, но достаточно близким, чтобы зал стал внимательнее.

— Долгое время считалось, что полноценная змеиная форма доступна только мужчинам. Саархатки сохраняли яд, чувствительность, долгую жизнь, хищную пластику, но не обращались. После реформ и исследований крови это правило перестало быть абсолютным. У некоторых саархаток нового поколения пробуждается внутренний змей, а иногда и полная форма. Обычно она меньше мужской, но быстрее, гибче и опаснее в точном ударе.

Я позволила голограмме сделать стремительный бросок, остановив клыки в воздухе перед первым рядом. Несколько

студентов откинулись назад; один раэдар в боковом секторе усмехнулся, но уже без прежнего снисхождения.

— Такая саархатка — не украшение рода, которое внезапно научилось показывать зубы. Это доказательство, что природа была шире традиции. Старые дома не любят такие доказательства. Они вообще не любят, когда женщина перестаёт помещаться в удобную формулировку.

В зале стало тише.

Я не стала усиливать.

Именно так слова ложатся глубже.

Дальше пошли особенности биологии, возрастные этапы, роль яда, значение внутреннего равновесия между разумом и змеем, устройство кланов и место императорской крови вне рангов. Я не превращала лекцию в сухой доклад: задавала вопросы, просила аудиторию сравнить саархское восприятие с эларийским и раэдарским, выводила на голограммах примеры движений и запаховых сигналов, осторожно шутила там, где тема становилась слишком тяжёлой.

В какой-то момент раэдарский студент спросил:

— Если внутренний змей реагирует первым, значит ли это, что саархи слабее контролируют агрессию?

Я повернулась к нему.

— Нет. Это значит, что мы лучше знаем, сколько агрессии в нас есть. Контроль начинается не с отрицания хищника, а с умения не выпускать его каждый раз, когда он считает чужую шею слишком открытой.

Сектор Са'Рет встретил ответ почти незаметным, но очень довольным молчанием.

К концу лекции зал уже дышал в одном ритме со сценой. Голограммы обвивали ряды золотыми силуэтами, змеиные формы растворялись в схемах, схемы — в старых символах, символы — в изображениях современных саархаток, стоящих рядом с мужчинами на тренировочных площадках, в лабораториях, дипломатических залах и военных кабинетах.

Я закончила на более спокойной ноте.

— Если вы вынесете из этой лекции только одно, пусть это будет не страх перед ядом и не восторг перед чешуёй. Саархи — раса, в которой древняя традиция и внутренняя двойственность всегда спорили друг с другом. Мы опасны не потому, что у нас есть змеи. Мы опасны потому, что учимся жить с ними в одном теле и всё равно строить законы, семьи, союзы и будущее.

Аплодисменты поднялись сразу. В них было больше уважения, чем восторга, и это мне понравилось.

Я поклонилась, дождалась, пока ректор объявит короткий перерыв перед второй лекцией, и осталась на сцене. Аудитория начала расходиться по боковым проходам, кто-то шёл к напиткам, кто-то обсуждал голограммы, кто-то уже отправлял заметки. Сиара у своего ряда что-то оживлённо объясняла двум эларийцам, и её хвост выдавал азарт настоящего спора.

Я улыбнулась, затем вернулась к панели и начала перена-

страивать голограммы для второй части.

Этикет требовал другого визуального языка.

Меньше биологии.

Больше символов.

Поклоны, рукава, столы, ткани, ленты, регалии, запаховые границы, древность крови, расстояние между телами. Всё то, из чего у саархов строились не просто правила, а целые поля невидимых клинков.

— Ваше высочество.

Голос Аристана прозвучал у края сцены.

Я не вздрогнула.

Только закончила перемещать голограмму церемониального стола и повернулась.

Трое Вайргардов стояли у нижней ступени. За их спинами, чуть дальше, Вэлса уже сделала шаг в мою сторону, Сайвен поднял голову от планшета, Айсар перестал улыбаться. Я остановила их лёгким жестом, почти незаметным со стороны.

Не вмешиваться.

Пока.

— Лорд Аристан, — сказала я. — Лорд Севарион. Лорд Рагвейн. Надеюсь, первая лекция не разочаровала Кхар'Раэн.

— Напротив, — ответил Аристан. — Она была куда интереснее стандартных академических обзоров. Вы говорите о своей расе так, будто предлагаете не изучить её, а рискнуть

подойти ближе.

— Хороший лектор должен оставлять аудитории желание задавать вопросы.

Севарион улыбнулся.

— Уверяю, у нас их стало больше. Особенно после утренней тренировки.

— Разве тренировка относится к теме лекции?

— После вашего объяснения внутреннего змея — несомненно. Теперь я иначе смотрю на то, как вы двигались с кинжалами.

Его взгляд скользнул к моим рукам, с тонкими синими кольцами.

— Надеюсь, не слишком иначе.

— Опаснее, — сказал Рагвейн. — И честнее.

Я перевела взгляд на него.

— Редкая похвала от раэдара.

— Это была не похвала.

— Тогда редкое наблюдение.

Он усмехнулся.

Аристан сделал шаг ближе, но остановился у границы сцены. Не пересёк её без приглашения. Умно.

— Как ваше самочувствие после тренировки и лекции?

Вопрос звучал вежливо.

На поверхности — даже заботливо.

Под ним я чувствовала проверку. Они видели хрупкость. Видели силу. Хотели понять, как одно сочетается с другим

и где проходит трещина.

— Достаточно хорошее, чтобы прочитать вторую лекцию и не напугать Академию преждевременным драматичным уходом.

Севарион тихо рассмеялся.

— Драматичный уход от вас, признаюсь, тоже смотрелся бы безупречно.

— Вы слишком щедры к возможным провалам.

— Не к провалам. К стилю.

Он поднялся на одну ступень сцены — ровно настолько, чтобы приблизиться, но не вторгнуться полностью. Я могла бы остановить.

Должна была бы.

Я не остановила.

Севарион протянул руку.

— Позволите? В рамках этикета, разумеется.

Он просил о поцелуе руки.

Бездна.

Кожа на запястье словно заранее вспомнила чужую хватку. Внутренний змей поднялся резко, ядовито, требуя отвести руку, ударить, оставить на его губах не разрешение, а ожог.

Я позволила себе один вдох.

Лилии.

Синий шёлк.

Зал.

Не камера.

Пальцы второй руки сжались под рукавом так сильно, что ногти впились в ладонь. Боль оказалась маленькой. Настоящей. Полезной.

Я протянула руку.

Не дрожащую.

Севарион склонился и коснулся губами моих пальцев. Очень легко. Почти невесомо. Для любого зрителя — изящный жест уважения к принцессе. Для меня — испытание, в котором каждое мгновение растягивалось слишком долго.

Я не отдёрнула руку.

Когда он выпрямился, в его глазах было удовлетворение. Не победа. Интерес.

Этого достаточно.

Рагвейн смотрел на мою руку так, будто запоминал, что Севариону позволили первым.

Аристан — на моё лицо.

Опаснее всех.

— Саархский этикет допускает такой жест? — спросил он.

— При условии, что женщина сама подала руку.

— И если не подала?

— Тогда жест перестаёт быть уважением и становится ошибкой.

— С последствиями?

Я улыбнулась.

— Вы слушали первую лекцию.

Севарион задержал взгляд на пряди у моего лица. Она выбилась, пока я настраивала голограммы, и легла вдоль щеки. Он поднял руку медленно, давая мне время отстраниться.

Я могла.

Я почти сделала это.

Но если яд должен казаться сладким, нельзя каждый раз прятать чашу.

Его пальцы коснулись волос. Не кожи, только пряди. Он заправил её за ухо, и от этого простого жеста тело отозвалось холодом, который пришлось утопить в улыбке. Внутренний змей ударил хвостом по рёбрам так резко, что на мгновение дыхание стало тоньше.

Я не позволила этому выйти наружу.

— Теперь образ снова безупречен, — сказал Севарион.

— Он был таким и до вашего вмешательства.

— Не сомневаюсь. Я лишь искал повод задержаться ближе.

Прямо.

Слишком прямо для протокольного разговора, но достаточно мягко, чтобы не сорвать маску.

— Для этого существуют вопросы по лекции, лорд Севарион.

— Тогда вопрос, — произнёс Аристан. — Когда ваше расписание позволит нам пригласить вас на ужин? Академический обмен, как вы справедливо заметили, не должен ограничиваться официальными залами.

Рагвейн добавил:

— За столом разговор честнее.

Я едва не рассмеялась.

У раэдаров — возможно.

У саархов стол мог быть полем боя тоньше любого совещания.

Отказать сразу — показать страх.

Согласиться сразу — дать им слишком много.

Значит, оставить дверь приоткрытой и заставить ждать.

— Моё расписание на ближайшие дни довольно плотное.

— Мы умеем ждать, — сказал Аристан.

Севарион посмотрел так, будто ожидание может быть частью удовольствия.

— И подстроиться.

— Осторожно, лорды. Са'Рет ценит настойчивость, но не любит, когда её путают с давлением.

Рагвейн чуть наклонил голову.

— А если давление красиво оформлено?

— Тогда у него больше шансов быть замеченным до того, как его остановят.

Аристан улыбнулся впервые по-настоящему.

Очень слабо.

— Вы всегда отвечаете так, что хочется задать следующий вопрос.

— Хорошо. Значит, мои лекции работают.

Сигнал Академии прозвучал мягко, возвещая окончание

перерыва. Зал начал возвращаться на места, голоса стихали, голограммы над сценой уже выстраивались в новую композицию.

Я посмотрела на Вайргардов с вежливым сожалением.

— Боюсь, второй лекции придётся спасти меня от необходимости давать ответ немедленно.

Севарион склонил голову.

— Тогда мы продолжим позже.

— Если этикет позволит.

— Мы будем учиться, — сказал Аристан.

Они ушли к своим местам. Я стояла неподвижно, пока их шаги не растворились в шуме возвращающейся аудитории. Только когда Вэлса прошла по краю сцены, будто проверяя настройки голограмм, я позволила себе короткий вдох глубже обычного.

— Моя принцесса, — тихо произнесла она. — Ваш запах.

Я приглушила его, насколько смогла.

— Знаю.

— Сайвен заметил.

— Сайвен замечает, если я неправильно моргнула.

— Сейчас не шутка.

Я посмотрела на зал, который снова заполнялся лицами.

— Вторую лекцию я прочитаю.

Вэлса не спорила. Только поправила край моего рукава.

— Тогда сделайте её красивой.

— Это угроза?

— Поддержка.

Она ушла, и свет снова лёг на сцену.

Вторая лекция была сложнее.

Не из-за темы.

Из-за кожи, которая всё ещё помнила губы Севариона на пальцах и его прикосновение к волосам.

Я начала с поклона.

На голограмме появились три силуэта, выполняющие разные формы приветствия: императорская кровь, высший двор и служебный протокол.

— Этикет Са'Рет часто кажется внешним расам слишком сложным. Отчасти это правда. Мы веками превращали правила поведения в язык власти, родства, угроз, уважения и привязанности. Если в первый день при дворе вам кажется, что вы ничего не понимаете, поздравляю: вы достаточно наблюдательны, чтобы заметить очевидное.

Зал ответил смехом, и мне стало легче.

Я говорила о поклонах: глубина, угол, положение руки, длительность взгляда, право первым поднять голову. О том, что императорская кровь не относится к системе рангов, потому что ранги начинаются там, где заканчивается источник власти. О древности крови и почему для саархов происхождение не просто семейная гордость, а политический язык, в котором каждая ветвь может стать союзом, угрозой или поводом для скандала.

Затем голограммы сменились столом.

Длинным, низким, с расставленными чашами, приборами, тканями и местами разного статуса.

— Саархский стол — отдельное испытание для тех, кто привык считать ужин отдыхом. Место, с которого вы едите, прибор, который вам подали, порядок блюд и даже то, кто первым предложил напиток, могут рассказать о положении гостей больше, чем официальное представление.

Я взяла с голографической поверхности ложку, и золотистый свет послушно повторил движение.

— Особое значение имеет кормление партнёра своими приборами. В бытовом смысле это простое действие. В саархском — один из самых открытых жестов личной привязанности. Оно означает доверие, признание близости, готовность разделить не только пищу, но и запах, пространство, статус за столом. Между супругами или признанными партнёрами такой жест может быть высшим проявлением нежности. Между почти незнакомыми существами — поводом для очень неловкого семейного разговора.

Зал оживился.

Севарион чуть наклонил голову, словно уже примерял эту традицию к будущему разговору.

Я сделала вид, что не заметила.

Внутренний змей, к сожалению, заметил за нас обоих.

Кто-то из студентов Аэл'Тар поднял руку.

— Ваше высочество, если кто-то случайно попробует блюдо с прибора саарха?

— Тогда всё будет зависеть от саарха, свидетелей и того, насколько случайность выглядела убедительно.

Сиара в своём ряду делала заметки с видом существа, которое уже собирается использовать это знание во вред чьему-то спокойствию.

— Следующая традиция — дарение тканей, — продолжила я, выводя голограмму свёрнутого шёлка. — У саархов ткань не просто красивый подарок. Это возможность сказать: я вижу ваше положение, ваш вкус, вашу семью, вашу будущую роль. Родители дарят ткани дочерям как знак дома. Мужчины могут дарить ткань женщине как приглашение к более личному вниманию. Дом — будущей невесте как признание её ценности. Неправильно выбранный цвет, узор или качество ткани способны обидеть сильнее прямой грубости.

Раэдарский сектор слушал внимательнее, чем я ожидала.

Особенно после слов «мужчины могут дарить ткань женщине».

Рагвейн, до этого смотревший на голограмму почти равнодушно, перевёл взгляд на меня. Не на ткань. На меня.

Так, будто подарок внезапно перестал быть словом из лекции и стал возможным действием.

Я сделала вид, что не замечаю.

— И, раз уж мы говорим о личных знаках, — сказала я, и рядом возникла голограмма длинной ленты, — традиция вплетения ленты в волосы мужчины. В древности женщина могла вплести свою ленту в волосы того, кого признавала

близким, достойным доверия, защищающим или любимым. Значение зависело от цвета, материала и обстоятельств. В семейном кругу это мог быть знак нежности. В публичном пространстве — почти заявление.

В зале стало неожиданно тихо.

Такие моменты всегда выдавали аудиторию лучше вопросов.

Аристан сидел неподвижно.

Слишком неподвижно.

Он не смотрел на голограмму ленты. Он смотрел на связи между правилами: публичность, признание, дозволение, власть женщины над видимым знаком мужчины.

Вот поэтому он был опаснее остальных.

— Мужчина, принявший ленту, принимал не украшение. Он позволял части женского знака стать видимой на себе. Для саархской культуры, где волосы имеют значение статуса и красоты, это жест очень глубокий. Поэтому если вы решите ради шутки вплести кому-то ленту в волосы, сначала убедитесь, что рядом нет его семьи, вашей семьи, протоколиста и кого-нибудь вроде госпожи Ар'Шен, которая потом объяснит вам последствия лучше, чем вам хотелось бы.

Вэлса у боковой стены слегка склонила голову под смешки зала.

Она выглядела безупречно невиновной.

Дальше лекция шла плавно: я показывала приветственные формулы, положение рукавов, значение дистанции, пра-

во на первый вопрос, различия между дворцовым и домашним этикетом, ограничения для прикосновений и роль регалий. Вопросов было много, и с каждым ответом зал становился не просто слушателем, а участником разговора.

И всё же к концу я почувствовала, что силы уходят слишком быстро.

Сначала — едва заметная пустота под рёбрами.

Потом холод в пальцах.

Потом запах зала стал резче, чем должен был быть: слишком много тел, тканей, эмоций, интереса, раэдарского жара, эларийской живости, саархских ядовитых оттенков. Всё наложилось друг на друга, и мой внутренний змей раздражённо сжался, пытаясь отгородиться от лишнего.

Я закончила ответ на вопрос о поклонах между семьями разного ранга, улыбнулась и повернулась к панели, чтобы вывести финальную схему.

Пальцы не сразу попали по нужной линии.

Сцена чуть качнулась.

Не сильно.

Достаточно.

Я вдохнула медленнее, заставляя лицо оставаться спокойным.

Синий шёлк.

Свет.

Панель.

Зал.

Договорить.

Только договорить.

— Итак, — сказала я, слыша в собственном голосе слишком гладкую мягкость, — если первая лекция была о том, кто такие саархи по природе, то вторая — о том, как эта природа научилась говорить через правила. Наш этикет сложен не потому, что мы любим усложнять простые вещи. Хотя, признаю, это тоже древняя придворная привычка. Он сложен потому, что помогает опасным существам жить рядом, не превращая каждую эмоцию в укус.

Смех дошёл до меня будто через воду.

Я поклонилась.

Аплодисменты поднялись сразу, но звук оказался слишком плотным. Он давил на виски, на грудь, на живот. Свет над сценой стал ярче, чем секунду назад.

Нет.

Не здесь.

Я нашла взглядом Сайвена.

Он уже смотрел на меня.

Без раздражения.

Плохо.

Когда Сайвен переставал злиться, становилось по-настоящему страшно.

Вэлса рядом с боковым проходом сделала шаг. Айсар закрыл свой интерфейс одним движением. Они поняли раньше зала, раньше преподавателей, раньше ректоров. Сиара то-

же поднялась со своего места, уши прижались, хвост застыл.

Я удержала улыбку ещё на несколько вдохов.

— Благодарю за внимание. Мне было приятно видеть такой живой интерес. Прошу простить, но я вынуждена покинуть зал сразу после лекции: сегодняшний график оказался чуть насыщеннее, чем ожидалось.

Фраза прозвучала достаточно легко.

Достаточно вежливо.

Почти без трещин.

Вэлса уже была у ступеней сцены. Сайвен — рядом через мгновение. Он не схватил меня, не нарушил образ, только подал руку так, будто помогает принцессе спуститься после выступления. Его пальцы легли на моё запястье, и даже через ткань я почувствовала, как резко изменился его запах.

Он знал.

Я тоже.

— Идём, — сказал он тихо.

Я хотела ответить колкостью, но воздух закончился раньше.

Вэлса повернулась к ректору, который уже поднимался со своего места.

— Её высочеству требуется короткое восстановление после выступлений. Са'Рет благодарит Академию за приём. Все материалы лекций будут переданы в общий архив в течение часа.

Айсар в это время уже делал так, чтобы камеры видели

ровно столько, сколько нужно: принцесса уходит под сопровождением после насыщенного блока, без паники, без лишних ракурсов, без чужого права на её слабость.

Мы покинули зал быстро.

Не бегом.

Никогда бегом.

Саархская принцесса не бежит, если за спиной полный амфитеатр и три дракона, которым слишком интересно, где проходит её предел.

Но коридор до выхода показался длиннее, чем утром. Стены слегка плыли по краям зрения, запахи рвались слишком ярко, а рука Сайвена на моём запястье становилась единственной ровной точкой.

— Дышите, — сказал он.

— Дышу.

— Не тратьте силы на ложь.

Я почти улыбнулась.

Вэлса шла впереди, расчищая путь одним взглядом. Айсар рядом что-то коротко говорил охране через внутренний канал. Сиара не пошла за нами в коридор — умница. Осталась в зале, чтобы не дать чужому любопытству сразу потянуться следом.

До виллы мы добрались быстрее, чем я могла бы вспомнить потом.

Двери открылись.

Знакомый запах лилий, сирени, горьких трав и нашего

пространства ударил в лицо почти спасением.

И ровно в этот миг тело перестало держать договорённость.

Сайвен успел подхватить меня до того, как колени окончательно подвели.

— Медицинскую комнату, — резко сказал он.

Вэлса уже закрывала внешние каналы виллы.

Айсар бросил через плечо:

— Все записи чистые. Снаружи она просто ушла отдыхать.

Хорошо.

Значит, даже падать я научилась по протоколу.

Последняя связная мысль была почти довольной.

Потом Сайвен поднял меня на руки, слишком легко для моего достоинства, и понёс вниз, к медицинскому крылу.

Глава 8

Элирис

Приступы были со мной с рождения.

Сначала их называли по-разному: реакцией на сложную кровь, нестабильностью дара, особенностью развития, последствием того, что моё тело с самого начала взяло на себя больше, чем могло выдержать. Потом, когда я стала достаточно взрослой, чтобы понимать отчёты без смягчённых формулировок, Сайвен объяснил проще.

Нестабильность энергетических каналов и неконтролируемые всплески дара.

Красиво звучит.

Почти безобидно.

Если совсем просто — мои дары выходили из-под контроля и выжигали тело изнутри. Тьма, ментальный спектр, внутренний змей, наследие Саэ'Вар и эларийской новой крови не всегда умели жить во мне мирно. Иногда всё это переставало быть силой и становилось бурей, которой было всё равно, выдержат ли сосуды, мышцы, нервы, сердце и дыхание.

Это больно.

Так больно, что даже злость теряет форму.

В детстве мама могла помогать. Её дар Визаря был точным, глубоким, почти невозможным: она видела тело изнутри, чувствовала кровь, ткани, органы, могла подталкивать

регенерацию и удерживать то, что во мне пыталось развалиться. Я помнила её руки на моём лбу, её голос у уха, запах белых цветов и тьмы, тихие команды дышать за ней.

До пятнадцати это ещё работало.

Потом перестало.

Не сразу, конечно. Такие вещи редко ломаются драматично. Сначала приступы стали глубже, потом дольше, потом мама всё чаще выходила из моей комнаты слишком бледной, а отцы за дверью пахли так, будто готовы были убить саму болезнь, если бы у неё было горло. В какой-то момент стало ясно: Визарь может поддержать, но не остановить то, что происходит внутри моей крови.

С тех пор оставалось терпеть.

Препараты.

Инфузии.

Медицинские капсулы.

Точные режимы сна, питания, нагрузок, тренировок и восстановления, которые я то выполняла, то нарушала, то снова выполняла, потому что Сайвен умел смотреть так, будто уже мысленно пишет на моей медицинской карте слово «упрямая» большими буквами.

С возрастом стало лучше.

Я укрепляла тело, тренировалась, училась держать дар не только силой, но и ритмом дыхания, распределением нагрузки, своевременным отдыхом. Приступы редели. Последние годы они случались раз в несколько месяцев, и мы с Сайве-

ном почти пришли к устойчивому выводу: если тело не истощено, срыв не начинается.

Почти.

Всегда это проклятое почти.

Стоило несколько раз не выспаться, перенервничать, выйти за пределы нагрузки, сжечь ресурсы на улыбки, речи, тренировки, кошмары и ненависть, которую приходилось прятать под безупречным лицом, — приступ приходил за долгом.

А я последние дни сделала всё, чтобы он пришёл.

Тело долго держалось из чистого упрямства.

Теперь оно требовало оплату.

Сайвен внёс меня в медицинскую комнату, и если бы у меня осталось чуть больше сил, я бы возмутилась.

Принцесс не носят на руках после лекций, как сломанные вещи. Принцессы сами идут, красиво бледнеют, вежливо отказываются от помощи и падают только там, где это не попадёт в отчёты.

Но сил не было даже на сарказм.

Комната вспыхнула стерильным светом. Капсула уже раскрывалась у стены, тонкие дуги сканеров поднимались над мягким ложем, инфузионные линии выходили из боковой панели. Усиленный пол под ней был рассчитан не только на гуманоидную форму, но и на моё обращение: скрытые панели могли уходить в стены, часть оборудования — подниматься выше, а внутренние дроны — подавать термоткань,

препараты и датчики, не приближаясь к телу слишком резко.

Сайвен продумал всё.

И это тоже болело.

Потому что если они так хорошо умели меня спасать, значит, слишком часто уже боялись потерять.

Вэлса говорила с кем-то через внутренний канал тихим режущим голосом. Айсар закрывал внешние протоколы виллы, убирал следы паники, вычищал лишние записи. Всё происходило быстро, слаженно, слишком привычно.

Я не хотела, чтобы они так хорошо умели спасать меня от собственного тела.

Сайвен уложил меня в капсулу. Его лицо было собранным, без злости, без обычного недовольства. Только работа. Именно это пугало сильнее всего.

— Режим поддержки, — сказал он, закрепляя датчики. — Глубокий мониторинг. Вэлса, стабилизатор второй линии. Айсар, полная изоляция медицинского крыла от внешних каналов.

— Уже, — ответил Айсар.

— Элирис, слышите меня?

Я попыталась кивнуть.

Получилось плохо.

— Да.

Голос был хриплым, тонким.

Капсула закрылась прозрачным куполом. По телу прошла первая волна сканирования, затем холод инфузии вошёл в

кровь. На несколько вдохов стало легче: боль собралась в один плотный узел, перестала расползаться хаотично, дыхание выровнялось.

Потом всплеск дара ударил снова, и капсула перестала казаться защитой.

Она стала границей.

Между мной и тем, что могло разнести комнату.

Тьма рванулась изнутри.

Не послушная, не тонкая, не та, что скользила по кинжалам красивым фиолетовым дымом. Эта была тяжёлой, рваной, слепой. Она цепляла нервные узлы, сжимала грудную клетку, била в виски. Ментальный дар отозвался болью в черепе, будто кто-то одновременно открыл слишком много каналов восприятия и залил их белым шумом.

Я выгнулась в капсуле.

Сайвен что-то сказал.

Я не разобрала.

Вэлса ответила.

Айсар выругался так тихо, что даже в приступе я почти оценила воспитание.

Следующие часы не стали временем.

Они стали болью.

Не ровной. Ровную можно выдержать легче. Эта приходила волнами: сначала жгла под кожей, потом уходила в кости, потом возвращалась в живот, в грудь, в горло, в глаза. Иногда я слышала собственное дыхание и понимала, что ещё не

потеряла сознание. Иногда не слышала ничего, кроме пульса, который грохотал так близко, будто сердце поднялось к самому горлу.

Капсула работала.

Я знала.

Она стабилизировала давление, поддерживала дыхание, вводила препараты, отслеживала перегрузки, не давала дару вырваться наружу слишком резко. Без неё было бы хуже. Возможно, намного хуже.

Но в какой-то момент помощь перестала ощущаться помощью.

Тело словно упёрлось в предел. Капсула держала меня в гуманоидной форме, удерживала мышцы, сердце, нервные всплески, но внутренний змей бился всё сильнее. Он не хотел оставаться внутри. Не сейчас. Не в этой тесной форме, где вся боль собиралась в слишком хрупком теле.

Я открыла глаза.

Купол над лицом был мутным от дыхания.

За ним — Сайвен. Бледный, злой, сосредоточенный. Вэлса рядом, ладони сжаты так, что побелели пальцы. Айсар у панели, без улыбки, без привычной лёгкости, с холодным лицом и слишком быстрыми движениями.

— Выключи, — выдохнула я.

Сайвен наклонился ближе.

— Нет.

— Сайвен.

— Капсула удерживает показатели.

— Она удерживает форму.

Он понял сразу.

По глазам.

По запаху.

По тому, как резко тёмная горечь его тревоги сменилась страхом.

— Обращение сейчас опасно.

— Знаю.

— Тело истощено.

— Знаю.

— Возврат может быть хуже.

— Сайвен.

Он замолчал.

Я собрала остатки дыхания и сказала уже не просьбой:

— Выключи капсулу. И выйдите.

Вэлса сделала шаг.

— Моя принцесса…

— Все.

Слово получилось тихим, но приказ всё равно был приказом.

Айсар не спорил. Это было почти страшно. Он только посмотрел на Сайвена, ожидая решения того, кто единственный в комнате имел право спорить со мной в медицинских вопросах.

Сайвен стоял неподвижно несколько секунд.

Потом отключил режим удержания формы.

— Пять минут, — сказал он. — Если показатели станут критическими, я войду.

— Хорошо.

— Это не согласие на героизм.

Я попыталась улыбнуться.

— У меня на него нет сил.

Вэлса открыла рот, но закрыла. Подошла к капсуле, коснулась пальцами внешней панели там, где под куполом лежала моя рука, и отошла. Айсар не сказал ничего. Только погасил все внешние экраны, оставив медицинскую комнату закрытой, слепой для мира.

Они вышли.

Дверь закрылась.

Капсула раскрылась.

Я скатилась на пол почти сразу.

Не упала красиво, не удержалась, не сохранила достоинство. Просто оказалась на холодной поверхности, хватая воздух, пока дар снова поднимался рваной волной.

Внутренний змей ждал.

Я отпустила его.

Обращение всегда было болью.

Для других саархов — сила, инстинкт, освобождение второй природы. Для меня — разборка тела на части и сборка заново слишком быстрыми, слишком грубыми руками. Кости, мышцы, кожа, позвоночник, дыхание, зрение — всё ме-

нялось через сопротивление. Я не кричала только потому, что голос сломался раньше.

Зато потом стало иначе.

Не легче.

Иначе.

Белоснежное тело с фиолетовыми разводами скрутилось на полу медицинской комнаты. Чешуя холодила собственную боль. Змеиная форма оказалась длиннее комнаты, поэтому мне пришлось сворачиваться кольцами, укладывая мощное тело вокруг себя, пряча голову в изгибах. Пол был ледяным, гладким, пах стерильностью, препаратами и моим страхом.

Змей взял часть боли.

Не забрал.

Разделил.

Он держал её иначе: без мыслей, без стыда, без попыток казаться сильной. В змеиной форме не нужно было улыбаться, отвечать, объяснять, обещать справиться. Можно было просто лежать, сжавшись кольцами, и пережидать, пока буря внутри не сломает всё или не выдохнется.

Я вздрагивала от каждой волны.

Белая чешуя тускнела и снова ловила свет. Фиолетовые узоры казались темнее, почти живыми. Тьма скользила по полу тонкими рваными тенями, но не вырывалась дальше. Змей удерживал. Терпел. Вжимал боль глубже в себя и не давал ей разорвать разумную часть.

Время потеряло смысл.

Была только медицинская комната.

Холодный пол.

Боль.

Чешуя.

Тёмные всплески дара.

Бездна.

Сайвен потом наверняка скажет, что показатели висели на границе почти час, но не сорвались за неё. А ещё что входить в комнату к саархатке в болезненном обращении — отличный способ получить мёртвого врача, разорванную дверь и новый приступ от испуга.

Он будет прав.

Меня это, конечно, раздражает.

Не знаю, сколько прошло.

В какой-то момент боль отступила не полностью, а будто ушла в глубину, оставив после себя пустое выжженное поле. Сознание провалилось сразу, без снов, без образов, без лиц Вайргардов.

Просто темнота.

Густая.

Тяжёлая.

Когда я снова открыла глаза, за окном было темно.

Я лежала на полу уже в гуманоидной форме.

Голая, холодная, слабая настолько, что первая попытка вдохнуть глубже закончилась дрожью во всём теле. Внутрен-

ний змей спал внутри — уставший, тяжёлый, свернувшийся где-то глубоко, как раненое существо после слишком долгой охоты.

Возврат прошёл без меня.

Хорошо.

Я медленно села. Мир поплыл, но не развалился. На полу рядом лежала тонкая термопокрывающая ткань — значит, кто-то всё-таки входил или отправил внутрь дрон, пока я была без сознания. Скорее всего, Сайвен. Или Вэлса. Или Айсар, который нашёл способ нарушить мой приказ, не нарушая его формально.

Я подтянула ткань к себе, завернулась и поднялась.

Ноги почти не держали.

До двери было всего несколько шагов. Я шла долго, ладонью опираясь о стену, чувствуя под пальцами холодный материал и слабую вибрацию работающих систем. Каждый вдох отдавался в рёбрах, но боли приступа уже не было. Остатки — да. Пустота — да. Разбитость — полностью.

Дверь открылась.

Мои помощники сидели под ней.

Все трое.

Вэлса на полу у стены, всё ещё безупречно прямая, хотя усталость делала её лицо почти прозрачным. Сайвен рядом, с планшетом в руках, бледный, с красными от напряжения глазами. Айсар сидел чуть дальше, спиной к косяку, голова откинута на стену, интерфейс погас у его ладони. Он выгля-

дел так, будто за последние часы успел поссориться с каждой системой виллы и победить только потому, что был злее.

Они поднялись почти одновременно.

Я улыбнулась им.

Мягко.

Наверное, жалко.

— Всё закончилось, — сказала я.

Голос был хриплым и низким.

Вэлса закрыла глаза на один вдох.

Сайвен ничего не сказал. Только подошёл и проверил моё запястье, придерживая так осторожно, будто я могла рассыпаться от неправильного движения. Его пальцы были холодными и точными, но отпускать руку он не спешил.

Не сразу.

Будто проверял не только пульс.

Будто убеждался, что я правда стою перед ним, дышу, злюсь, упрямо держусь на ногах и снова пытаюсь выглядеть лучше, чем есть.

Айсар выдохнул:

— Хорошо.

Одно слово.

Без шутки.

От этого в груди стало теснее.

— В комнату, — сказал Сайвен.

Я не спорила.

Это, кажется, встревожило его ещё сильнее.

Они помогли мне дойти до моих покоев.

Не понесли.

Я была благодарна за это почти до боли. Вэлса держала меня под локоть, Сайвен контролировал шаг и дыхание, Айсар шёл впереди, открывая двери и глуша лишний свет, чтобы он не бил по глазам.

В ванной Вэлса помогла мне снять термоткань и войти под тёплую воду.

Я обычно не любила, когда мне помогают так близко. Слишком уязвимо. Слишком телесно. Слишком похоже на беспомощность, которую хотелось содрать с кожи вместе с усталостью. Но сейчас пальцы не слушались, волосы спутались, а сил хватало только на то, чтобы стоять, опираясь ладонью о стену.

Вэлса молчала.

За это я тоже была благодарна.

Она вымыла мои волосы, аккуратно распутала белые пряди с фиолетовыми вспышками, смыла с кожи холодный пот и остаточный запах приступа. Потом помогла выбраться, завернула в мягкий халат и провела к кровати.

Сайвен уже ждал с инфузионным модулем.

— Ложитесь.

Я легла.

Даже без комментария.

Он подключил линию к венозному порту, проверил показатели, изменил дозировку, затем долго смотрел на голо-

графическую панель. Молчание у него было тяжелее любых лекций.

— Скажи, — попросила я.

— Позже.

— Настолько плохо?

— Настолько не сейчас.

Я кивнула.

Препарат пошёл в кровь прохладной волной.

Айсар стоял у окна, скрестив руки на груди.

— Снаружи всё чисто, — сказал он. — После нашего ухода из лекторского зала ничего необычного не произошло. Академия приняла официальную версию о восстановлении после нагрузки. Записи отредактированы в пределах допустимого. Вайргарды не пытались подойти к вилле. Пока.

— Сиара? — спросила я.

— Приходила. Спрашивала, всё ли в порядке. Вэлса сказала, что вы восстанавливаетесь после перегрузки и свяжетесь с ней, когда сможете.

Я закрыла глаза.

— Хорошо. Нужно будет написать ей утром.

— Я подготовлю канал, — сказал Айсар.

— Спасибо.

Вэлса поправила покрывало. Её пальцы задержались у моей руки.

— Отдыхайте, моя принцесса.

— Вы тоже.

Сайвен недовольно посмотрел на меня.

— Не вам сейчас раздавать указания.

— Я всё ещё принцесса.

— У принцесс тоже есть медицинский режим.

— Какая жестокая система.

Айсар едва заметно улыбнулся.

Вот так лучше.

Шутки — значит, они начинают дышать.

— Идите, — сказала я тише. — Пожалуйста. Вы выглядите хуже меня.

— Это невозможно, — ответил Сайвен.

— Утешил.

— Я не пытался.

Вэлса склонилась и легко коснулась пальцами моего плеча.

— Мы будем рядом. Но за дверью.

Я кивнула.

Они ушли не сразу. Сначала Сайвен проверил инфузию ещё раз. Вэлса убрала влажное полотенце. Айсар отключил лишние уведомления и настроил охранный режим комнаты так, что даже семейный канал, кажется, должен был постучать перед входом.

Потом дверь закрылась.

Я осталась в мягком полумраке, под тихий звук воды во внутреннем канале и едва слышную работу инфузионного модуля.

Препарат начал действовать быстро. Тело тяжелело, боль отступала в глухую глубину, мысли становились медленнее. Сон тянул за собой не ласково, а настойчиво.

Я ненавидела это чувство.

Слабой настолько, что даже благодарность болела.

Я могла выступать перед тремя системами, улыбаться Вайргардам, держать яд под языком, читать лекции о расе, этикете и силе женщин, но в конце дня всё равно оказывалась в постели с инфузионной линией в руке и Сайвеном за дверью, который наверняка не уйдёт спать, пока показатели не станут ровнее.

Бездна, как же я ненавидела быть такой беспомощной.

И всё же утром я встану.

Не потому, что сильная.

Не потому, что не больно.

А потому что у меня нет права остановиться на полу медицинской комнаты, пока Вайргарды всё ещё дышат свободно.

Эта мысль успела дойти до конца прежде, чем препарат окончательно утянул меня в сон.

Глава 9

Элирис

Следующие три месяца прошли быстрее, чем я ожидала.

Без взрывов, официальных покушений, сорванных дипломатических ужинов и вынужденного применения яда в присутствии ректора. Если оценивать по меркам трёх систем, собранных на одной нейтральной территории, это почти чудо. Если по меркам моей семьи — подозрительное затишье, за которым обязательно стоит чей-то слишком длинный план.

Я ставила на второе.

После приступа Сайвен неделю смотрел на меня так, будто лично готов отменить Академию, обмен знаниями, Кхар'Раэн и, по возможности, саму концепцию публичной деятельности принцесс с нестабильными энергетическими каналами.

Я делала вид, что не замечаю.

И честно соблюдала режим целых три дня.

Почти подвиг.

На четвёртый день Сайвен поймал меня в рабочем кабинете виллы за подготовкой дополнительной лекции и сказал, что если я не лягу спать, он внесёт в официальный медицинский отчёт формулировку «саморазрушительное дипломатическое поведение».

Я ответила, что звучит достойно.

Он не оценил.

Академия тем временем жила.

Лекции сменяли друг друга, семинары перерастали в споры, споры — в закрытые переговоры, закрытые переговоры — в слухи, которые Айсар ловил раньше, чем они успевали сменить первый источник. Академия работала именно так, как задумывали мама и бабушка: заставляла разные системы не только смотреть друг на друга, но и говорить, спорить, сравнивать, раздражаться, признавать чужую силу и иногда — совсем редко — чужую правоту.

Кхар'Раэн слушал.

Не всегда охотно, не всегда искренне, но слушал. Раэдары приносили в залы свою тяжёлую гордость, военную прямоту и привычку измерять любой разговор силой. Аэл'Тар отвечал живостью, стаей, вопросами и тем редким умением спорить горячо, но не разрушая стол. Са'Рет, разумеется, делал то, что у нас получалось лучше всего: улыбался, записывал слабые места и называл это протоколом.

Вторую неделю обмена запомнили из-за Сиары.

На закрытом семинаре по межсистемному праву один раэдарский юрист попытался объяснить, что понятие «добровольного согласия» в договорах с зависимыми территориями может трактоваться через «естественное признание силы старшей системы».

Сиара слушала его очень внимательно.

Даже хвост держала почти спокойно.

Потом встала, вывела на общую панель тринадцать пунктов его же формулировки, два исторических прецедента, четыре противоречия с нейтральным правом Академии и один вопрос, после которого раэдарский юрист ещё десять секунд смотрел на текст так, будто тот лично предал его род.

— Благодарю, — сказала Сиара с улыбкой. — Теперь мы все понимаем, что если согласие приходится объяснять через подчинение, значит, кто-то слишком уверенно называет ошейник украшением.

Сектор Аэл'Тар едва не устроил овацию.

Саархи сделали вид, что просто одобрительно молчат.

Раэдары начали смотреть на Сиару внимательнее.

Мой внутренний змей довольно свернулся глубже.

Умница.

На четвёртой неделе Севарион прислал ткань.

Слишком красивую.

Мягкий тёмно-фиолетовый шёлк с золотистым переливом, плотный, дорогой, явно не случайный. К нему прилагалась записка на настоящей бумаге:

«Для будущего наряда, если однажды ваше высочество сочтёт уместным позволить Кхар'Раэну увидеть цвет, который не принадлежит ни ночи, ни утру, а только мгновению между ними».

Вэлса прочитала записку и сказала:

— Поэтично.

Сайвен сказал:

— Подозрительно.

Айсар сказал:

— Можно я проверю ткань на скрытые сенсоры и плохой вкус?

Я отправила благодарность.

Очень вежливую.

Очень красивую.

Без единой личной нити.

И ткань, разумеется, не надела.

На седьмой неделе Рагвейн появился у тренировочной галереи как раз тогда, когда я заканчивала короткую отработку с кинжалами. Он не нарушил дистанцию, не заговорил первым и даже не сделал ничего, что можно было бы занести в протокол как давление.

Просто смотрел.

Тяжело.

Горячо.

Так, будто каждый мой удар был вопросом, на который ему хотелось ответить собственными руками.

Вэлса стала между нами с такой мягкой улыбкой, что два студента поблизости немедленно решили уйти.

Рагвейн усмехнулся.

— Госпожа Ар'Шен, вы всегда встаёте между принцессой и теми, кто восхищён её техникой?

— Нет, лорд Рагвейн. Только между принцессой и теми, кто путает восхищение с желанием проверить кромку на се-

бе.

— А если желание взаимно?

— Тогда вы первый узнаете по кровопотере.

Я чуть не уронила кинжал от попытки не рассмеяться.

Рагвейн посмотрел на меня.

И ушёл с улыбкой, в которой было слишком много интереса и слишком мало здравого смысла.

Вайргарды пытались.

Постоянно.

Подарки приходили регулярно. Не слишком часто, чтобы это выглядело давлением, и не слишком редко, чтобы о них забыли. Редкие фрукты Кхар'Раэна. Ткани, слишком дорогие для нейтрального жеста. Украшения, которые я принимала как дипломатические знаки внимания и ни разу не надевала. Бумажные записки от Севариона, сдержанные приглашения от Аристана, более прямые послания от Рагвейна, где вежливость держалась на таком тонком поводке, что Вэлса однажды назвала его «обученным насилием».

Я принимала всё.

Благодарила.

Отвечала.

Ни разу не сказала да.

Ни разу не сказала нет.

Я кормила их ожиданием.

Не собой.

Не обещанием.

Именно ожиданием — самым безопасным ядом, если правильно рассчитать дозу.

Этого было достаточно, чтобы они продолжали тянуться.

В этом мне очень помогала Сиара.

К концу первого месяца мы уже почти везде появлялись вместе. К концу второго Академия официально перестала делать вид, что это случайность. К концу третьего нас неофициально называли двумя бестиями Академии, и, судя по выражению Сиары, она считала это лучшей частью своей дипломатической карьеры.

— «Бестии» звучит недостаточно юридически, — сказала она однажды, разворачивая очередной подарок от эларийской делегации. — Нужно что-то вроде «непредсказуемый союз повышенного политического риска».

— Слишком длинно для сплетен.

— Зато красиво для протокола.

— Ты собираешься занести это в протокол?

— Я собираюсь сделать вид, что не собираюсь, а потом занести.

Именно тогда я окончательно поняла: мы подружимся не просто быстро, а безнадёжно.

Сиара оказалась тем редким существом, рядом с которым не нужно было постоянно держать каждую мышцу лица под контролем. Она видела слишком много, делала выводы слишком быстро и при этом не лезла туда, где я ещё не могла говорить. У неё был острый язык, живой хвост, опасно

точная голова и удивительная способность превращать даже скучный протокольный завтрак в маленькую диверсию против уныния.

Её присутствие стало удобной защитой и настоящей радостью одновременно.

Вайргарды не могли подойти ближе, чем позволял протокол, если рядом со мной стояла глава делегации Аэл'Тар, юрист, дипломат и женщина новой крови, которая умела улыбаться так, будто уже нашла в их фразе три спорных пункта и один повод для официального письма.

Вчера Вайргарды лично пришли на виллу Са'Рет с просьбой о личной встрече. Очень вежливо, очень официально, с безупречным поводом обсудить «частные аспекты межсистемного взаимопонимания». К сожалению для них, мы с Сиарой в это время были в торговом городе Академии и выбирали ткани, потому что она внезапно решила, что ей срочно нужен саархатский домашний наряд.

Я всё ещё не знала, кто выглядел счастливее: Сиара в лавке тканей или Вэлса, когда сообщала Вайргардам, что принцесса Са'Рет отсутствует и вернётся поздно.

Тогда я поняла: моя задача в Академии выполнена.

Они хотели встречи.

Личной.

Закрытой.

Прекрасно.

Следующий шаг будет сделан уже не здесь, а на подписа-

нии договора.

Закрытие обмена прошло торжественно и почти без сюрпризов. Ректор произнёс речь о знаниях, доверии и новых горизонтах, Сиара говорила от Аэл'Тар с той живой точностью, из-за которой половина зала улыбалась, а вторая половина начинала записывать формулировки. Аристан выступил от Кхар'Раэна — сильно, гордо, всё ещё с привычной раэдарской вертикалью, но уже без прежней открытой резкости. Я сказала от Са'Рет несколько красивых слов о том, что взаимное уважение начинается там, где заканчивается уверенность в собственной единственной правоте.

Раэдары поняли.

Саархи тоже.

Эларийцы оценили.

После закрытия мы улетели сразу, оставив часть делегации завершать бюрократические вопросы. Официально — из-за графика Императорского клана. Неофициально — потому что мне больше нечего было делать в Академии.

Сиара летела с нами.

Официально — для подготовки совместного юридического отчёта по итогам обмена и консультаций по будущим образовательным протоколам между Са'Рет и Аэл'Тар.

Неофициально — потому что я пригласила её погостить во дворце, а она согласилась быстрее, чем дипломатически прилично.

— Я же должна увидеть, как ты живёшь во дворце, — ска-

зала она. — И проверить, правда ли твои братья такие страшные, как о них говорят.

— Они хуже.

— Великолепно.

— Сиара, это не туристическая достопримечательность.

— Ты недооцениваешь мою любовь к опасным семейным структурам.

Я не стала говорить ей, что моя догадка почти стала уверенностью. Внутренний змей принимал её слишком легко. Братья заочно реагировали на неё слишком ярко — особенно после того, как я прислала общее фото с закрытия, где Сиара стояла рядом со мной и улыбалась в камеру.

Арвейс написал сухое:

«Кто это?»

Риэлан попросил:

«Полное досье в целях протокольного интереса».

Дайрен отправил:

«Почему у неё хвост так смотрит на тебя, и почему мне это нравится?»

Да, скоро они получат новый повод для беспокойства.

Очень красивый.

С карими глазами и юридическим образованием.

Императорский линкор Са'Рет шёл через переходный коридор мягко, почти без вибрации. В моём рабочем кабинете было тихо: обзорное окно показывало глубокую текучую темноту перехода, на столе светились несколько закрытых

панелей, а над центральной поверхностью медленно вращалась схема будущих переговоров.

Теперь оставалось ждать, когда Кхар'Раэн решит перейти от обмена знаниями к союзному договору.

В прошлой жизни они не стали ждать долго.

Тогда раэдары пришли с красивыми словами о необходимости закрепить доверие кровью. Предложили политический брак для моих братьев: младшую принцессу из боковой линии, не чистокровную раэдарку, официально — знак будущего союза, на деле — жестокую шпионку, интриганку и прекрасно обученный инструмент правящего гнезда. В прошлой жизни я не сразу поняла, насколько опасен был этот ход. Слишком много внимания тогда уходило на Вайргардов и их умение казаться неизбежными.

Теперь ситуация изменилась.

Брак для моих братьев с кем-то, кроме Сиары, невозможен. Даже если они ещё не знают этого полностью, связь уже начинает тянуться через расстояние. Я видела, как Сиара иногда замирала над сообщениями от меня, когда в кадр случайно попадал Арвейс. Видела, как её хвост выдавал интерес к Риэлановым формулировкам, хотя она ругалась, что «этот принц пишет так, будто у него договор вместо сердца». Видела, как она смеялась над голосовыми Дайрена и потом слишком долго прятала улыбку.

Значит, Кхар'Раэну придётся искать другой способ закрепить договор.

И я очень хотела знать, какой.

— Пора ко второй фазе, — сказала я.

Вэлса, стоявшая у стола с планшетом, подняла глаза.

Айсар оторвался от своей панели. Он выглядел бодрым, что после трёх месяцев рядом с Академией, сетями и моими планами было либо подвигом, либо тревожным симптомом.

Сиара сидела в кресле у боковой стены. Формально она просто присутствовала как моя гостья и представительница Аэл'Тар, участвующая в подготовке итогового юридического отчёта.

Неформально — уже слишком многое понимала и слишком мало спрашивала.

— Вэлса, Айсар, — продолжила я. — Отслеживайте раэдарскую делегацию после возвращения. Особенно Вайргардов. Все запросы, перемещения, закрытые каналы, контакты с боковыми линиями, подарки, письма, любые попытки выйти на Са'Рет до официального приглашения к переговорам. Мне нужны их намерения раньше, чем они оформят их в протокол.

Айсар улыбнулся без привычной лёгкости.

— Я уже оставил несколько вежливых нитей в общих каналах Академии. Не следы, — добавил он, поймав взгляд Вэлсы. — Именно нити. Если кто-то дёрнет — я услышу.

— Хорошо.

Вэлса не сразу кивнула. Её пальцы легли на край планшета, губы сжались. За три месяца она видела достаточно, что-

бы понять направление моего плана, и всё равно надеялась, что я выберу менее опасную дорогу.

— Моя принцесса, вы уверены?

Вопрос прозвучал мягко.

Без давления.

От этого он стал тяжелее.

Я повернулась к обзорному окну. Темнота перехода двигалась за стеклом, глубокая и спокойная, будто там не было ни прошлого, ни будущего, ни гнёзд, ни договоров, ни женщин, которых могут снова назвать ресурсом.

— Уверена.

— Это откроет им путь ближе к вам.

— Да.

— И вам — к ним.

— Именно.

Вэлса молчала.

Айсар тоже.

Я усмехнулась, но без веселья.

— Мы не попадём в Кхар'Раэн через красивые лекции и обмен подарками. Официальный доступ в их систему появится только через договор, переговоры, приглашение или личный интерес правящего гнезда. Если мы хотим изменить что-то не снаружи, а изнутри, придётся войти туда по их правилам, а потом сломать те из них, которые должны были сгнить ещё несколько поколений назад.

— За это придётся платить, — сказала Вэлса.

— Как можно что-то изменить, ничем не пожертвовав?

Она поджала губы.

Не согласилась.

Не спорила.

Не потому, что приняла мой ответ. Потому что поняла: я уже выбрала цену и теперь только решаю, как заплатить так, чтобы не отдать лишнего.

Это было хуже открытого возражения.

— Я выполню приказ, моя принцесса.

— Знаю.

И именно поэтому мне хотелось попросить прощения.

Но я не попросила.

Айсар развернул перед нами новое голографическое поле.

— Тогда начнём с правящего гнезда. Вы просили найти всех значимых представителей и линии наследования.

Над столом появилось генеалогическое древо Кхар'Раэна: тёмные линии, золотые отметки, красные узлы брачных и гнездовых связей. В центре — правящее гнездо Вайргард.

— Три правителя, — сказал Айсар. — Все живы, сохраняют власть, хотя часть оперативного контроля давно передана старшим наследникам. Их самка умерла при родах последнего чистокровного ребёнка.

Он увеличил центральную ветвь.

— Пятеро официальных чистокровных детей. Старшие наследники: Аристан Вайргард, Севарион Вайргард, Рагвейн Вайргард. Отдельно — чистокровная принцесса правящего

гнезда. По ней информации меньше, доступ к личным данным почти полностью закрыт.

Голограмма сместилась ниже.

Там, где должна была появиться ещё одна карточка, возник не портрет и не имя, а тёмный закрытый блок с несколькими выведенными строками.

— И младший наследник, — сказал Айсар. — Имя в открытых и полуоткрытых архивах вычищено. Личное изображение удалено. Вторая фамильная линия скрыта. Формально чистокровный младший наследник, но от имени Вайргард отказался. Судя по обрывочным данным, использует материнскую линию как личный домовой знак, однако сам знак закрыт. Живёт вне правящего гнезда, почти не появляется на официальных церемониях, в наследственных советах не замечен. Правящее гнездо его не любит, а он, кажется, отвечает взаимностью без дипломатических украшений.

Закрытый блок мерцал над столом.

Без лица.

Без имени.

Без запаха.

И всё же мой внутренний змей поднял голову.

Не на личность.

На трещину.

На то место в чужом гнезде, где кровь и власть явно перестали совпадать с верностью.

Интересно.

Если правящее гнездо так тщательно прячет собственного младшего, значит, там есть не просто семейная обида.

Там есть слабое место.

А слабые места в гнезде драконов не оставляют без внимания.

— Вот это уже полезно, — сказала я.

Вэлса перевела взгляд с закрытой карточки на меня.

— Почему?

— Потому что тот, кто ненавидит правящее гнездо и при этом остаётся чистокровным наследником, может оказаться самой удобной трещиной в их стене. У него есть кровь, происхождение, потенциальное право входа в те зоны, куда чужих не пустят, и причина не защищать старших братьев.

— Причина не защищать не равна готовности помочь, — заметила Сиара с кресла.

Первый раз за весь разговор.

Я посмотрела на неё и увидела не подругу со смеющимся хвостом, а юриста стаи Вейларис: внимательную, точную, уже просчитывающую последствия.

— Поэтому мне нужно досье.

Айсар кивнул.

— Соберу всё, что возможно: военные записи, перемещения, контакты, конфликты с гнездом, личные владения, возможные долги, слабые места, союзников, врагов, медицинские сведения, если доберусь. Но с ним будет сложно. Кто-то хорошо вычистил контур.

— Без риска раскрытия.

Он оскорблённо прижал руку к груди.

— Моя принцесса, я выгляжу как существо, которое допускает неэлегантный риск?

Сайвена рядом не было, и ответить было некому.

Вэлса сделала это за всех:

— Да.

— Сурово.

— Точно.

Я закрыла голографическое поле с младшим наследником, потому что закрытый блок раздражал сильнее, чем должен был.

— Также проверьте нечистокровные линии гнезда. Особенно тех, кого могут использовать как брачные предложения, заложников доверия или скрытых агентов. В прошлый раз именно там был неприятный сюрприз.

Вэлса уловила «в прошлый раз». Она давно научилась не переспрашивать при других, но Сиара услышала.

Конечно, услышала.

Её хвост перестал двигаться.

— Будет сделано, — сказала Вэлса. — Я подготовлю отдельную таблицу по женским линиям и придворным связям.

— Хорошо. Айсар?

— Досье на закрытого младшего наследника — в первую очередь. Затем закрытые ветви, боковые дети и те, кого Вайргарды могут подать как удобную жертву в красивой упа-

ковке.

— Именно.

Он свернул голограмму и поднялся.

— Тогда я пойду туда, где меня любят системы и не любит закон.

— Айсар.

— В рамках разумного.

Вэлса посмотрела на него.

Он вздохнул.

— В рамках полезного.

— Лучше.

Они ушли почти одновременно. Вэлса — тихо, с планшетом у груди и тревогой, которую не спрятал даже идеальный шаг. Айсар — быстро, уже погружаясь в собственные схемы.

Дверь кабинета закрылась.

Мы с Сиарой остались вдвоём.

Она сидела очень спокойно. Слишком спокойно для той, кто обычно заполнял пространство живой энергией. Карие глаза внимательно смотрели на меня, уши были направлены вперёд, хвост лежал неподвижно вдоль кресла.

Я тяжело выдохнула.

Пора.

Нельзя было дальше держать её рядом, позволяя видеть края плана и не объясняя, насколько глубокой может оказаться пропасть. Сиара стала моей подругой не потому, что её удобно использовать. И если моя догадка о братьях вер-

на, скоро она окажется в центре семьи, которую я пытаюсь защитить любыми способами.

— Сиара, мне нужно кое-что рассказать.

Она поднялась раньше, чем я успела продолжить.

— Чем я могу помочь?

Я замолчала.

Она подошла к столу и оперлась ладонями о его край.

— Элирис, я не знаю всего. Очевидно, не знаю. Но за три месяца я поняла достаточно. Ты не просто играешь с Вайргардами. Ты ведёшь их туда, где тебе будет удобнее ударить. Ты боишься не за себя, а за Са'Рет, Аэл'Тар и свою семью. Ты заранее знаешь некоторые ходы Кхар'Раэна, хотя не говоришь откуда. И сейчас ты собираешься сделать что-то настолько опасное, что даже Вэлса начала спрашивать, уверена ли ты.

Я смотрела на неё и вдруг захотела рассмеяться.

Не потому что было смешно.

Потому что она стояла передо мной живая, упрямая, точная, светлая — и уже выбирала не отступить.

— Ты должна была стать дипломатом, — сказала я.

— Я и стала. Именно поэтому спрашиваю сразу: чем я могу помочь?

— Ты не хочешь сначала узнать, во что ввязываешься?

— Хочу. Но ответ всё равно не изменится.

— Это очень плохая привычка.

— Говорит принцесса, которая собирается лезть в

Кхар'Раэн через интерес правящего гнезда.

Я не выдержала и рассмеялась.

Сначала тихо, потом по-настоящему. Смех вышел усталым, чуть хриплым, но живым. Сиара улыбнулась в ответ, и её хвост наконец дрогнул, выдавая облегчение.

— Бездна, — сказала я, качая головой. — Мои братья обречены.

— На что именно?

— На тебя.

Она моргнула.

Очень быстро.

Потом прищурилась.

— Вот это уже звучит как отдельная глава разговора.

— Большая.

— С юридическими последствиями?

— Огромными.

Сиара медленно улыбнулась.

— Тогда тем более рассказывай. Я люблю крупные дела.

Я смотрела на неё и понимала: вторая часть плана началась не с приказов Вэлсе и Айсару, не с досье закрытого младшего наследника и не с будущего договора.

Она началась с того, что я больше не могла идти дальше одна.

И впервые за долгое время эта мысль не показалась слабостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.